

ОМЕГА

ISSN 0131-6656

№ 12 (1370) июнь 1984

ВЫПУСКНИК-84:
ПУТЬ
К ПРОФЕССИИ.
ГОРОД
У МОРЯ БЕЛОГО.

Клуб
«Музыка с тобой».

денных после войны годичные когорты. Напомню, что в 1967—1969 годах ежегодно в стране рождалось по 4,1 миллиона детей — против 5,3 миллиона в конце 50-х годов. Сокращение численности молодежи, с одной стороны, увеличивает нагрузку на нее, с другой — создает ей в некоторых отношениях весьма льготные, преимущественные условия.

Как известно, у молодежи в обществе три главные функции (у юношей — четыре): учеба, работа в общественном хозяйстве, рождение и воспитание детей, оборона страны (служба в армии).

Об учебе. Научно-техническая революция требует повышения общего и профессионального образования. В недавнем прошлом страна перешла ко всеобщему среднему образованию молодежи, в ближайшем будущем намечен переход к одиннадцатилетнему общему образованию. Все большая доля молодежи и все дольше учится в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Производительный труд. Резкое уменьшение прироста трудовых ресурсов неизбежно будет вызывать стремление как можно полнее использовать молодежь в народном хозяйстве.

И, наконец, малочисленность людей, рожденных во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов, потребует резкого повышения рождаемости в этом поколении, увеличения числа детей в семье; без этого произойдет резкое снижение числа рождений — подобное тому, что произошло в 60-е годы, — а это имело бы многие и долговременные отрицательные последствия, в частности: ускорение старения населения, убыль трудовых ресурсов, диспропорции между числом женихов и невест в молодых возрастах и т. д.

Так что задача состоит в том, чтобы суметь оптимально сочетать эти три главные функции молодежи в обществе, причем сочетать так, чтобы одни из них не подавили другие, чтобы новые поколения были и самыми образованными и соответственно производительными, чтобы народное хозяйство не испытывало недостатка трудовых ресурсов сейчас, но и чтобы детей было достаточно. Такой оптимум вполне достижим, хотя это неизбежно увеличивает нагрузку на малолюдное поколение, которое входит нынче во взрослую трудовую жизнь.

Огромное же преимущество объективных условий жизни для нынешних и завтрашних выпускников школы состоит в возможности получить исключительно высокое — в среднем не сравнимое ни с одним предшествующим поколением — образование.

В 1977 году в вузы страны было принято 1 миллион 17 тысяч новых студентов, что составило 20 процентов к числу рожденных в 1960 году. А через пять лет было принято уже 1 миллион 70 тысяч студентов. Если бы даже приемы студентов перестали расти, то из числа рожденных в 1967—1969 годах в вузы поступило бы более 26 человек из 100, то есть более четверти против пятой части из рожденных в 1960 году. Еще большая доля рожденных в конце 60-х годов может получить среднее специальное образование. Несомненно, что у тех, кто родился в последние годы и сегодня еще посещает дошкольные учреждения, эти возможности будут меньше, так что в этом отношении поколение нынешних выпускников средней школы имеет больше преимуществ не только перед старшими поколениями, но и перед младшими. Это благоприятнейшее обстоятельство нужно использовать в полную меру.

Думаю, что в ближайшие годы студентов вузов станет даже несколько больше. В частности, это будет связано с осуществлением школьной реформы. Признано, что учителя и воспитатели всех звеньев просвещения должны иметь высшее образование. Однако в 1981/82 учебном году в дневных обще-

ПОСЛЕ БАБАДА

Виктор
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

Окончание средней школы — один из самых важных, заметных и памятных рубежей человеческой жизни. Это как бы грань двух возрастных эпох. Юный человек из полностью зависимого от других, ведомого «на помочах», превращается в относительно независимого, самостоятельного, взрослого. Наступает пора стремительных перемен, требующих зачастую принятия самостоятельных решений. Во-первых, нужно выбрать профессию, затем получить ее, приобрести при этом достаточную квалификацию; во-вторых, создать собственную семью, а юношам — еще и отслужить в армии; войти в трудовой коллектив, адаптироваться к условиям труда, ко взрослой жизни вообще. То есть, говоря обобщенно, первые после окончания школы годы — это период завершения социализации. Очень важный и сложный период, от успешного течения которого в громадной степени зависит вся последу-

ющая — гораздо более долгая в сравнении с предшествующей — жизнь.

Рассмотрим подробнее, в чем же состоят особенности этого периода в наше время?

Главное отличие нашей эпохи от всех предшествующих — всесторонняя мобильность человека. Каких-нибудь сто лет назад подавляющее большинство людей повторяло жизнь своих родителей. Дети крестьян становились крестьянами, дети дворян — дворянами; сын кузнеца становился кузнецом, рыбака — рыбаком и т. д. Даже умирало подавляющее большинство людей там же, где родилось.

Сегодня типичным можно считать такой, например, жизненный путь: после окончания средней школы — колхозник или рабочий, потом студент, инженер, руководитель разных рангов. Что касается территориальной подвижности, то теперь средний человек за свою примерно 70-летнюю жизнь меняет место проживания шесть-семь раз, успевает пожить в разных, иной раз самых далеко

отстоящих друг от друга районах страны, в самых разных селах, поселках и городах, причем преобладает течение от села к большим городам.

Большое количество людей — и отнюдь не «летуны» — успевают за свою трудовую жизнь сменить не одну профессию и много мест работы.

Короче говоря, человек стал всесторонне подвижен. Эта кардинальная особенность нашего времени предъявляет человеку новые и нелегкие требования. Он постоянно должен выбирать, часто не будучи для этого достаточно подготовленным и не имея для правильного выбора многих данных, решая наугад задачу со многими неизвестными.

О выборе жизненного пути молодыми людьми, оканчивающими сегодня школу, поговорим чуть ниже, а сначала — о некоторых специфических условиях этого выбора именно сейчас, в 1984-м и ближайших за ним годах.

В этом и в два последующих года возраста 17 лет достигают и оканчивают школу **самые малолюдные** из рож-

образовательных школах более четверти всех учителей (26,4 процента) не имели высшего образования, не говоря уже о воспитателях детских садов, где высшего образования не имеет подавляющее большинство. Кроме того, осуществление реформы вызовет очень большое увеличение потребности в учителях. Во-первых, будет осуществлен переход от десятилетнего к одиннадцатилетнему образованию. Во-вторых, произойдет сильное разукрупнение учебных групп — до 30 человек в I—IX классах и 25 — в X—XI классах, вместо нынешних сорока человек. В-третьих, сильно увеличится число учащихся в связи с ростом ежегодного числа рождений — с 4,1 миллиона в 1969 году до 5,5 миллиона в 1983 году. Наконец, признано необходимым «переходить в педагогических институтах на пятилетний срок обучения» вместо нынешнего преобладающего четырехлетнего.

Все это, вместе взятое, потребует очень большого увеличения числа студентов педвузов. Замечу попутно, что прием в педвузы составляет почти треть всего приема студентов в высшие учебные заведения.

В последнее время произошли сильные сдвиги в престиже разных учебных заведений, факультетов, специальностей. В частности, сильно упал престиж инженера и соответствующих вузов и факультетов, которые иногда едва-едва набирают нужное количество студентов. С другой стороны, стремительно возросли конкурсы на некоторые гуманитарные специальности, особенно — в университетах (специальности историков, психологов, юристов, журналистов, филологов и т. д.), а также в экономических вузах и экономических факультеты иных вузов. Кстати, вполне справедливо мнение, что какая-то часть молодых людей, пожелавших получить профессию экономиста, руководствовалась при выборе исключительно конъюнктурными, меркантильными соображениями, думая, что с такой профессией они скорее и легче получат доступ к пресловутому «дефициту». Уверен, что выпускники, сознательно выбирающие себе пути поближе к дефицитным благам, могут ошибиться, поскольку дефицит не вечен. Возможно, что к тому времени, когда они станут специалистами, дефицитнейшие джинсы можно будет купить так же просто, как нынче часы.

Мне представляется, что выбор профессии, требующей высшего образования, должен определяться прежде всего интересом к существу самой профессии, соображениями, я бы сказал, идеальными. Насколько помню, три десятилетия назад, когда сам поступал в университет, никто как-то не интересовался — а какая у него будет зарплата после вуза?

Надо признать, что нынешний выпускник средней школы не очень хорошо подготовлен к выбору профессии вообще, требующей высшего образования, в частности. Многие юноши и девушки, к сожалению, выбирают наобум. Расплата бывает тяжелой. Жить с нелюбимой профессией так же трудно, как с нелюбимой женой. Профессию надо выбирать по любви. Если ничто пока не притягивает — лучше ждать. И, разумеется, искать. Не вижу никакой трагедии в том, что человек поступит в вуз не в год окончания школы, а через пару-другую лет.

«Да, легко давать советы, — слышу я читателя-скептика. — Чужую беду — руками разведу... Сам-то, небось...»

Сам я поступал в Московский университет через четыре года после окончания средней школы, поездив по стране и поработав в нефтяной промышленности, и именно в этой работе выбрал то, чему потом учился в университете и чем занимаюсь до сих пор. Не знаю, как другим, но лично мне позднее высшее образование пошло только на пользу.

То научное подразделение, в составе которого я работаю, уже два десятилетия изучает жизненные пути молодежи. В частности, многократно проводились специальные социологические обследо-

вания выпускников общеобразовательных школ Новосибирска и Новосибирской области: перед выпуском, осенью в год выпуска, через три года, через пять, через восемь лет...

Сразу после вступительных экзаменов в вуз, те, кто их не выдержал или не прошел по конкурсу, чувствовали себя очень плохо, воспринимали этот факт весьма драматично, если не трагично. Поступившие в вуз, естественно, чувствовали себя счастливыми.

А что было через восемь лет? Через восемь лет бывшие счастливы не производили особо радужного впечатления, а бывшие неудачники совсем ими теперь не казались. Приведу только три примера.

Инженер-технолог. Работает на большом машиностроительном заводе. Вступительные экзамены в вуз в свое время сдал хорошо и по конкурсу прошел без труда. На завод пришел сразу из вуза. До недавнего времени был «молодым специалистом» (три года после выпуска). Зарботок небольшой, работа неинтересная, живет в общежитии. Общая самооценка удовлетворенности жизнью — тройка (по пятибалльной шкале), удовлетворительно.

Слесарь-лекальщик на машиностроительном заводе. В институт не прошел по конкурсу. До армии поработал на стройке. После армии поступил на завод. Специальность сложная. Вершин мастерства еще не достиг. Имеет пятый разряд. Зарботки хорошие, примерно вдвое выше, чем у молодого инженера. Работа интересная. Женат, имеет одного ребенка. Живут в однокомнатной квартире, подходят очереди на расширение. Общая оценка удовлетворенности жизнью — четверка (хорошо).

Преподаватель английского языка в вузе. В иняз поступила с первой попытки, окончила вуз очень хорошо, довольна работой и коллегами, состоит в заочной аспирантуре, собирается вскоре защищать диссертацию; жилищные условия таковы, что в нашей анкете не нашлось нужной градации — небольшая родительская семья живет в просторной трехкомнатной квартире; доходы очень высоки. Все идет по высшему уровню. И вдруг — самооценка удовлетворенности жизнью — та же троечка, что и в первом случае. В чем дело? Скорее всего в том, что нет собственной семьи; замужем еще не была.

Как видим, ни поступление в вуз, ни его окончание жизненного успеха еще не гарантируют, во всяком случае — в юности. Диплом есть — а счастья нет. Хорошо, однако, известно, что высшее образование резко повышает запросы человека, его притязания, его требования к жизни. И, чтобы их удовлетворить, человек с вузовским дипломом довольно часто идет работать руками, то есть становится рабочим.

Вот вполне типичный пример, который позаимствован из только что вышедшего журнала «ЭКО».

На заводе создали конструкторский отдел. Потребовались начальник, заместитель и остальной персонал. Главный инженер обратился в отдел кадров. «Чего прощу, — ответили ему, — у нас достаточно специалистов интересующего вас профиля занято на рабочих местах. Ищите, предлагайте». И пододвинули картотеку. Действительно, их оказалось много, выпускников вузов, работающих токарями и слесарями высоких разрядов. Приглашенный сперва загорались предлагаемой интересной, творческой работой. Но только речь заходила о заработной плате, быстро тускнели... Не соглашались инженеры-токари менять профессию...

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, девять процентов рабочих, занятых в народном хозяйстве страны, имели высшее и среднее специальное образование. Разумеется, в народном хозяйстве есть рабочие места, на которых очень и даже необходимо иметь среднее техническое образование. Но таких мест не так уж и много.

Так стоит ли тратить пять лучших лет

жизни для того, чтобы получить знания, которые не будут использованы, без которых человек легко может обойтись? Зачем занимать в вузе место, очень нужное кому-то другому? Да и для государства вузовская подготовка человека, который в будущем станет рабочим, крайне расточительна. Дело не только в том, что на подготовку инженера государство затрачивает пять-шесть тысяч рублей. Куда важнее то обстоятельство, что эти пять лет человек не работает в народном хозяйстве. В последнее время на одного занятого в народном хозяйстве страны приходится ежегодно более трех тысяч рублей национального дохода. Значит, оттого, что человек пять лет не работал, а учился в вузе, страна дополнительно теряет более 15 тысяч рублей. Так что с какой стороны ни подойти — неудачный выбор вуза крайне невыгоден как самому человеку, так и обществу в целом. Иное дело — перемена профессии на равноценную, равнозначную, работа на граниках разных профессий. Скажем, некоторые историки, экономисты, философы стали талантливыми социологами; люди многих профессий работают в журналистике, нередко даже лучше тех, кто окончил факультеты именно журналистики. И все же такие случаи относительно редки. Несомненно, что лучше выбирать специальность, требующую высшего образования, исходя из склонностей и способностей, представляя по возможности особенность этой профессии, видя не только ее парадный фасад, но и будничную изнанку. И стоит осторожно относиться к моде, которая в этом деле проявляется очень заметно и способна приводить к весьма неоптимальным решениям. Так, скажем, в мои студенческие годы очень модны были геология и география, конкурсы были крайне высоки, толпами шли в эти

профессии девушки. Однако работа, особенно геолога-полевика, крайне плохо вяжется с другими функциями женщины, прежде всего с ее ролью жены, матери, хозяйки. Сегодня односторонний, негативный подход к семейным ролям женщины преодолен, хотя, может быть, и не до конца.

Примерно половина юношей и девушек, рожденных в 1967 и ближайших последующих годах, станет рабочими и служащими без высшего и среднего специального образования. Каковы их трудовые перспективы? Что может предложить им народное хозяйство, что и из чего они могут выбрать?

До настоящего времени все отрасли народного хозяйства, кроме сельского, развивались с увеличением числа занятых в них работников. Кроме того, везде нужны люди для восполнения уходящих на пенсию и выходящих по ряду других причин. Читатели, конечно, знают, что рабочие вакансии есть у подавляющего большинства предприятий, строек и учреждений, о чем красноречиво говорят повсеместно развешанные объявления: «Требуются, требуются...»

Где же эти потребности больше всего?

Третья часть всех рабочих и служащих занята в промышленности. Несомненно, что именно сюда и направится наибольшая часть выпускников школы. Но промышленность чрезвычайно разнообразна. Где наибольшие потребности в рабочей силе?

Больше всего и прежде всего — в машиностроении, которое определяет технический уровень всего народного хозяйства. Далее — в новейших, интенсивно развиваемых отраслях, таких, как химия, радиоэлектроника и т. д. Наконец, в некоторых старых многоотраслевых отраслях, вроде текстильной, где условия труда в некоторых отношениях ме-

АНКЕТА «СМЕНЫ»:

ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ШКОЛЫ

Дорогие читатели! Мы предполагаем продолжать публикации о начале юношами и девушками трудовой жизни. Поэтому просим вас ответить на вопросы нашей анкеты.

- Каковы были Ваши планы при окончании школы: учиться в вузе, техникуме, ПТУ, ТУ, работать на заводе, фабрике, стройке, в учреждении, кем (подчеркнуть или дописать).....
- За сколько времени (лет, месяцев) до окончания школы Вы приняли это решение?.....
- Кто повлиял решительным образом на Ваш выбор: семья, школа, товарищи, газета, телевидение?.....
- Что Вы стали делать фактически: учиться в вузе, техникуме, ПТУ, ТУ, работать (где)?.....
- Если Вам не удалось выполнить свои намерения, то каковы причины этого?.....
Будете ли Вы пытаться осуществить свои прежние планы в дальнейшем?.....
- Сколько времени прошло от окончания средней школы до начала дальнейшей учебы или работы (месяцев, дней)?.....
- Довольны ли Вы теперь своим выбором? Сообщите некоторые сведения о себе и родительской семье:.....
1. Ваш пол.....
2. Возраст (год рождения).....
3. Социальное положение родителей (рабочий, служащий, инженерно-технический работник, колхозник)
Отец:.....
Мать:.....
4. Сколько детей в родительской семье вместе с Вами.....
5. Какой (примерно) был общий месячный доход семьи (зарплата, пенсии, стипендии и т. д.), рублей.....
6. Образование: отца.....
матери:.....
7. Где Вы жили в год окончания школы (большой город, небольшой город, поселок городского типа, деревня)?.....
8. Где Вы жили через год после окончания школы (большой город и т. д.)?.....
Если переехали в другой город (деревню) — почему?.....
9. Через год после окончания школы:
а) Ваши заработки или стипендия, рублей в месяц.....
б) помогают ли Вам родители, если да, то размер помощи, рублей в месяц.....
в) помогаете ли Вы родителям, если да, то каков размер помощи, рублей в месяц.....
г) Ваши жилищные условия (общежитие, комната в коммунальной квартире, снимаю жилье и т. д.).....
приходится жилой площади на человека.....
10. Довольны ли Вы своим нынешним положением (да, нет, не очень) и почему?.....

Ждем ваших писем!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1370) ИЮНЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
абсолютный чемпион
мира
по спортивной гимнастике
Дмитрий БИЛОЗЕРЧЕВ.

Фото
Евгения
ВОЛКОВА.

- 1** ВЫПУСКНИК-84: ПУТЬ К ПРОФЕССИИ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«ПОСЛЕ БАЛА».
- 3** Виктор ПОТАНИН. «ВETERАНЫ».
- 9** Рассказ Георгия СЕМЕНОВА
«КОРОТКАЯ СПИЧКА».
- 12** ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН.
«ЧАС РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ».
- 14** ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ:
«КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ
ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?»
«С НУЛЕВОГО ЦИКЛА».
- 16** «ОТЕЧЕСТВО».
«ПОМОРСКАЯ СТОЛИЦА».
Фотоочерк Ираиды ПОТЕХИНОЙ
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 18** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи колумбийского поэта
Энри Луке МУНЬОСА.
Стихи Ирины ПАНОВОЙ.
- 22** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24** К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Эдгара ДЕГА.
«ГОЛУБЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ».
- 25** ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Карем РАШ. «ПОЕДИНОК».
- 28** Леонид МЛЕЧИН.
«ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД».
Политический детектив.
- 32** ИТОГИ I ТУРА КОНКУРСА ЭРУДИТОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИ-
КОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Н. Виноградов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

нее хороши, чем в новых отраслях, и откуда поэтому происходит переход работников в другие отрасли.

Очень велики потребности в дополнительных рабочих и в строительстве. Почти повсеместно в стране идет громадное промышленное и транспортное строительство, и везде возводятся очень много жилья, а также школ, больниц, клубов, кинотеатров и т. д.

Единственная отрасль, где число занятых падает — сельское хозяйство, — также нуждается в притоке большого числа молодежи. Сельское хозяйство пока самая трудоемкая отрасль, только в колхозах и совхозах занята пятая часть рабочей силы страны. Кроме того, среди его работников сильно повышена доля пожилых людей. Правда, в ряде мест, особенно в Средней Азии, в селе существуют избытки трудовых ресурсов: из таких мест целесообразно значительное усиление оттока молодежи. Но, с другой стороны, в Российском Нечерноземье, Сибири и ряде других районов страны работников в селе сильно не хватает. Нужно, чтобы здесь оставалось возможно больше молодежи местной, чтобы сюда ехала молодежь из других мест.

Наконец, громадное количество новых работников потребует сфера обслуживания в широком смысле слова: торговля и общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, пассажирский транспорт, связь и т. д. Заметим, что число занятых в этих отраслях росло в несколько раз быстрее, чем в материальном производстве, и этот рост неизбежно продолжится и тогда, когда прироста трудовых ресурсов в стране почти не будет, ибо растет число тех, кого надо обслуживать, рост жизненного уровня неизбежно вызывает увеличение потребностей в услугах, а уровень работы этой сферы далеко не всегда нас удовлетворяет.

Какое огромное разнообразие возможностей! Профессии, специальности, рабочие места — на любой вкус!

Вкусы, естественно, очень различны, поэтому, выбирая профессии и места работы, очень многие молодые люди меняют и места жительства: переезжают из деревни в город и в обратном направлении, с юга на север и с севера на юг, с запада на восток и обратно. В эти годы тяга к перемене мест особенно сильна, никогда потом человек не будет столь подвижен, как в первое после школы десятилетие.

Одна из главных забот выпускника общеобразовательной школы — получение профессии.

В недалеком будущем, после осуществления реформы школы, все ее питомцы будут выходить из школы с профессией. Но пока этого нет, посмотрим, каковы все-таки возможности выбора?

Значительная часть выпускников поступит в одногодичные училища системы профессионально-технического образования и выйдет из них с профессией и относительно высокой квалификацией, особенно по тем профессиям, которые не требуют обязательно длительного практического обучения.

Другие окончат разного рода кратковременные курсы, дающие основы профессии.

Третьи пройдут бригадное или индивидуальное обучение на производстве. Заметим, наконец, что многие юноши получают хорошие технические профессии в армии.

Выбор, как видим, очень широк.

Но, кроме этого, перед каждым выпускником общеобразовательной школы остается открытой дорога высшего и среднего специального образования параллельно с профессиональной работой. Очень многие учатся в вузах и техникумах по вечерам или заочно. Путь, что и говорить, не из самых легких, однако дающий во многих случаях особенно ценных специалистов, особенно хорошо подготовленных практически. У них, как правило, не бывает обычной поры адаптации к производству.

Стоит отметить, что высокое общее образование вступающего ныне в трудовую жизнь поколения — громадное его преимущество перед всеми предыдущими. Только с конца 70-х годов среднее образование молодежи стало всеобщим. Специалисты по труду хорошо знают, что люди со средним образованием легче и быстрее осваивают профессию, быстрее достигают высокой квалификации, легче «перенастраиваются» при изменении технологии, освоении новой техники.

Государство очень много дало нынешним выпускникам и, естественно, ожидает от них высокой отдачей. Как знает читатель, перед страной стоят большие и сложные проблемы, разрешение которых необходимо для дальнейшего успешного движения вперед. Глобальная проблема, задача задач, — перевод экономики на интенсивный путь развития, то есть такой, когда экономический рост достигается не увеличением используемых ресурсов, а лучшим, более эффективным их использованием. В частности, поколение нынешних выпускников должно быть значительно производительнее любого предыдущего поколения. Молодежь, несомненно, внесет очень большой вклад в решение Продовольственной программы, в выполнение Энергетической программы, в подъем Нечерноземья, развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, хозяйственное освоение зоны БАМа и другие важные дела.

Первые годы после школы — это время наиболее интенсивного освоения человеком реальной действительности, знакомства с живой жизнью. Эта живая жизнь оказывается много сложнее, красочнее, противоречивее книжных представлений о ней. В новой, «взрослой», жизни меняется видение мира. Оно становится, как говорят некоторые социологи, «цветным», вытесняя прежнее детское «черно-белое»; в нем появляются «полутона», оттенки, переходы. Взрослеет душа.

Сейчас процесс адаптации юного человека ко взрослой жизни во всей ее сложности и многообразии несколько осложнен тем обстоятельством, что общеобразовательная школа дает недостаточное трудовое воспитание и практически не дает трудовой подготовки. Эти ее недостатки будут устранены грядущей реформой, однако плоды этой перестройки достанутся выпускникам будущего. Недополненное от школы выпускник должен наверстать в самые ближайшие годы, прилагая к этому больше собственных усилий. Ибо, если «блажен, кто смолоду был молод», то и «блажен, кто вовремя созрел». Своевременная житейская, трудовая, гражданская зрелость — залог интересной, гармоничной, полнокровной жизни.

Краеугольный камень такой жизни — труд. Именно поэтому статья и посвящена началу трудовой жизни. Однако, кроме труда, в жизни много иного. Годы окончания школы — время любви. Вскоре после окончания школы многие вступают в брак, заводят собственную семью. Все ждет радостей любви. Не все готовы к ее трудностям. В нынешней любовно-брачно-семейной жизни, как знает наш читатель, много сложностей. Давно и хорошо известно, что между трудовой жизнью человека и его любовной и семейной жизнью существуют довольно-таки тесные связи. Человек, счастливый в любви, — лучший работник. Скажу больше — любовь вдохновляет. Вдохновение обостряет способности человека, рождает поэтические взлеты и научные открытия, ведет к трудовым достижениям и рекордам. Но и успешная трудовая жизнь, в свою очередь, способствует высокому эмоциональному настрою человека, благоприятствует любви и семейным радостям.

Страна создала благоприятнейшие условия для счастливой жизни тех, кто вступает во «взрослую жизнь». Эти условия надо наилучшим образом использовать.

В добрый путь!

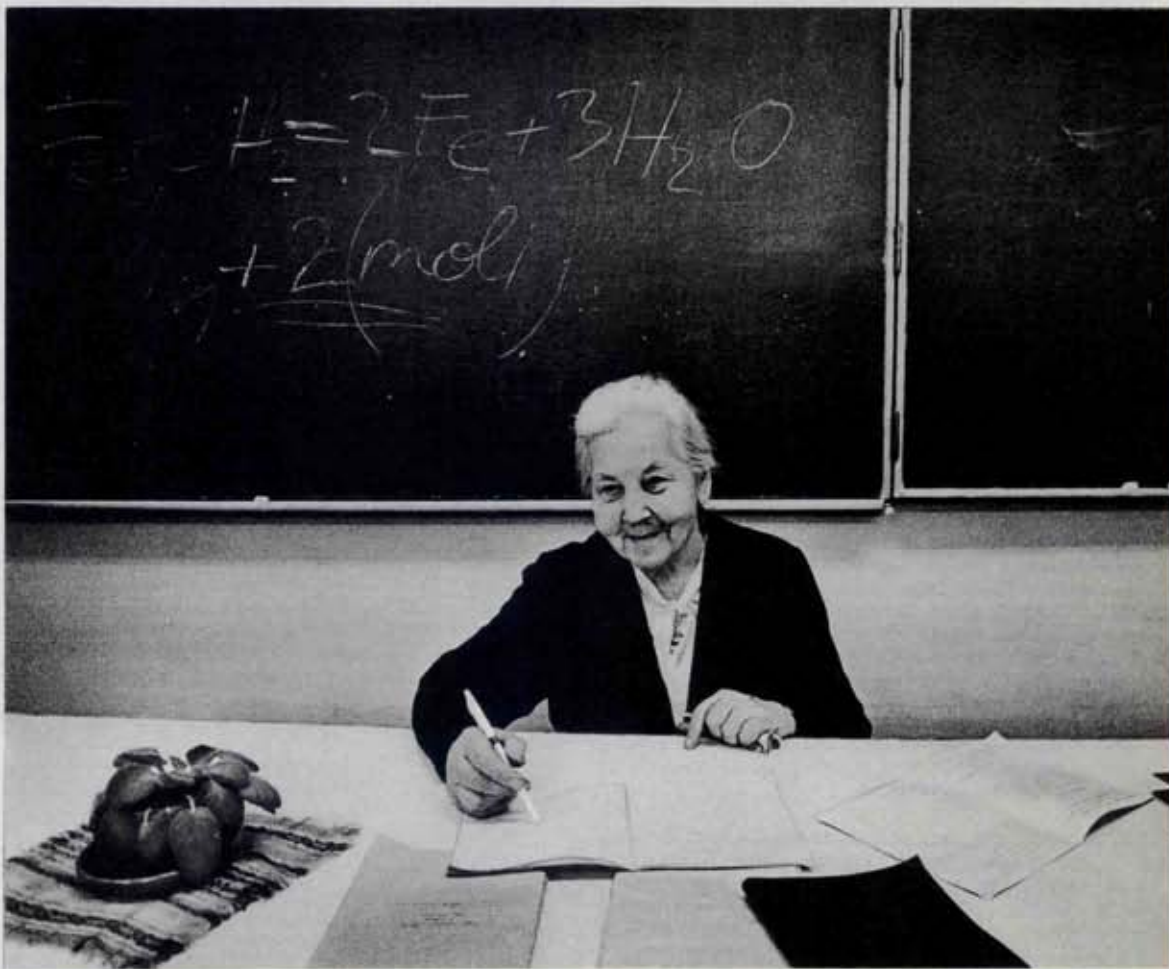
ВЕТЕРАНЫ

Виктор ПОТАНИН

ОГЛЯНИТЕСЬ, ПРОХОЖИЕ, ПО СОЛНЕЧНОЙ ВЕСЕННЕЙ УЛИЦЕ ИДЕТ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. ОДИН ИЗ МИЛЛИОНОВ ТЕХ, ЧТО СПАСЛИ ЕВРОПУ ОТ НАШЕСТВИЯ ФАШИЗМА. ВГЛЯДИМСЯ ВНИМАТЕЛЬНО В ЕГО ЛИЦО. ЭТО ЛИЦО СОЛДАТА ПОБЕДЫ. НИЗКИЙ ПОКЛОН, БРАВЫЙ СТАРШИНА! НИЗКИЙ ПОКЛОН ВАМ, ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

В ШКОЛЕ ОНА ПРЕПОДАЕТ С 1915 ГОДА. ТЫСЯЧИ ЕЕ УЧЕНИКОВ, СРЕДИ КОТОРЫХ ЕСТЬ ДАЖЕ АКАДЕМИК, С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ВСПОМИНАЮТ СВОЮ ЛЮБИМУЮ УЧИТЕЛЬНИЦУ И ЕЕ УРОКИ ФИЗИКИ, ХИМИИ, БИОЛОГИИ, МАТЕМАТИКИ, РУССКОГО, ЛАТЫШСКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ. СЕЙЧАС ЗАСЛУЖЕННАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ШКОЛЫ ЛАТВИЙСКОЙ ССР МАРТА ПЕТРОВНА ПЛАУЦИНЯ РАБОТАЕТ В РИЖСКОЙ ШКОЛЕ № 49, ЗАНИМАЕТСЯ С РЕБЯТАМИ, ИСПЫТЫВАЮЩИМИ ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ.

С чем их сравнить, кого рядом поставить? Поэт бы сказал, наверно, что такие люди — как родниковый колодец. Чем больше черпашь из него, тем глубже он, тем больше у него силы. А может, он сравнил бы их с древним могучим дубом. Все прошло над ним: и бури и грозы, а он стоит и стоит себе как символ вечной жизни, вечной весны. Помните, точно перед таким дубом замер однажды Андрей Болконский. Он вглядывался в его могучую крону — и мечтал и надеялся... А может быть, поэт сравнил бы их... А впрочем, хватит сравнений. Все это, конечно, правильно и даже красиво — и могучий дуб и родниковый колодец, но только этого еще мало, до обидного мало. И вообще

мне кажется, что такие люди даже выше всяких сравнений. Они похожи только на самих себя и ни на кого больше.

Ну на кого, например, похожа моя мать — сельская учительница из моего родного села Утятского? Она проработала в одной школе ровно сорок лет. Да и сейчас мать — ветеран труда — трудится. Но уже как наставник, как воспитатель. В сущности, все сорок лет подряд она не переставала наставлять людей и воспитывать. Обликом своим, своей жизнью...

Но все же вдумаясь в эти слова — мать проработала сорок лет народным учителем. Срок-то какой! Сколько позади тяжелых дней и бессонных ночей, сколько воли и мужества. Ведь годы-то выпали непростые. И война в это время была, и похорожки на мужа и брата и на многих близких людей. Если судьба забросит вас в Курганскую область, в мое родное Утятское, то обязательно зайдите на сельскую площадь. Там памятник, на котором выбиты фамилии погибших в войну. Там фамилии и моего отца и моего дяди — родного брата матери. Там много и другой моей близкой и дальней родни — в деревне всегда через дом роднятся. А всего сто фамилий выбито. И это были лучшие люди — опора колхоза. И половина из них училась у матери...

Да, много горя, печали прошло через ее руки и сердце... Нет, все-таки лучше сказать — через руки! И я потому настаиваю на этом, что для меня, деревенского мальчишки, руки матери всегда были тайной. Я просто не мог понять, почему они никогда не уставали: они и проверяли тетрадки, и заготавливали дрова, и косили сено, они стирали и штопали, мыли полы и топили печи, они и собирали разные целебные травы и запрягали лошадь. Да, я не оговорился: мать работала в школе и была одновременно председателем сельсовета, а лошадь для председателя — основной транспорт. А потом в наше село перевели сельхозтехникум, и мать пригласили туда преподавать литературу. Вот и вышло у нее три трудовые смены: техникум, сельсовет и школа. Как она успевала, я не знаю. Мне кажется, мать никогда не отдыхала. А ночами в ее руках я часто видел иголку. Мать шила теплые носки для отправки на фронт. В те годы школьники отправляли бойцам много подарков... Нет, мне не перечислить всего, что делали ее руки. Отдохнуть они не могли, тогда бы остановилась жизнь.

Жизнь!.. Вот мы и подошли к главному, самому главному, ради чего и пишутся эти строки. От матери всегда шел огромный свет жизни. И еще — свет любви и надежды. И этот свет согревал многих, давал облегчение. И часто он был настолько сильным, пронзительным, что люди забывали многие свои беды, печали — и у них у самих выросло мужество, и они делали невозможное.

А иногда, по субботам да и в будни, наш дом заполняли гости. Они приходили со всей улицы — постаревшие усталые женщины. Были среди них и жители ближних деревень: Нагорки, Вавилково. И даже из Темляковой — за семь километров — приходили к нам гости. Каждый приносил с собой кусочек бумаги, старую газету или полоску обертки. Бумаги-то не хватало. И вот мать бережно расправляла на клеенке эти кусочки, а гости в это время молчали. И молчание было какое-то особое, непростое.

И вот один из гостей начинал ей что-то рассказывать, а мать начинала водить ручкой, записывать. А вы уже догадались, конечно, — это было письмо на фронт. Но вот письмо закончено, и его начинают дотошно обсуждать, как на собрании. И сразу, в ту же минуту, тот далекий адресат точно бы входил в нашу комнату. И мне казалось, что я даже вижу его лицо, его глаза, его волосы. Оно так походило, это лицо, на лицо моего отца с большой довоенной фотографии. Он стоял там под деревом и держал в руках веточку тополя, а может, и вовсе не тополя... Зато глаза были все на виду. Они смотрели прямо, смеялись, ну прямо играли от радости. И сам он был такой же веселый, счастливый: в тот год они с матерью поженились...

И вот снова один из гостей стоит перед ней, и она склоняется над столом, записывает. А потом все повторяется. Письмо громко читают, и тот далекий адресат опять с нами — на расстоянии дыхания. Ему наказывали беречься от пули, не забывать родню и малых детей и вернуться целым и невредимым. Но многие из тех писем так и не получили ответа. А впрочем, были ответы — желтые корешки похоронок. И на моего отца тоже пришла такая... Нет, лучше не вспоминать.

А может, и правда, лучше не вспоминать о печальном? А впрочем, кто сказал, что тогда было только горе да вдовьи слезы? Но ведь и радость тоже была. И какая! Особенно в школе...

ЗА ПЛЕЧАМИ У АННЫ ТИМОФЕЕВНЫ ПОТАНИНОЙ СОРОК ЛЕТ РАБОТЫ В ШКОЛЕ — ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ. СКОЛЬКИМ СВОИМ УЧЕНИКАМ ПОМОГЛА ОНА ВЫБРАТЬ ВЕРНЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, СКОЛЬКО РЕБЯЧЬИХ ДУШ СОГРЕЛА!

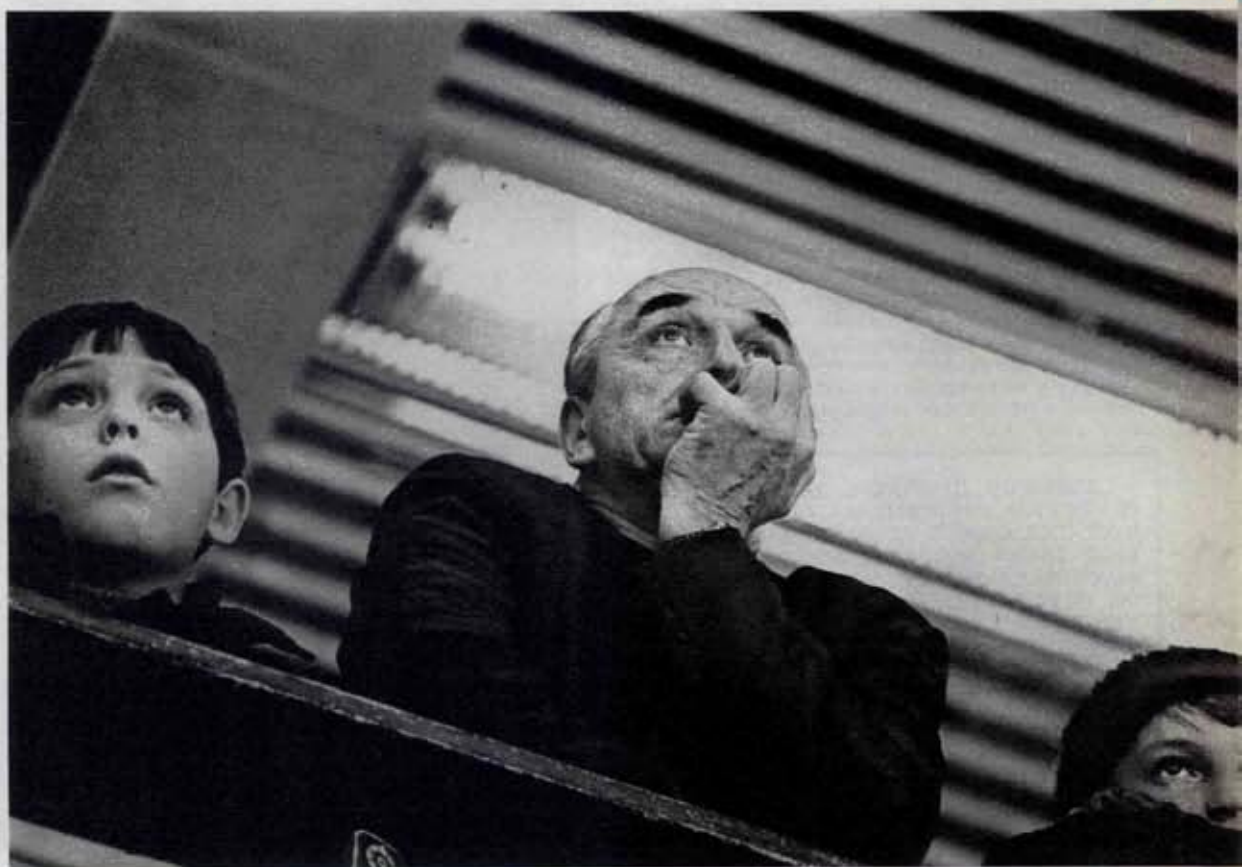
БИОГРАФИЯ АЛЕКСАНДРА КОЗМИНЫХ — ЭТО БИОГРАФИЯ ПОКОЛЕНИЯ. ПАРЕНЬКОМ В 1935-М ПОСТУПИЛ ОН НА ЧЕЛЯБИНСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ. РАБОТАЛ СЛЕСАРЕМ, ПОТОМ МАСТЕРОМ В ЗАВОДСКОМ УЧИЛИЩЕ. В 43-М УШЕЛ НА ФРОНТ ДОБРОВОЛЬЦЕМ. В СОСТАВЕ 224-Й ЧЕЛЯБИНСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ ВОЕВАЛ КОМАНДИРОМ МИНОМЕТНОГО РАСЧЕТА. УДОСТОВЕРЕН ДВУХ ОРДЕНОВ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. А ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕРНУЛСЯ СОЛДАТ НА РОДНОЙ ЗАВОД. НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ УШЕЛ НА ПЕНСИЮ. НО В ЦЕХАХ ТРАКТОРНОГО ОН, ЧЛЕН ЗАВОДСКОГО СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ, ЧАСТЫЙ ГОСТЬ.

в том, что лучше педагога, чем моя мать, я так пока и не встретил. А ведь я учился в трех школах и двух институтах, и один из них — педагогический, где преподают всегда самые опытные, корифеи... И я знаю, почему так случилось. Даже самые хорошие мастера работают чаще всего спокойно, логично, сказать точнее — ритмично. Пришел к девяти утра, а ушел в шесть, и так ежедневно. Для них труд — все-таки обязанность, тяжесть, и от этой тяжести бывает усталость. И только для немногих такой усталости как бы не существует. Для них труд — вечный праздник, вечная весна, наслаждение. И еще какая-то веселая, счастливая одержимость, которая бывает только у сильного человека. И пусть ему не двадцать лет и даже не тридцать, а уже шестьдесят, семьдесят и даже восемьдесят, под девянность... И в ряд таких людей я ставлю прежде всего своего знаменитого земляка Терентия Мальцева — человека безмерных

ВОТ СИДИТ ОН НА ЛАВОЧКЕ С ЖЕНОЙ СВОЕЙ ВАСИЛИСОЙ МИХАЙЛОВНОЙ, И В ТИШИНЕ ДЕРЕВНИ ЗАЛИВИСТО ЗВУЧИТ ЕГО ДВУХРЯДКА. ГАРМОНЬ НЕ ПРОСТАЯ: И МЕХИ, И КНОПКИ, И КОРПУС — ВСЕ ИМ САМИМ СДЕЛАНО. ПЕРВУЮ ГАРМОШКУ СМАСТЕРИЛ ВАРГАНОВ В 1919 ГОДУ. С ТЕХ ПОР МНОГО ВОДЫ УТЕКЛО, ПОШЛА ГУЛЯТЬ ПО СВЕТУ УЖЕ ВТОРАЯ СОТНЯ ЕГО ИНСТРУМЕНТОВ. ЖИВЕТ СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ БОР. ОДНОСЕЛЬЧАНЕ ОТНОСЯТСЯ К НЕМУ С ПОЧТЕНИЕМ. БЛАГОДАРЯТ НЕ ТОЛЬКО ЗА ГОЛОСИСТЫЕ ГАРМОНИ, НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЗА ОСНОВНОЕ ЕГО РЕМЕСЛО — ОН ОТМЕННОГО МАСТЕРСТВА КУЗНЕЦ.

Учиться мне тоже пришлось у матери. Опять вижу ее руки. Она пишет на доске мелом: «Родина-мать всегда с нами», «Наш дом — колхоз «Россия». Это темы творческих сочинений. Почти на каждой неделе мы писали такие сочинения — короткие исповеди, мальчишеские клятвы. Мать учила нас по своей особой системе: она никогда не давала заданий на дом, а все, буквально все успевала закрепить на уроке. Она хотела сохранить наше детство, чтоб мы больше бегали, прыгали, больше бывали в лесу, на природе. Говорят, что так или почти так работал великий К. Д. Ушинский. Но мы об этом не знали. Зато мы знали другое: нашу учительницу часто ругали строгие люди из района и даже пытались отстранить от занятий. И я их сильно не осуждаю. Ведь педагогика — наука давняя, строгая, она любит точность. Так думают многие, и всё же не все. И среди последних была моя мать. И потому в душе моей гордость... И вот теперь я хочу отвлечься. Я хочу сделать одно признание, потому очень волнуюсь. Я хочу признаться

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД СБОРНАЯ СССР ПО ХОККЕЮ ДЕБЮТИРОВАЛА НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА И ЕВРОПЫ В ШВЕДИИ. И ПОБЕДИЛА. К ЗОЛОТЫМ МЕДАЛЯМ ПРИВЕЛ НАШИХ ХОККЕИСТОВ АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЫШЕВ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ ТРЕНЕР И ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МНОГИЕ ИГРОКИ СБОРНОЙ И МОСКОВСКОГО «ДИНАМО» НАЗЫВАЮТ СВОИМ «КРЕСТНЫМ ОЦЕМО». СЕГОДНЯ ЧЕРНЫШЕВ ВОЗГЛАВЛЯЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ ТРЕНЕРСКИЙ СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ ХОККЕЯ СССР, ЯВЛЯЕТСЯ ДИРЕКТОРОМ ХОККЕЙНОЙ ШКОЛЫ «ДИНАМО». И НАДО ВИДЕТЬ, КАК, ЗАТАИВ ДЫХАНИЕ, СЛУШАЮТ ЮНЫЕ ДИНАМОВЦЫ КАЖДОЕ ЕГО СЛОВО.

БОЛЕЕ ШЕСТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПЛАТУНОВ БЕРЕЖНО ХРАНИТ ДОРОГУЮ РЕЛИКВИЮ — УДОСТОВЕРЕНИЕ МОРЯКА КРЕЙСЕРА «АВРОРА». ЕМУ ЕСТЬ ЧТО РАССКАЗАТЬ МОЛОДЫМ. ВОЕВАЛ В ГРАЖДАНСКУЮ, СОЗДАВАЛ НА РОДНОЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЗЕМЛЕ ОДНУ ИЗ ПЕРВЫХ СЕЛЬХОЗАРТЕЛЕЙ, БЫЛ И ПОЛЕВОДОМ, И БРИГАДИРОМ, И КОНЮХОМ. ВАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПОШЕЛ 87-Й ГОД, НО ОН И СЕЙЧАС БЕЗ ОЧКОВ ЧИТАЕТ ПИСЬМА, А В СЕНОКОС ВЫХОДИТ С КОСОЙ НА УТРЕННИЙ ЛУТ.

читали стихи, вспоминали рассказы о деревьях, о птицах, об облаках и звездах — и все это было вместе, рядом: и стихи, и солнце, и деревья, и небо, и грачи над соснами... Но педагогично ли это? Опять говорили, что нет, и мать не спала ночами — все думала, как угодить району и не потерять нашу любовь. Но эти две вещи не совмещались, и мать страдала. Страдала она молча, как все сильные люди...

Но откуда у них силы, откуда?.. Ведь длинна была жизнь у них — и вся в заботах, в работе. И почему этот путь не согнул таких людей, не отчаял? Это сейчас мы говорим про них: наши маяки, наставники, ветераны. А ведь они часто были самые первые — первопроходцы! И в педагогике, и на колхозном поле, и в медицине. И опять этот вопрос не дает мне покоя. Ну откуда силы у того же Терентия Мальцева, которому скоро исполнится девяносто, а он не может расстаться с любимой работой?.. Откуда эти силы, откуда?.. А может быть, у этих вопросов совсем нет ответов? Наверное, эти люди просто не могли жить иначе. Просто такая жизнь для них была как бы запрограммирована с рождения. Так же, как течение у рек, как синева у неба, зеленый цвет у растений... Да и разве замечает человек, как он дышит? Разве знает птица, какая сила поднимает ее на крыльях?.. И все-таки у них были свои истоки, предшественники, свои корни. И среди них — знаменитые герои гражданской войны и войны совсем недавней, Отечественной... И герои первых пятилеток, наших ударных строков. Но если уж

СПОДВИЖНИЦА И ПОДРУГА ЛЕГЕНДАРНОЙ ПАШИ АНГЕЛИНОЙ ВАРВАРА МАКСИМОВНА БАХОЛДИНА ПРОШЛА ПУТЬ ОТ РЯДОВОЙ ТРАКТОРИСТКИ ДО ДИРЕКТОРА ШИПУНОВСКОЙ МТС АЛТАЙСКОГО КРАЯ. В СВОИ НЕМОЛОДЫЕ ГОДЫ ОНА, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ МЕХАНИЗАТОР РСФСР, ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ, ВОЗГЛАВЛЯЕТ РАЙОННЫЙ ОТРЯД ЖЕНЩИН-МЕХАНИЗАТОРОВ.

знаний и такой же безмерной любви к колхозному полю. В этом же ряду — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии курганский доктор Г. А. Илизаров. В этом же ряду — и моя мать Потанина Анна Тимофеевна, сельская учительница с сорокалетним стажем. Вот почему я и волнуюсь, ведь кто-то, может быть, скажет: а ведь это нескромно... И почему они рядом — знаменитый полевод с мировым именем, славой и сельская учительница из сибирской глубинки? И я даже вижу глаза своего оппонента — они почему-то растягиваются в длинную щелочку, почему-то лукавят. Но я все равно делаю это признание: моя мать — самая хорошая учительница на свете. Да простите мне эти слова, ведь они от любви, а любовь большая конкретна. Так же и память...

И вот снова вижу я наш класс, вижу наших мальчишек. Они сидят в лесу на поляне. Да, да, по весне мы часто занимались в лесу — уроки были среди природы... Но вы чувствуете — я снова переживаю. Потому что боюсь, что мне не поверят. А ведь так всегда, так и было: цвела сосна в канун троицы, пахло близкими пашнями, а на поляне — наш седьмой класс. И учительница рассказывала нам о Некрасове и Гоголе, читала стихи и отрывки, а потом мы сами

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ, ТИПОГРАФСКИЙ РАБОЧИЙ ИЗ ОБЛАСТИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ, В БОЯХ НЕ УЧАСТВОВАЛ, БЫЛ ТОГДА МАЛ ЛЕТАМИ. НО ИМЕННО БЛАГОДАРЯ ТАКИМ ЭНТУЗИАСТАМ, КАК ОН, ПЕРЕДАЕТСЯ ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ ЭСТАФЕТА ЖИВОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ. МНОГИЕ ГОДЫ ЗАНИМАЕТСЯ ЛЕБЕДЕВ КРОПОТЛИВОЙ ПОИСКОВОЙ РАБОТОЙ. В РАЗНЫЕ УГОЛКИ СТРАНЫ ОТПРАВИЛ ОН БОЛЕЕ ПЯТИ ТЫСЯЧ ПИСЕМ, УСТАНОВИЛ ФАМИЛИИ 160 СОЛДАТ, ЗАХОРОНЕННЫХ В БЕЗЫМЯННЫХ БРАТСКИХ МОГИЛАХ. 400 СЕМЕЙ БЛАГОДАРЯ ЕМУ УЗНАЛИ, ГДЕ ПОКОИТСЯ ПРАХ ИХ РОДНЫХ.

быть совсем точным, то—я убежден—их корни запряганы еще дальше, поглубже. Помните, у Пушкина: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление...» Это—о декабристах, наших первых революционерах. Помните, у Чернышевского: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало: но они в ней—теин в чаю, букет в благородном вине: от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей. Это двигатели двигателей, это соль соли земли...» Эти слова, конечно же, о Рахметове, но и не только... Эти слова из века минувшего перешагнули в век нынешний. Они стали как бы эталоном, эпитафией к судьбам огромным, значительным. К судьбам трудным и все же счастливым...

И потому вернемся к той поляне в лесу, к тому вопросу—педагогично ли? «Нет,—говорили в районе моей матери.—Нужно работать по правилам. И сама педагогика—наука древняя, точная». Но мать возражала. «Нет,—отвечала она,—у педагогического дела тысячи вариантов, тысячи бликов и озарений». Да, тысячи! А может, и больше. Как раз столько, сколько вокруг человеческих судеб, характеров. И мать отстаивала свое мнение и доказала. Она не сломилась, а выстояла! Она победила! Сейчас Потанина Анна Тимофеевна—заслуженная учительница школы РСФСР. Жаль одного, что признание пришло на закате дней. Но нет, нет, я снова неточен. Для таких людей нет заката и нет угасания. Для них солнце никогда не заходит, для них жизнь—всегда утро, всегда начало их бесконечных дел и надежд. А раз

АННА ВАСИЛЬВНА ПРАВДИНА ЖИВЕТ ДАЛЕКО ОТ БАМА—В ГОРОДЕ БУДЕННОВСКОЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ. НО РЕБЯТА, СТРОЯЩИЕ МАГИСТРАЛЬ ВЕКА, ЕЙ БЛИЗКИ, КАК РОДНЫЕ. НА СВОИ ДЕНЬГИ ПОКУПАЕТ АННА ВАСИЛЬВНА ШЕРСТЬ, ВЯЖЕТ НОСКИ И ОТПРАВЛЯЕТ ИХ НА БАМ. А В ОТВЕТ ИДУТ ЕЙ ДОБРЫЕ ПИСЬМА, В КОТОРЫХ НЕЗНАКОМЫЕ ЛЮДИ БЛАГОДАРЯТ АННУ ВАСИЛЬВНУ ЗА ДУШЕВНУЮ ЩЕДРОСТЬ.

ИХ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ ПРАЗДНЫМИ. РАБОТА—ВОТ ЕСТЕСТВЕННОЕ ИХ СОСТОЯНИЕ. ОНИ МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА, А ПОТОМУ И В ДРУГИХ ЛЮДЯХ ПРЕЖДЕ ДРУГИХ КАЧЕСТВ ЦЕНЯТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УМЕНИЕ, РАБОЧЕЕ ДОСТОИНСТВО. ОНИ, КОНЕЧНО, ПРАВЫ, ЭТИ НЕУТОМОННЫЕ ВЕТЕРАНЫ, ИБО НА МАСТЕРАХ И ДЕРЖИТСЯ МИР.

утро, значит, забудем глаголы прошедшего времени. Давайте вернем себя в настоящее.

Многие из учеников моей матери работают нынче в родном колхозе, есть и городские люди—инженеры, врачи. И когда мать приезжает в Курган и направляется по центральной улице, ее все время останавливают прохожие. Она вглядывается в их лица и вдруг застывает: «Дак это ж наши, утятские!» И говорят они с ней вначале об одном—о работе. Говорят с радостью и часто преувеличивают свои успехи, достоинства. Что это—поза, рисовка? А может, мальчишество? Нет! Это гордость трудового человека перед своей любимой учительницей, один вид которой сразу воскресил и детство, и родную сельскую улицу, и весеннее половодье, и клин диких гусей над озером, и

АКТИВНЕЙШЕЕ УЧАСТИЕ В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ЮНЫХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ ПРИНИМАЕТ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ДОНЧЕНКО, КАПИТАН 1-ГО РАНГА — ИНЖЕНЕР В ОТСТАВКЕ, КАНДИДАТ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК.

ту поляну в лесу, где проходили наши уроки. Но в этой гордости есть и другое: «Смотрите, я вырос! Смотрите, теперь меня уважают!»

Человек вырос, завоевал уважение.

Но его истоки — все-таки там, в нашей деревенской, простенькой с виду школе, там, где звучало слово любимой учительницы. И это слово никогда не старело. Да, никогда, никогда! И время прошлое здесь перепуталось с настоящим. Ведь это слово ни на минуту не забывалось. По нему человек сверял всю свою трудовую юность, все свои мечты и надежды. По нему, в конечном счете, он выстраивал всю свою жизнь, всю судьбу...

Да, такие люди, как камертоны. Как маяки в бурном житейском море, как костры где-нибудь в тайге, на далекой сибирской стройке... Костры, от которых идет и свет, и тепло, и нежность. Но все-таки хватит сравнений. Все это, конечно, правильно — и костры, и камертоны, и могучий дуб, и родниковый колодец — помните начало нашего рассказа... Но все равно этого мало, мало и мало. Да мы уже с вами решили, что эти люди похожи только сами на себя. Да и в каждом сравнении есть что-то от прошлого опыта, от прошлого... А такие люди всегда — в будущем, всегда — в пути и надеждах...

Скоро открывает свои двери обновленный Утятский сельский музей, и мать опять будет там добровольным экскурсоводом — на долгие месяцы, на долгие годы. Вот уже несколько лет она несет эту нелегкую службу. Об этой ее новой работе уже писали газеты и говорили по радио: вот, мол, за плечами сорок лет школы, а она снова в строю, снова служит народу. И мать это очень смущает. Она не любит похвал в свой адрес, она говорит, что просто не может иначе.

Да, они не могут иначе! Они не привыкли, они не знают другой судьбы, другой жизни. Наоборот, они сами всегда искали трудное дело, каждый день они старались делать людям добро, давать им надежду. Но все-таки... все-таки я снова не прав, потому что пишу «старались», «искали», «не знали»... Ведь это снова глаголы прошедшего времени. А такие люди всегда в настоящем, всегда в пути и в мечтах. И это так! Это правда! Потому что они знают, что все на свете можно осилить, преодолеть, подчинить светлой цели. Они знают, надеются... Так же, как надеется большая река все равно выйти когда-нибудь на большой простор, к океану... Так же, как надеется солнце завершить свой дневной круг, а потом снова подняться — и так бесконечно...

И так бесконечно и непрерывно — всегда в пути и в работе, в надеждах... Ведь они — самые лучшие из нас! Они — ветераны!

РОС В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ОСОВЕЦ ВСЕМ НА ДИВО СЕМИСОТЛЕТНИЙ КРАСАВЕЦ ДУБ. ТОЛЬКО ПРИШЛА ВОЙНА И НЕ ПОШАДИЛА НИ ДЕРЕВНИ, НИ ДЕРЕВА, НО ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВОЗРОДИЛСЯ ОСОВЕЦ, А ИЗ ОСНОВАНИЯ ПОГИБШЕГО ДУБА ТЕПЕРЬ РАСТЕТ НОВЫЙ. ПОСАДИЛ ЕГО В ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ ЗЕМЛЯКАХ И БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ ВЕТЕРАН ВОЙНЫ СТЕПАН ИВАНОВИЧ БОРИСЕВИЧ (ЕГО ВЫ ВИДИТЕ НА СНИМКЕ) ВМЕСТЕ С ОДНОСЕЛЬЧАНИНОМ АНТОНОМ ТИМОФЕЕВИЧЕМ КУНЦЕВИЧЕМ.

Фото Сергея ВЕТРОВА, Александра ВОЛКОВА, Бориса ЗАДВИЛЯ, Павла КРИВЦОВА, Петра НОВИКОВА, Олега ПОРОХОВНИКОВА, Владимира РОЛОВА.

КОРОТКАЯ СПИЧКА

Георгий
СЕМЕНОВ

РАССКАЗ

Вот уже и седьмой десяток разменял Александр Васильевич Румянцев, вот уже и внук за рулем автомашины, а ему все чудится, будто на плечах погоня лейтенанта. Он подтянут и молодцеват, а в глазах огонек небрежной лихости, как у драчуна, познавшего счастье очередной победы.

Но вот что странно! Не о старшем лейтенанте или о майоре, не о полковничьей папаше мечтал всю жизнь этот седой уже человек и не о службе в рядах в офицерском чине, а видел он себя ликующим лейтенантом, празднично шагающим по утреннему холодку, козыряющим старшим по званию, ловя при этом на лету взгляды женщин. Всего-то навсего!

Такая вот ребяческая мечта мучит Александра Васильевича, инвалида Отечественной, которому ампутировали ногу в полевом госпитале при свете керосиновых ламп. Привык, конечно, к палке и протезу, хотя плохая это привычка, не дай бог никому.

Но что за прихоть такая! Мнится ему, что он лейтенант. В тоскливые минуты житейских неурядиц мысленно надевает на себя доспехи лейтенанта, в ушах звучит привычное: «О лейтенант, налейте нам!» — и хочется ему гусарить.

Может быть, начитался не того, что нужно, в детстве и отрочестве? Нет... Время, в которое он вырос, да и обстановка никак не располагали к легкомысленному чтению, тем более что книг в доме не было, а в библиотеку перестал ходить после седьмого класса.

Всегда он завидовал ребятам постарше, которые приезжали домой после окончания училищ и выходили во двор, прогуливаясь под окнами и раздвигая плечами тесную форму с кубарями в петлицах. Он и до сих пор, как это ни странно, понимал себя в некотором роде неполноценным мужчиной, объясняя это тем, что не был лейтенантом.

Лейтенантом не был никогда, пропал в окружении рядовым солдатом, мечтающим стать офицером.

Глупейшее и дикое, никому не понятное окружение в сорок четвертом, когда гнали немцев и когда грозный их дивизион дальноточной артиллерии вдруг попал в кольцо очухавшихся немецких частей. Еще было время для прорыва, и три батареи ушли, утащили в ночь на ревуших тягачах тяжелые орудия, а они остались, потому что в тревоге выяснилось, что горючего не хватит. Не бросать же орудия! Только три батареи способны были выйти из кольца. Разыграли жребий, кому оставаться. Невезучий их комбат вытащил короткую спичку.

С вечера на батарею, изготовившуюся к бою, свезли все снаряды, они в ответ слили весь бензин, простились с друзьями и заняли круговую оборону, колая чуть ли не до утра калониры для тяжелых орудий.

Батареи успели, а они остались. На рассвете комбат, обходя орудия и спрашивая: «Орудие готово?» — придерживал рукой подбородок, который не слушался.

В том бою, доставшемся по жребию, Румянцев получил осколок в ногу, а когда вырвали свои, ногу ему оттяпали.

Но спроси Румянцева сегодня, особенно в минуту душевного его подъема, когда внук сидит за рулем легковой автомашины, кем бы он хотел стать в жизни, Румянцев, не моргнув, ответит:

— Лейтенантом!

Потому что вкладывает в это слово нечто большее, чем оно несет в своем значении. Он всегда догадывался о предкарьерном крылатом чувстве человека, входящего в жизнь, всегда мечтал стать именно таким человеком, которого ожидает в будущем ратная слава, а если уж смерть, то такая, перед лицом которой не страшно рвануть на груди рубашку.

Но комбат вытащил короткую спичку.

Был Румянцев высок ростом, отличаясь тем особым благородством, какое свойственно некоторым людям только в преклонные годы.

Внук похож на деда. Такой же высокий, с запавшим животом и длинными руками, из-за которых всегда трудно с одеждой, как и у Александра Васильевича, шьющего костюмы у портного. Имя у внука в честь деда тоже Александр, хотя фамилия другая, потому что у Румянцева дочь.

Благополучная семья, пережила все трудности военных лет, окрепла, обросла традициями, обзавелась автомашиной, которую Румянцев купил как инвалид без очереди и которая была как бы собственностью Александра Васильевича, хотя деньги были общими, а за руль садились зять или внук.

Зимняя дорога блестит двумя накатанными, льдисто-белыми следами автомашин. Кажется, что солнце успело оплавить за короткий день заснеженный проселок. Светит оно в глаза, и ехать по гололеде трудно.

Внук ведет машину осторожно, внятяг, стараясь не сбрасывать газ, не тормозить

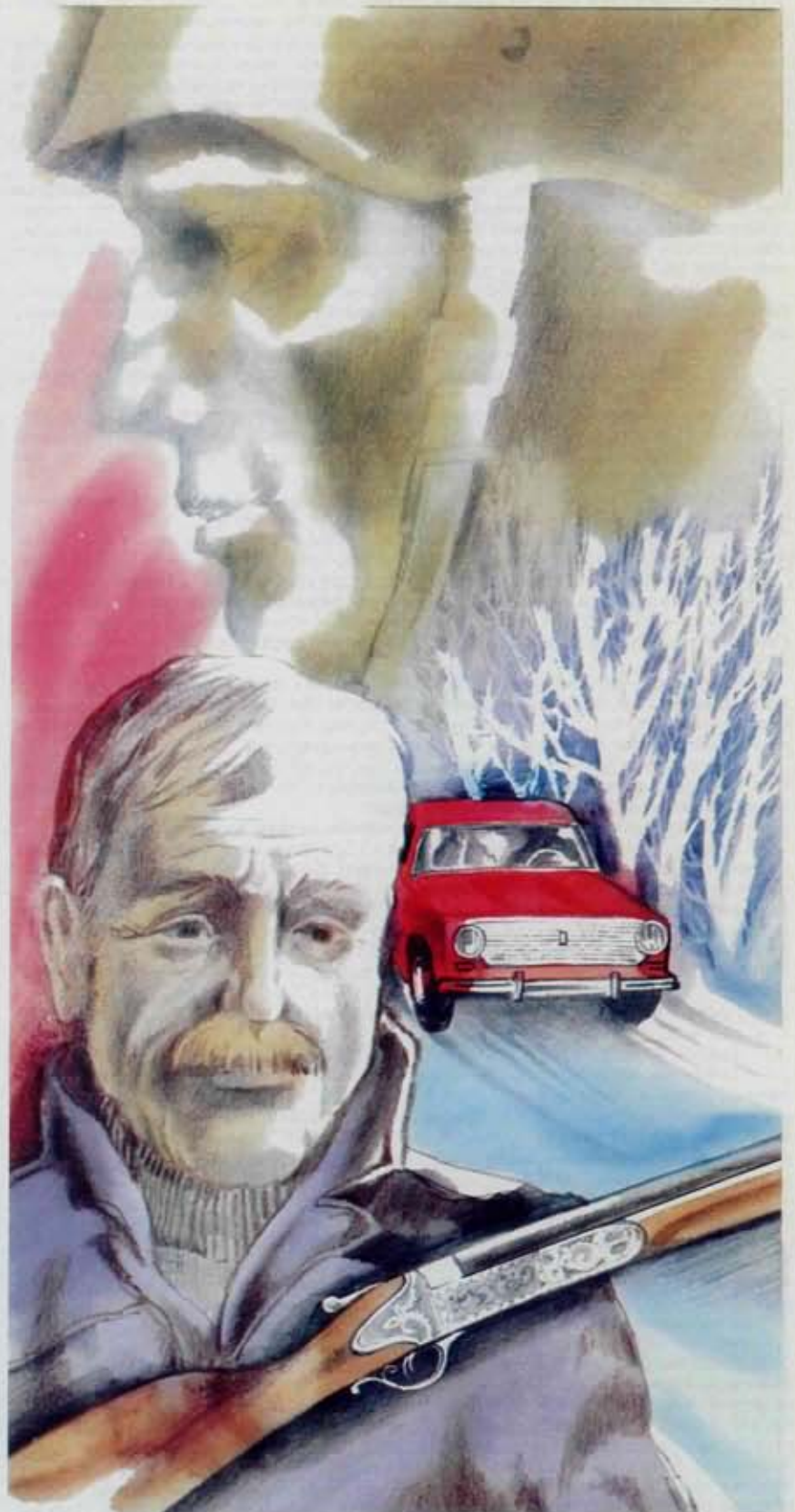

Рисунок Игоря СУСЛОВА

и, конечно, не отвлекаться. Деду понятна сложность зимней езды, он сердцем чувствует, как нелегко сейчас Сашке, и не мешает разговорами.

Старые ели по обочинам попеременно с березами как будто озарены на склоне дня золотистой теплой пылью, искрящейся в воздухе. Конец января, а чудится, что скоро весна и чуть ли не завтра солнце растопит сияющие снега, потемнеют отволглые поляны, порозовеют березы на вечерней заре и в мерклом свете неба полетят вальдшнепы. Глаз охотника привычно отмечает подходящие для тяги места, воскрешая в памяти прежние охоты.

Совсем, казалось бы, недавно, лет пятьдесят назад, до войны, эта дорога, по которой везет теперь его внук, блестела следами санных полозьев, изрыта была подковами лошадиных копыт, присыпана сеном, завалена мерзлыми котьями, возле которых чернели птицы. Но так же пушисто светило в глаза солнце, озаряя елочки на обочинах.

Он едва узнавал теперь дорогу и совсем не узнавал деревень, в которых ночевал когда-то. Хотя и помнил: шагал по дороге, или, точнее сказать, по санному пути к далекой деревне, неся в солдатском мешке убитого зайца. Было легко! Он помнил, как легко было идти, как торопливо и звонко похрустывал снег и мелькали подшитые валенки, запорошенные снежной пылью, которая таяла в вонючем ворсе катанок, покрытых корочкой льда. Мех на шапке с опущенными ушами был обметан инеем. Было жарко от быстрой ходьбы. Шел он радостно, то и дело поправляя на плече сползающий погон одностволки. Вспугивал ворон и смотрел на отраженный блеск следов розвальней, пахнувших на морозе сеном и лошадиным потом. Торопился, чтобы успеть дотемна постучаться в серую избенку, на полу которой он ночевал у гостеприимных хозяев. Сколько их было, этих ночевок на полу!

Война и ранение отбили страсть к охоте, и Румянцев не вспоминал о ружье, хотя

вопреки всему купил себе на Конном «зауэр» три кольца, двенадцатого калибра. В то время много хороших ружей продавалось на знаменитом рынке.

Над толпой колыхались вороненыя стволы, вознесенные к небу собравшимися тут бывальными фронтовиками, как если бы они салютовали павшим. Люди молча двигались, стволы, направленные ввысь, раскачивались, поблескивая чернотой, и тоже двигались, перемещались, проваливались вниз, и вновь вонзались в небо дулами, нестройно пошатываясь над головами.

Цены были баснословные, но деньги в то время мало чего стоили. Каких только ружей не выносили тогда на Конный!

Румянцев, залюбовавшись «зауэром», поглаживал рукой узорчатый рисунок теплого ореха и долго сомневался, покупать ли ему бескурковку. Но тонкая гравировка на потертых щечках замков и на скобе спусковых крючков, хищный вид хорошо сбалансированного ружья, знаменитые клейма, четкая работа всех механизмов — все это покорило его и растрогало чуть ли не до слез.

Он покачнулся на своем протезе, а точнее сказать, на толстой деревяшке с резиновым набалдашником, и стал отсчитывать деньги, не в силах уже вернуть ружье хозяину. Оно само прилипло к его рукам.

— Не дошел? — сочувственно спросил его фронтовик, придерживая за плечо.

— Нет, браток. Жребию не выпал, — ответил Румянцев, заворачивая в тряпку разобранное ружье.

Руки его тряслись, в голове шумело и царил страшная путаница. Он не имел права на эту покупку, на которую истратил столько денег, очень волновался, словно бы ограбил бедствующую семью, и думал лишь о том, как поправить положение, как объяснить жене, что иначе поступить не мог.

Но объясняться не пришлось: жена поняла его и даже как будто обрадовалась, что он вопреки увещью купил ружье для ходовой охоты.

— Это — главное! — говорила она вся в слезах, успокаивая его. — Это самое главное! Все остальное чепуха. Это — главное, — твердила она. — Это — главное.

О себе Румянцев частенько думал, что он тем уж счастлив, что поколение его испытало чувства нежные. Оно было, как ему казалось, застенчивее теперешних молодых людей. Потому и не завидовал он никому из нынешних, у которых словно бы выжжена тайна из груди, и не догадываются они порой, что такое любовь, путая ее с похотью.

Снежно-белая сорока черной вспышкой взлетела с дороги, опустилась на березу и стала кланяться, балансируя длинным хвостом. Лес был пустынен и тих. Солнце обволакивало золотистым светом каждое дерево, каждую веточку, делая каждый изгиб классически выверенным и законченно-идеальным.

— Другого пути нет, — сказал Румянцев так, будто после задумчивости продолжил оборванный разговор, затеянный с внуком. — Не было никогда ни у одного значительного человека и никогда не будет.

— Что? — спросил Сашка ломающимся баском. — Чего не было?

— Ничего само собою разумеющегося... Тут слышу: «Людам нравится его скромный характер». А как это характер может быть скромным? То есть, значит, человек совсем без характера? Только так и можно понимать — другого не дано. Если характер, то не может быть скромным. Только он и заставляет человека что-то совершить в жизни, тут уж скромность не друг. Скромным можно быть по отношению к своим запросам, к самому себе, но тогда надо сказать: «Людам нравится его скромность». Правильно я говорю? Вот, например, я... Тебе нравится моя скромность?

— Правильно, дед. Тебе скромности не занимать.

— Как это?

— Дрался. Воевал.

— Точно рассуждаешь. В драке со скромным характером пропадешь. А ты знаешь, чего я больше всего боялся? Бегущей крысы. Особенно если крыса напугана. Жутко боюсь! А вот однажды весной почки зеленели, мать-и-мачеха цвела, но еще прохладно, я еще в пальто. Говорю одному парню, который в рубашечке выбежал: «Простудишься, холодно еще». А он мне в ответ: «Если я, батя, до твоих лет доживу, я вообще голяком ходить буду». А ты что ответишь?

Сашка улыбается, не сводя глаз с дороги, чутко улавливая руками малейшее скольжение колес, легким движением руля выправляя положение машины.

А Румянцев задумывается, уходит в таинственную тишину, вспоминая самого себя в Сашкином возрасте, когда он тоже думал: «Вот до пятидесяти доживу и ничего в жизни бояться не буду». Теперь эти пятьдесят кажутся таким счастливым и радостным возрастом, что в душе его все вдруг затихает в тревожном предчувствии.

Они возвращались домой с неудачной охоты на кабанов. Но неудача была приятна, пришло хорошее настроение. Намерзлись в лесу, Румянцев едва выбрался с помощью внука из снега, потеряв все силы в борьбе с лыжами, ходьба на которых была мучой для него. Но сознание того, что он все-таки ходил на кабана, стоял на номере в ожидании зверя, веселило теперь его, сидящего в теплой машине, как если бы это и было то главное, ради чего он выезжал с внуком на охоту. А Сашка был молодцом: тащил на себе совсем ослабшего деда, проваливаясь в снегу. Александр Васильевич был так благодарен внуку, так нежно любил его в эти минуты, так страстно хотел сказать ему что-то очень важное и мудрое, что-то главное передать молодому человеку, словно это был лучший его друг. Он глубоко задумывался, но ничего путного, как нарочно, не приходило в голову. Навязчиво вертелась фраза: «Другого пути нет», — которую он уже единожды произнес вслух, и еще раз сказал в задумчивости.

— Другого пути нет, Сашок! — будто сказал что-то очень важное.

Ему хотелось признаться в самом сокровенном этому очень способному, умному и доброму человеку, его тянуло на исповедь, и он с трудом сдерживал себя, чтобы не рассказать о первой любви, которая случилась еще до того, как он познакомился с будущей своей женой, Сашкиной бабушкой.

Ему было шестнадцать, и он был уверен, что очень любит немолодую, как ему тогда казалось, двадцатитрехлетнюю женщину, к ласкам которой он как бы перешел от недавних материнских ласк с той только разницей, что женщина эта приоткрыла нечто таинственное в этих ласках, о чем он только мог раньше догадываться или слышать от своих приятелей. Провал в эти ласки был стремителен и страшен, как если бы в жизни его случилась непоправимая беда.

Первая встряска со временем утихла. Жизнь опять повернулась к нему лучшими своими сторонами, и он, как это ни удивительно было, привык спокойно разговаривать с соседкой, нянчившей сына в коляске, рассказывать ей всякие пустяки, шутить, ни на что не намекая, как будто между ними никогда ничего не было, и не вздрагивал, если вдруг появлялся муж.

Теперь, вспоминая душевный свой надлом, Румянцев с тоскою думал о Сашке, которому тоже грозила блажь души и тела. Ему хотелось поделиться с ним опытом, предостеречь его. Но он отлично понимал, что никогда не сделает этого, чувствуя себя невольным предателем внука, которого подстерегала опасность в жизни, а он, зная о ней, молчал.

— Другого пути нет, — опять повторил он, глядя на трактор.

— О каком пути говоришь? — спросил внук, осторожно обгоняя оранжевый

трактор, тарыхтящий справа, крутящий в натуге свои большие колеса с мелькающими в рваном ритме черными галочками протектора. — Заладил о каком-то пути. О чем ты думаешь?

— О гололеднице, — отозвался Румянцев, поправляя ногу с протезом. — Бывает ум книжный, Сашок, неживой, гибкий от всевозможных знаний, но без всяких неожиданностей, без открытий. А у меня живой. Я все время для себя открытия делаю.

— Какое же сделал сейчас?

— Старое, как мир.

— Другого пути нет? — спросил внук.

— Другого нет, — подтвердил Александр Васильевич.

— Хоть бы песочком посыпали, — в сердцах сказал Сашка. — Ладшки даже воспели.

Он решил, что дед имеет в виду дорогу, по которой они ехали.

— Жизнь так коротка, Сашок, что человек в общем-то не успеваешь набраться опыта, чтобы учить других, — сказал Румянцев. — Я знал одного человека, который говорил: «Задание будет выплането». Задание «выплането», и все тут. А ведь главное дело в том, какое задание. Понял меня? По идее, человек сам себе должен давать задание на всю жизнь. А я прожил жизнь, но никакого задания! Разве это хорошо? Иногда только кажется... Знаешь, что такое ползун?

— Нет, не знаю.

— Это когда в одном каком-нибудь вагоне заклинило тормозные колодки, колеса не крутятся, а ползут по рельсам. От такой езды металл стирается. Я однажды попал в переделку. Дождь, тьма за окном... Дело было в Румынии. На каком-то полустанке останавливают поезд: дальше ехать нельзя. Как нельзя? А так... Надо отцеплять вагон, а нам, пассажирам, перебраться в другой. До Бухареста километров четыреста... Проводники, начальники поезда хлопчут, волнуются, спорят... Короче, отвели колодки, отключили тормоза, договорились с местными властями и поехали. Стуку было! Окружность колеса нарушилась, вот оно и било по рельсам, трясло вагон... К чему я все это? А к тому, что, значит, вагону можно ехать без тормозов. Неудобно, но можно, особого риска нет, когда вагон среди пятнадцати или шестнадцати исправных идет. Другие и затормозят и разгонятся. А тот, который с ползуном, тоже бежит. Но хоть и бежит, а все же так потому только, что рядом вагоны с исправными тормозами. Вот и у меня, Сашок, в жизни этот самый ползун... Мне без людей крышка. Без тебя была бы крышка сегодня в лесу... Замерз бы к чертовой бабушке! Так до конечной станции и придется тащиться с ползуном. Как ты думаешь? Люди посмотрят, скажут: молодец старик, не сдастся... Вот и на охоту с внуком ездит... А, Сашок? Чем не задание! Вот я и рад стараться. Задание будет «выплането»... Ты мне здорово помог сегодня, спасибо тебе, родной.

Он ерзает на сиденье, лезет за платком, сморкается. А тем временем кончается проселочная дорога, и Сашок, внимательно оглядевшись по сторонам, повертывает налево, на бурую от песка, широкую мерзлую полосу асфальтового шоссе, погруженного в сумеречную тень.

Кажется порой Румянцеву, что извечная вражда отцов и детей придумана сердитыми людьми, хоть и понимает, что дело это не такое простое. Наступают, наверное, в жизни людей периоды взаимных обвинений и упреков. Активизируются злобные силы, накапливаются в дряхлеющих костях стариков, которым уже не угнаться за молодежью. Степень греховности растет, грозит прорывом неистребимой энергии, которая требует выхода, готовясь разорвать тонкую оболочку человеческих отношений. Но разве не живем там, где начинали радоваться жизни! А стало быть, живем мы в любви ко всему живому, ко всему сущему на земле. Неужели так уж трудно дожить до полной растворенности в этой любви?

Но почему-то снится ему часто один и тот же сон, от которого он просыпается успокоенный и словно бы защищенный от грядущих бед, с чувством силы и уверенности в себе. Ему снится пистолет в руке, которого он никогда не держал, но который так хорошо ложится своей грозной тяжестью в руку, будто его вороненый металл был всегда естественным его продолжением.

Противоборствующие силы раздрают его душу, он терзается в догадках, не понимая, отчего так бывает, мрачнеет и замыкается в себе, не видя выхода, словно бы опять кто-то выгнул короткую спичку и в окружении оставаться опять ему, на этот раз одному со своей старостью и культурей.

«О лейтенант, налейте нам!» — звучит тогда бравый мотивчик в уставшей его голове, и слышит он печатный шаг по чистому тротуару, видит блеск начищенных сапог и уходит, козыряя, в широкую улыбку ребячьей своей мечты. «О лейтенант!»

После охоты он слег с воспалением легких. Болезнь протекала тяжело, как это часто бывает у старых мужчин. Тело сухо горело, сознание затмевалось...

Над водой, черной и остылой, вдруг пролетали полчищами свирепые тучи, поднимая ветер. Колочий снег хлестал землю. И тогда казалось, что весь мир уносится в тартарары, в мрачную, всасывающую в себя все живое дыру. Но тучи уносились, вода, успев раскочкаться, утихла — наступал штиль... Черная вода среди белых берегов, а на воде сотни застигнутых бурей уток... Но подоспевала новая туча со снежным зарядом... И снова черная вода, пугающе тихая, как омут величинной с море.

Он впервые со времен войны попал в больницу, а когда его привез домой внук, он улегся на своей постели с прохладной простыней, под прохладным пододеяльником, положил голову на привычную высокую подушку и умиротворенно улыбнулся. Он похудел, но был очень доволен, что дома.

Добрая его Верочка, страдающая от гипертонии, тяжелая и слабая женщина, которая в последние годы мало двигалась и за которой все время присматривал, ухаживал Александр Васильевич, или Алик, как она его называла, теперь оживилась и словно бы довольна была, что Алик слаб и нуждается наконец в ее помощи.

А вместе с ней и старшая сестра Александра Васильевича тоже словно бы вдохновилась болезнью брата, раскрыла душу для милосердия, для доброго, бескорыстного труда. Она была совсем плоха, и брат опасался за ее жизнь.

Теперь же ее было не узнать. Она даже бранила Верочку, говоря ей с ворчливым добродушием в голосе, калямбура и подслушивая над ней:

— Ты хоть и ленива, Вера, но вареники-то делаешь?

— Нет, он ленивые не ест, — отвечала Верочка. — Не любит. Я люблю, а он нет.

— А творожники?

— Творожники ест.

— Вот и сделай ему творожников! А я тоже люблю ленивые...

Верочка задумывалась, оплывшие ее глазки серебрились озабоченной слезой, она напряженно вспоминала что-то и никак не могла вспомнить.

— Вот что, — говорила она в этой забывчивости, упирая указательный палец в мягкий подбородок, в котором он утопал. — Вот что я подумала. Надо груши на рынке купить. Большому будет приятно.

Была Верочка когда-то веселой, миловидной толстушкой, застенчивой до пугливости, и всегда ее окружали подруги. Мальчишки ее считали холодной и слишком много думающей о себе. При них она замыкалась, веселость ее пропадала, и она даже делалась некрасивой в своей серой нахмуренности. Но это оттого

происходило, что по сути, по высшему предназначению Верочка была матерью, и только ею. Притязания же всех мальчиков сводились к простому наслаждению, к разрушению того храма, который она носила в себе, ожидая того благословенного времени, когда придет к ней муж.

Оттого и холодна была она, отвергая даже тех из мальчиков, которые ей нравились, но в душах которых не улавливала она надежности, словно жизнь ей подсовывала лживых искусителей, испытывая ее, и она отвергала их. И ждала того, от которого понесет семя новой жизни, чувствуя, что ради этого она и сама родилась на свет.

Этим мужем стал Александр Васильевич Румянцев, верный ее обожатель, надежный и красивый человек.

— У феминисток, — говорила Верочка подругам, если они упрекали ее в излишней любви к мужу и семейным заботам, — у феминисток нет большего врага, чем сама женщина. Я не хочу усугублять ваше дело, — мягко и застенчиво возражала она особенно рьяным защитницам женского равноправия. — Вы хотите стать такими же свободными в выборе, как и мужчины. А я знаю все свои слабые стороны и поэтому самая сильная из вас и самая свободная.

Она была непробиваемой душой, по мнению подруг, которые перестали с ней знаться, но не обабилась, оставшись до старости такой же застенчивой, какой была в юности, искренней и нежной, живя надеждами на хорошую жизнь своих близких, на их душевный покой и на любовь друг к другу. Не забывая, конечно, о том, что надежда всегда граничит со страхом, то есть со своей противоположностью, но что при этом вкус надежды только обостряется.

Румянцев довольно поболел и выздоровел только к весне.

Весна была капризная: то дождь со снегом, то влажная теплыня, то холодные, порывистые ветры. Охоту открыли только на вальдшнепов и так поздно, что пролетная птица ушла, а местной было слишком мало на тот отряд охотников, который ежедневно наезжал в подмосковные леса.

Румянцеву в ту весну охота вообще не удалась. Когда он с внуком выехал из дома, был серый, ветреный полдень. На улицах мело пылью пополам с сухим снегом, который, как тополиный пух, собирался в непроветриваемых местах.

И все-таки они поехали. «Хоть лес посмотрим», — сказал Александр Васильевич. Но лес был мрачен. Вершины шумели, раскачиваясь на ветру. Землю побелил свежий, очень неприятный в это время года, слишком холодный снег. Идти на тягу, оставляя за собой следы в снегу, не хотелось. Они постояли у обочины проселочной дороги, позябли на ветру и, не собирая ружей, отправились в обратный путь.

— Ну-ка, Сашок, притормоси, — попросил Румянцев. — Сдай немножко назад, — добавил он, когда машина остановилась. — Бредина цветет!

Они подошли к огромному букету цыпляче-желтых, пушистых цветов, красующемуся на опушке серого леса среди снежной белизны. Снег присыпал пушистые сережки, и каждая из них стала похожа на диковинный цветок — нежно-желтый, несущий на своей макушке кристаллы белого снега.

— Бредина, — повторил Румянцев, дотрагиваясь рукой до холодных цветов. — Или еще ее называют козьей ивой... Непонятно, почему козьей?

— Едят, наверное, — вслух подумал Сашок, фотографируя цветущую полусферу, густо усыпанную сережками, на которых вместо пчел сидели снежинки.

Но на фотографии куст выглядел бледным пятном: не хватало света.

— Машина любит ласку, чистку и смазку, — весело объявляет в разгар весны окрестий Александр Васильевич своему внуку. — Не пора ли обслуживание пройти?

— Не оталевай ребенка, — просит Верочка, которая опять болеет и выглядит дряхлой рядом с мужем. — У него экзамены!

Но «ребенку» только этого и надо. Промчаться с дедом по кольцевой дороге, подкатить к техническому центру на Варшавке, посидеть с дедом на прохладной зеленой траве среди цветущих одуванчиков, отойдя в сторонку от автомобильной толчеи.

Деду полагаются обслуживание вне очереди, и тут он пользуется своим правом, хотя отказывается наотрез в магазинах, когда в очередях толпятся пожилые женщины и, может быть, вдовы тех, кто не вернулся.

Какое там право! И перед кем? Он даже сказать стыдится, что без ноги. Брезгливо окидывает взглядом тех, кто право свое не забывает, хотя и на ногах, а то и вовсе без ранения — свеж как огурчик.

И лишь на станции технического обслуживания позволяет себе козырнуть среди молодых мужчин и ровесников.

«О лейтенант! — звучат тогда чеканные слова в его сознании. — Налейте нам!» — которые отзываются в нем как некий пароль, открывающий путь молодецкой дерзости и придающий уверенности в себе. Хотя сам при этом стоит спокойно и на мир глядит из такой круговерти своих мятущихся чувств, что кажется, будто он надменно безразличен ко всему на свете, будто холоден его острый мозг, светящийся из-под серых бровей кристаллами льда. Осанка и медлительные движения преисполнены достоинства, точно он свою старость несет в торжественном молчании мимо людей, склоняющих головы в почтении перед мудростью ветерана, перед его красотой и благородством.

А в нем тем временем бушует и клокочет лейтенантская кровь, колотит в боевые жилы тяжкими ударами. Румянцев взволнован до крайности, прислушивается к себе и оттого кажется людям шагающим по недостижимым вершинам мудрости и человеческого величия.

Сашок с трудом запарковывает горячую машину, оглядывает ее придирчиво и идет след за дедом в контору на запись, оглядывается перед воротами цеха, на месте ли коралловая красавица.

Стоит с ним рядом, похожий и непохожий, не умеющий сдерживать своих чувств: то на одну ногу навалится тяжестью тела, то на другую; туда повернется, сюда; на того посмотрит косо, на другого; лицо его то хмурится, то разглаживается в детском любопытстве; губы подергиваются, как в тике.

Дед незаметно подмигивает ему: дескать, сейчас и наша очередь, не волнуйся, впереди тоже ветеран, тоже имеет право, ничего не поделаешь.

За стеклами в окошечках сидят усталые женщины и пишут, пишут, пишут... Весна! А между тем к окошечку на запись проталкивается коренастый, сильный, нестарый еще человек, делая это бесцеремонно и по-бабьи напористо и привычно, как это всегда он, наверное, делает, расталкивая людей локтями и литой массой тела. И вот уж он у заветного окошечка, вот уж и Румянцева оттесняет мощной спиной, заставляя его покачнуться и переступить с ноги на ногу.

Брови у Сашки лезут вверх, глаза расширяются, блестят от подступившего бешенства, которое он едва сдерживает.

— Вы, пожалуйста, поосторожнее, — строго и тихо говорит он, защищая длинной своей рукой невозмутимого деда. — Вы что это?! Разве можно?

— Можно, можно! — говорит тот, согна и не оглядываясь. — Имею право, я инвалид Отечественной войны. А ты мне тут не мешайся под ногами!

— Нет, — говорит Сашок, бледнея и стискивая кулак, острые углы которого светятся белизной кожи. — Вы встанете в очередь.

— Никогда!

— Вы встанете в очередь. Во всяком случае, за этим человеком, потому что он тоже инвалид Отечественной войны, — произносит Сашок, задыхаясь и проглатывая слова от бешенства, хотя и старается говорить вежливо и не выходить за рамки.

Мужчина оборачивается, ошумело смотрит на Сашку, спрашивает удивленно, как будто увидел комара, который вздумал угрожать ему:

— А тебе-то что надо?

— А то, — теряя силы, чуть ли не шепчет Сашок, — а то, что это мой дед. — И оттесняет грудью обескураженного мужчину, который видит протез.

Мужчина с бумагами в руках молча встает за Румянцевым, не попросив прощения, не смутившись, как если бы старый человек, за спиной которого он оказался, был всего лишь навсего непредвиденным препятствием на пути к окошечку, неодоленным предметом, обойти который ему не под силу.

Румянцев тоже молчит, не проронив ни слова за время этого инцидента, уверенный, что его сумеет защитить внук.

И вот уже работают, шипят, разбрызгивают воду огромные, круглые волосяные щетки. Коралловая игрушечка, сверкая обновленным лаком, мокрая и маленькая в просторном цеху, выползает из душевой камеры, сияет хромом и светлыми ободами колес. Мотор ее гулко и сердито ухает на газак, которыми играет сноровистый и быстрый Сашок, вырывающийся с мойки на третью линию профилактического цеха, где у деда кончаются права и вступает в силу закон живой очереди.

Яркие машинки, кажущиеся меньше и игрушечней, чем они есть на самом деле, чисто вымытые и блестящие, сияют, как цветные карандаши в коробке. Возле каждой из них озабоченный хозяин, похожий на родителя, сдающего ребенка в руки чужих и равнодушных людей, которые совсем не знают характера их дитяти.

В преддверии цеха под высоченными перекрытиями резко пахнет сизыми выхлопными газами, предательской сладостью сгоревшего бензина; раздаются гулкие металлические стуки; ухающие ревы двигателей; визг тормозов, блокирующих колеса.

Но все это за легкой оградой, где совершается таинство. Все это там, куда устремлены понуро притихшие автомашины, ждущие своей очереди, и их хозяева.

Настоялись, надыхались гарью, намучились — сдали машину, убрав по требованию мастера все мелочи в багажник, чтобы не пропали: щетки, съемное зеркало, прикуриватель — все! Обидная и подозрительная процедура! Будто они сдавали машину в руки заведомых жуликов.

В расстроенных чувствах вышли из цеха на свежий воздух, думая о своей машинке как о брошенной, за руль которой сел мастер в шалате и угнал в таинственное жерло цеха, лишив их как будто бы права на нее. Делай что хочешь! Терзай! Меняй новые детали на старье!

Солнышко в туманном небе освещает распаренную землю с весенней ласковой ленью, не в силах положить четкие тени. В дымке белые дома и бурые полосы далеких перелесков. Бегут машины по шоссе, быстрые и чуть слышимые. На желтом от одуванчиков склоне — тишина, словно Александр Васильевич и Сашка вошли в комнату-невидимку и плотно закрыли за собой дверь. За стенами и за дверью шумно, но здесь тишина. «Там шумно, а тут тихо», — давняя спасительная привычка москвичей, приспособившихся к обстоятельствам жизни. Румянцев, например, привык не замечать шума машин или топота верхних жилычек, будто настроен природой к отбору только положительных эмоций. Одуванчики, например, поглотили все его внимание, и он умиленно разглядывает сочный махровый цветок, щекоча им кончик носа, чувствуя прохладу и медовый запах... Ну до чего же красивый цветок! Сидит Румянцев на траве один на один с желтым солнышком, которое вертит в пальцах, улыбается, будто попал на необитаемый остров, который со всех сторон омывает море, набегающее на берег прибойными волнами. Шум ли это автомашин, шум ли волн? Какая разница! Голоса ли это людей, крики чаек над грохочущим прибоем? Кто разберет!

Здесь тишина. Здесь ползет по своим делам муравей, точно отлитый из чугуна. В бессмысленной своей беготне то покажется на листе одуванчика, то снова спрячется. Летающая тигрица собирает нектар с одуванчиков. Не знающая страха, грозит атакой Александру Васильевичу, вьется вокруг его лица, словно он тут мешает ей.

— Дед, оса у тебя над головой, — говорит ему внук, грызущий зеленую травку.

— А что с ней поделаешь! — отзывается дед из своего далека. — Сейчас, наверное, сморчки, строчки в лесах! Вот чего никогда не пробовал: жареных сморчков!

— Я им не верю, — говорит внук басовитым, прустудно-срывающимся голосом.

— Это ты правильно сказал, в гриб надо верить, тогда он вкусный.

Женская речь наплывает из-за спины. Досадливым тоном, на полувдохе, тихо говорит идущая женщина:

— А этот, помнишь, Стасик... тоже умер... и Тамара тоже, Мишка... Страшно сказать!

Румянцев тревожно оглядывается и видит спины двух удаляющихся женщин, совсем еще не старых, не успевших дожить до возраста счастливых бабушек. Обе курят, обе в джинсах, у обеих сигловатые голоса привычных курильщиц. Пригнали, наверное, машины и встретились случайно... Когда-то учились вместе, вспоминают общих знакомых и общие утра.

Горький вздох теснит грудь лихому «лейтенанту». Чувствует он себя сейчас на высокой вершине, где воздух разрежен и нелегко дышать. Подносит яркий цветок к носу и, прикрыв глаза, вдыхает луговой аромат, отвлекая себя от печали. Нет ничего больнее для него, чем известия о смерти молодых людей, умирающих в мирное время. Чудится ему сейчас, будто неведомый комбат вытащил для этих людей короткую спичку.

— А вот, ты понимаешь, какое дело! — восклицает он с неожиданным азартом. — Не вытяти тогда наш комбат короткую спичку, неизвестно, как сложилось бы мое пребывание на этом свете. А, Сашок? Может быть, не увидел никогда, какой внук у меня вырос! Тоже ведь верно? Когда ты родился, была весенняя гроза, а потом птицы пели. А я ходил и думал: человек родился. Вот, думаю, человек родился. И так мне хорошо было! Все во дворе поздравляют меня, а я улыбаюсь, как дурачок. Один мальчонка лет пяти и тот спрашивает у меня: «Дядя Саш, а у вас кто: дочь или внук родился?» Дочь или внук! Внук, говорю, внучок! Дочка у меня уже была. Я иногда как подумаю, что ты бы вот взял да и не родился, — страшно делается.

— Ладно, дед, — смущенно басит Сашка. — Кончай.

— Я порой, Сашок, чувствую себя бегуном на длинную дистанцию. Честное слово! Бегу вместе со всеми, с тобой, с мамой твоей, с отцом, а сам ведь знаю, что я вас обогнал на целый круг. Бегу вместе, в одной куче, а за спиной лишний круг, а то и два... Знаю, что первым приду к финишу. И радуюсь этому обстоятельству. Во-первых, победитель, а во-вторых... А во-вторых... — повторяет он, щелкая в воздухе сухими пальцами, — знаю, что вам еще бежать и бежать... Всем хорошо! Вам хорошо, и мне тоже.

Румянцев смеется, довольный своим неожиданным открытием, прижимает к себе Сашку, треплет его коричневые мягкие волосы.

В шестнадцать лет многие из нас ставят перед собой сверхзадачи. Однако далеко не многим удается в этом возрасте убедить окружающих в осуществимости своих желаний. Московскому школьнику Дмитрию Билозерчеву удалось! Минувшей осенью в Будапеште стал самым юным абсолютным чемпионом мира в истории спортивной гимнастики. Победа Дмитрия вызвала живой отклик у читателей «Смены». Ровесники чемпиона интересуются самыми разными подробностями его пока еще короткой биографии. Подобный интерес вполне понятен: ведь, анализируя судьбу победителя, сопоставляя ее с собственной судьбой, мы учимся на его примере.

Твой
собеседник —
чемпион

ЧАС Р ЭР

Сергей ШАЧИН

Когда и как Дмитрий стал спортсменом?
На этот вопрос москвича С. Агальцова и многих других читателей журнала отвечает отец гимнаста Владимир Николаевич Билозерчев:

— О том, что Дима станет знаменитым, мы никогда не мечтали. Семья у нас обыкновенная, рабочая: я — электросварщик, жена — оператор ЭВМ. С утра до вечера пропадем на работе. Поэтому особо опекать Диму и его старшую сестренку Надю, усиленно выискивать в них скрытые способности нам, честно говоря, было некогда. Чтобы дети не болтались целыми днями во дворе без присмотра, решили определить их в спорт. Почему именно в спорт, а, скажем, не в художественную самодеятельность? Тут повлиял мой пример. Я в юности тренировался в «Динамо», был чемпионом Москвы по боксу, но главное — приобрел отменную физическую закалку, которая и до сих пор помогает обходиться без врачей. Надю мы записали в бассейн. А вот для Димы спортивное увлечение подобрать удалось не сразу.

Вначале я думал, что сын станет хоккеистом. В нашем доме в Тушине жил Валерий Харламов, и, понятно, все мальчишки мечтали походить на него. Мы с Валерием приятельствовали, и я попросил его подарить Димке мастерскую клюшку. Вы бы видели, как сын обрадовался подарку! Гонял шайбу до изнеможения. Но вот однажды вечером вернулся домой в слезах: клюшку отняли какие-то хулиганы. Харламов вскоре подарил ему другую, но Димка не успокоился. «Пап, а пап, — говорит, — отведи меня в спортивную секцию, хочу по-настоящему тренироваться, чтобы стать сильным и никогда не давать себя в обиду». С немалым трудом мы записались в хоккейную школу «Крылья Советов». Возвращаемся домой, а на столе лежит открытка: на завтра утром Диму приглашают в гимнастический зал ЦСКА на Ленинградском проспекте, 39...

Эту открытку прислал начинающий армейский тренер Александр Александров. Тогда, в 1974 году, он день за днем объезжал столичные школы в поисках одаренных ребят. Еще не так давно Александров сам тренировался в ЦСКА рядом с такими выдающимися мастерами, как Сергей Дюмин, Виктор Лисицкий, братья Клименко. Правда, в этой блистательной компании мировых и европейских чемпионов он постоянно оставался на вторых ролях, но не отчаялся и с помоста не ушел — окончил институт физкультуры, решил стать спортивным педагогом, чтобы воплотить собственное понимание гимнастики в будущих учениках.

На уроке в 818-й средней школе Александров увидел Билозерчева. Другой тренер, возможно, и не обратил бы внимания на этого маленького крепышу — считается, что для гимнастики особенно подходят подвижные, худенькие, гибкие ребята, а за Димой к тому времени успела закрепиться кличка «Толстый». Однако Александрову понравилось, с каким упорством не слишком складный на первый взгляд паренек выполнял гимнастические упражнения. Посоветовавшись с коллегами, он отправил Диме приглашение на просмотр в армейский зал. По канату новичок взобрался только до половины — не хватало сноровки. И тут, почувствовав, что проваливает экзамен, собрался с силами и отжался от пола сорок пять раз подряд — больше, чем даже «старожилы» группы Александрова. Диму записали в школу.

Итак, вундеркинда в Билозерчеве никто сначала не увидел. А главное, что и сам юный гимнаст не считал себя таковым. Чрезмерная уверенность в собственных способностях, особенно когда она подогревается восторгами приятелей и родителей, нередко оборачивается поражениями, ибо порождает высокомерие, неуважение к авторитету учителя, желание скакать вверх сразу через три ступеньки. Дмитрий, напротив, с первых же дней в школе ЦСКА почувствовал, насколько он далек от совершенства. Это чувство побуждало трудиться, ревностно выполнять советы тренера. А тот не торопил ученика,

воспитывал в нем тщательность и обстоятельность — те качества, без которых невозможно добиться продолжительного мастерства.

Нередко Александру Сергеевичу приходилось сдерживать Диму. От Тушина до ЦСКА не так уж далеко, поэтому будущего чемпиона в зал привозила мама по дороге на работу, за час до начала тренировки. Этот час он проводил рядом со взрослыми мастерами — пытался копировать их комбинации. Однажды Александров изрядно испугался: войдя в зал, увидел, что десятилетний ученик самостоятельно отработывает на кольцах тройное сальто — рискованнейший элемент высшей сложности. Крепко тогда досталось Диме. С того дня они заключили твердый договор: на помосте не должно быть места неоправданному риску. Каждую новую программу необходимо отшлифовать настолько, чтобы исключить возможность травм и срывов. Этому принципа учитель и ученик придерживаются неукоснительно.

— Первые тренировки у Александра Сергеевича походили на веселую игру, — вспоминает Дмитрий. — Он придумывал необычные упражнения, устраивал забавные состязания и вручал самые неожиданные призы, например, почтовые марки или большущий шоколадный торт. Поэтому я вначале воспринимал гимнастику как развлечение. И только года через два почувствовал вкус к настоящей творческой работе. Спорт — это постоянный

**ПЕРЕД
ЭКЗАМЕНОМ
НА «АТТЕСТАТ
ЗРЕЛОСТИ».**

поиск. Разучивая очередной новый элемент, ты расширяешь представления о собственных возможностях. Затем появляется желание заглянуть еще чуть-чуть вперед, и так до бесконечности... Бывает, к вечеру настолько устаешь, что слышать ничего не хочешь о гимнастике. А наутро снова тянет в зал — ведь сколько интересных идей еще остались невоплощенными!

Я слушал Дмитрия и думал, что, наверное, именно тогда, когда он впервые ощутил потребность в настоящем творческом труде, и началось возмужание будущего мирового чемпиона. Гимнастика из развлечения превратилась в большое дело — такое, которому ты с радостью готов подчинить себя без остатка. Дети живут любимыми забавами, а взрослые — любимой работой. Тот, кто только раз-

**...А ШТАНГА
МНОЖИТ СИЛУ.**

АННЕТ ЕЛОСТИ

Фото
Евгения
ВОЛКОВА

влекается работой, остается великовозрастным дитятей, и на него не стоит полагаться. На Билозерчева в его шестнадцать лет можно положиться безоговорочно.

В прошлогоднем сезоне он выиграл все, что только можно было выиграть,—международный турнир в Лужниках на призы газеты «Московские новости», чемпионат Европы, Спартакиаду народов СССР, наконец, мировое первенство. Выдавшие виды специалисты и те поразились необыкновенной стабильности юного гимнаста. Столько ответственных турниров—и ни единого заметного срыва! Достаточно сказать, что в Будапеште Дмитрий дважды получил максимальные оценки на коне—снаряде, который традиционно считается самым «норовистым».

— А я как раз больше всего люблю коня—именно потому, что его с налета не «обуздаешь»,—говорит Дмитрий.—Родители с детства приучали нас с сестрой не бояться работы. «Чем труднее и неподатливее дело, тем оно интереснее»,—часто говорит отец,—и тем почетнее с ним справиться». Я считаю, что все прошлогодние успехи обеспечены прежде всего упорным трудом на тренировках.

Я показал чемпиону письмо Азизы Икрамовой из Ташкента: «У большинства из нас в шестнадцать лет имеется образец для подражания. А на кого равняется в гимнастике Билозерчев?»

те?»—спрашивает в своем письме Татьяна Алексеева из Тульской области.

— Пожалуй, мне было легче, чем старшим товарищам по команде. С дебютанта спрос меньше, нежели с признанных мастеров, от которых ждут только победы. Поэтому я чувствовал себя раскованно, будто на обычной тренировке. Зато теперь все перевернулось: уже не я равняюсь на кого-то, а все равняется на меня. Значит, выступать на прежнем уровне нельзя—нужно позаботиться о запасе прочности. Мы с тренером стараемся создать такой запас за счет усложнения программы.

«Как повлияла на вашу жизнь неожиданная громкая слава?»—интересуются группа девятиклассников из Риги и Анжела Марчкова из Рузаевки. В ответ на вопрос Дима растерянно пожал плечами, и слово взял его отец:

— По-моему, никак не повлияла. Разве что стал ответственным, собраннее. Мы с детства учили Диму не зазнаваться, никогда не создавали ему в семье каких-то особых условий. Домашние заботы между ним и сестренкой всегда были поделены поровну: она готовила, прибирала в квартире, он каждый день ходил в магазин. И сейчас Дима, когда бывает дома, обязательно помогает маме по хозяйству. Я часто повторяю ему: «Единственная привилегия талантливого человека—это работать лучше, чем другие».

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ —
ШАХМАТЫ

— Кумиров в спорте у меня нет и не было,—ответил Дмитрий.—Нравилась легкость и уверенность Николая Андрианова, высокое техническое мастерство и поразительная изобретательность Владимира Маркелова и Александра Ткачева, мощь и одновременно безукоризненная элегантность Александра Дитятина. Хочу соединить эти достоинства прежних чемпионов в своей гимнастике. Большие мастера, как правило, оставляют на память о себе именные элементы—вспомним хотя бы «перелет Ткачева» или «петлю Корбут». Мы с тренером мечтаем о таких находках. Мечтаем—и работаем.

Билозерчев старается работать на гимнастических снарядах с видимой мягкостью и непринужденностью. Но за ними стоят точный расчет, уверенность и твердость. В почерке нового чемпиона проявляется его характер. Будучи твердо убежденным, что добросовестный, упорный труд непременно увенчивается успехом, он считает свои победы вполне закономерными и потому не любит, когда окружающие слишком громко восторгаются его стремительным спортивным взлетом. Дмитрию совершенно несвойствен юношеский авантюризм—он тщательно соизмеряет планы с реальными возможностями, и, очевидно, именно поэтому его слова не расходятся с делами.

«Дмитрий, очень ли трудно вам пришлось на чемпионате мира в Будапеш-

те?» «Дмитрий, а вам не надоедает жить одной гимнастикой? Признайтесь: иногда хочется, наверное, пойти вместо тренировки в дискотеку, в кино или же просто в гости...» (Вопрос Е.Телегиной из Подмосковья.)

— По-моему, человек должен жить именно любимым делом, будь то гимнастика или что-либо другое. Любимая работа постоянно вызывает интерес и потому надоесть не может. Скорее способно утомить и надоесть пустое времяпрепровождение. А в гости и в кино я, разумеется, хожу, но только не вместо тренировок.

«Успехи в спорте приобретаются большим трудом. Звание чемпиона ко многому обязывает. А не боитесь ли вы прежде времени устать? Хватит ли у вас запаса сил для того, чтобы уже с шестнадцати лет постоянно жить на чемпионской ноте?» (Вопрос И.Саенко из Калининграда.)

— После окончания средней школы я собираюсь поступить в институт физкультуры, чтобы потом остаться, но уже в роли тренера, в гимнастике. А от нее я не устану никогда. Может быть, кто-то из моих будущих учеников тоже станет чемпионом. Тогда и выйдет жизнь на «чемпионской ноте»... Если эта мечта не сбывается, то и тогда, я думаю, не потеряюсь в жизни. Потому что спорт научил меня по-настоящему трудиться.

...И ЗАГОРИТСЯ НА ТАБЛО
«ДЕСЯТКА» —
ВЫСШИЙ БАЛЛ, ЧЕМПИОНСКИЙ.

С НУЛЕВОГО ЦИКЛА

**Читательская дискуссия:
«Как жить? Согласно идее
или согласно
обстоятельствам?»**

Не часто — прямо скажем — статья или очерк, опубликованные в журнале, долгие месяцы остаются в поле зрения читателей. А если это и случается, значит, тема, поднятая автором статьи или очерка, действительно задела за живое многих людей, заставила их отложить свои спешные и неспешные дела и взяться за перо. Именно так произошло с полемическим очерком писателя из Казани Диаса Валеева «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?» (№ 2, 1984 г.), положившим начало новой читательской дискуссии. Письма — отклики на очерк спорят, размышляют, анализируют, тревожатся, рассказывают — о личной жизни и общественной, о радостях и неудачах, о верной любви и надежной дружбе, о счастье семейной жизни и путях мещанского «благополучия». Так или иначе все эти письма — свидетельство того, что стремительное развитие духовных сил нашего общества, творческий потенциал советского человека порождают потребность быть творцом, быть хозяином своей судьбы. Об этом же и новые письма в дискуссию, подборку которых мы сегодня публикуем.

ПРИНОСИТЬ ЛЮДЯМ ПОЛЬЗУ

Дорогая редакция!
Меня очень интересуют острые, злободневные публикации «Смены», касающиеся современной молодежи. Во втором номере прочитала очерк Диаса Валеева «Как жить?..». Очерк задел меня за живое. Надеюсь, что мое письмо коснется всех: и таких, как Качалин, и таких, как Дружинин.
Диас Валеев заставил меня глубоко задуматься о том, о чем я раньше никогда не думала. О жизни и человеке, о подвиге и цели, об идеалах и обстоятельствах.
Поразительно точно автор подметил то, о чем я сама думаю, он будто пишет о нашем городе и о том, что происходит у нас.

Живу я в г. Выборге, где каждый знает друг друга если не близко, так в лицо. И я хорошо знаю тех, о ком хочу написать. Большинство из них еще не были в армии, а некоторым вообще 15—16 лет. И все они считают себя Личностями с большой буквы. А как же иначе! С ног до головы в «фирме», каждый вечер они просиживают в барах и кафе с девчонками, которым по 16—17 лет. Они тоже одеты в «фирму», а на тех, кто одет чуть скромнее, никто и не взглянет. Потому что для них важна «обертка, упаковка», выражаясь языком автора. Образ их жизни — цитирую статью «Смены»: «Всячески одеться, всем наесться, напиться, как, извините, свинья, все купить и все продать». Стадо!

Симпатичные ребята, которые не видели ни ужасов войны, ни голода, вскормленные и выхолощенные обеспеченными «предками», не работая, зачастую имеют то, чего не имеем мы, работа.

Мне 19 лет, и у меня тоже есть цель; но ответьте мне, мои ровесники: можно ли жить согласно такой идее, как у этих симпатичных ребят?

Я не «синий чулок», никогда не была против красивых вещей, хорошей современной музыки. Я люблю читать, у меня много друзей, но ни я, ни мои подруги не хотим поддерживать тех, кто с юных лет живет по стандарту: деньги — ресторан — водка — девочки.

Кто со мной не согласен?
И еще о «примыкающих». Не могу не возразить автору статьи по поводу его оценки таких типов:

«— Нужно чужую кровь пролить? Пролью!
— Нужно свою отдать? Отдам!»

Ну нет! Эти рвачи никогда в жизни никому и ничего не отдадут. Они только берут и хватают. Ни один из тех выборгских фарцовщиков, которых я знаю, не способен на светлую, чистую любовь, на добрые дела, а тем более на то, чтобы пролить свою кровь. Это удел таких людей, как Николай Дружи-

нин, Анатолий Мерзлов, Шаварш Карапетян, как ребята, которые строят БАМ и берегут наши границы. Вот к ним я хочу примыкать.

В конце письма обращаюсь ко всем, кто меня понимает и поддерживает. В слишком трудное время мы живем. И поэтому давайте жить так, чтобы каждый из нас смог добиться своей цели. И принести людям хоть маленькую, но все-таки пользу.

Н. А., г. Выборг

«Я САМ ВИНОВАТ ВО ВСЕМ»

Уважаемая редакция!
С большим вниманием прочел статью Диаса Валеева и решил написать вам.

Сначала о себе. Мне 30 лет, женат, образование среднее. Сейчас нахожусь на принудительном лечении в лечебно-трудовом профилактории. Крушение планов, падение человека, моральная травма — все испытано мною в жизни. Проклинал себя, жалел, что многое потеряно из-за пьянок. Часто представляются полные слез и непонимания глаза детей и жены. Чувствую свою вину перед ними, перед всеми людьми. Задумываюсь о смысле жизни и вот что хочу сказать, прочитав статью «Как жить? Согласно идее или согласно обстоятельствам?».

И у меня жизнь шла, как у Качалина, по наклонной дорожке — сейчас страшно подумать, куда эта дорожка привела бы меня. ЛТП — это тоже стадия падения человека. Но опытные врачи-наркологи, воспитатели помогают нам вернуться в общество полноценными людьми. Помогают избавиться от тяжелого недуга, найти верный путь на житейских перекрестках. Горькие, неприятные воспоминания придадут мне силы, дадут мужество, чтобы не повториться, не совершить поступки, за которые мне стыдно. Часто задаю себе вопрос, который нашел в вашей статье: «Способен ли я подняться над ходом событий, оказаться сильнее сложившихся обстоятельств?» Я сейчас делаю все, чтобы изменить ход событий моей жизни: добросовестно отношусь к лечению, веду активную общественную работу, которая помогает мне укреплять выбранную линию жизни. Мне по душе слова из письма Николая Дружинина: «Вот, наверное, что должен сделать каждый человек — попытаться вырваться из привычных обстоятельств жизни, взять судьбу за рога».

Во многом мне помогает самовоспитание, которое я положил в основу дальнейшего образа жизни. А. М. Горький говорил: «Уже и маленькая победа над собой делает человека намного сильнее». Любимый человек должен когда-нибудь спросить себя: «Как жить дальше? Кем быть?» Вот и меня жизнь заставила задать себе эти вопросы. Я понял: выбора нет. Нужно становиться Человеком. «Жизнь — это постоянное становление, и каждый миг этого ста-

После выступлений «Смены»

«На стыках обид»

В статье В. Микушина «На стыках обид», опубликованной в № 3 «Смены», где речь шла о работе Челябинского металлургического комбината и Управления Южно-Уральской железной дороги, своевременно и актуально подняты вопросы взаимоотношений промышленных предприятий с железными дорогами.

В последние годы отношения Челябинского металлургического комбината с Южно-Уральской железной дорогой были осложнены условиями затянувшейся реконструкции станции примыкания и отсутствием регламен-

тирующих документов, определяющих четкое разделение обязанностей работников подъездных путей комбината и станции примыкания.

Вопрос неоднократно рассматривался в Управлении Южно-Уральской железной дороги и в Министерстве черной металлургии СССР.

В 1983—1984 годах коллективами Управления железнодорожного транспорта комбината и станции «Металлургическая» ЮУЖД проведены совместные мероприятия, направленные на улучшение работы с вагонами МПС. Работа осуществляется по Единому технологическому процессу, заключен договор о социалистическом соревновании между коллективами комбината и станции МПС на 1984 год.

Естественно, что в условиях продолжающейся реконструкции станции «Металлургическая» еще будут трудности в работе, однако есть все основания считать, что проводимые совместные мероприятия значительно улучшат деловые контакты и условия труда на подъездных путях Челябинского металлургического комбината и станции МПС.

В. ПАНКРУШИН,
заместитель министра
черной металлургии СССР

Проблемы, поднятые в статье «На стыках обид», действительно длительное время мешают повысить эффективность использования вагонов. Статья активно обсуждалась в коллек-

тивах Управления железнодорожного транспорта комбината. Партком, профком и комитет ВЛКСМ управления совместно с хозяйственным руководством разработали и принимают конкретные меры по улучшению контактов со смежниками.

Работа станции примыкания и подъездных путей комбината в настоящее время осуществляется на основе Единого технологического процесса (ЕТП) и Договора на эксплуатацию подъездных путей комбината. Разработаны совместные мероприятия по работе станций ЮУЖД и комбината.

Почин передовых предприятий Москвы по ремонту вагонов был подхвачен коллективами железнодорожников комбината и отделения дороги. Следуя этому почину, Челябинсккомбинат в 1983 году отремонтировал 834 вагона, на 1984 год взял обязательство отремонтировать 2000 вагонов. Вагоны, поврежденные на комбинате, ремонтируются силами и средствами комбината. Приказом директора комбината намечены конкретные мероприятия по улучшению использования вагонов парка МПС и обеспечению их сохранности.

Между коллективами станции «Металлургическая» ЮУЖД и Управлением железнодорожного транспорта комбината заключен договор о социалистическом соревновании.

Г. ЕВЧЕНКО,
секретарь парткома Челябинского
металлургического комбината

«Место за рулем»

В статье водителя 1-го автобусного парка М. Н. Номеровского, опубликованной в третьем номере журнала, поднят ряд проблем, которые мешают работе общественного транспорта Москвы.

Действительно, конструкция и качество автобусов ЛИАЗ-677, выпускаемых Ликинским автобусным заводом, не удовлетворяют требованиям эксплуатационников и пассажиров. В целях оперативного устранения выявляемых в процессе эксплуатации недостатков и повышения качества сборки автобусов между Главмосгортрансом и Союзавтотрансом заключен договор о научно-техническом сотрудничестве. В рамках этого договора на 1984 год разработан согласованный план модернизации автобуса ЛИАЗ-677. В настоящее время проводятся межведомственные испытания нового автобуса большой вместимости ЛИАЗ-5256, который имеет ряд преимуществ по сравнению с ныне выпускаемым. Эта машина начнет поступать в автобусные парки в 1986 году.

Капитальный ремонт двигателей ЗИЛ-375-Я7 для автобусных парков производит завод АРЕМЗ-1 управления авторемзаводов Главмосавтотранса. До 1982 года завод систематически не выполнял договорных обязательств и не обеспечивал парки капиталь-

новления — сражение, определение себя». Постарайтесь прожить оставшуюся жизнь, сражаясь за свое становление.

В нашем профилактории по моей инициативе по радиотрансляции была полностью прочитана статья Диаса Валева. Проведена дискуссия на предложенную вами тему. Многие лечасьшие приняли в ней участие, многим она помогла переосмыслить прожитую жизнь, свои мысли, поступки.

Владимир АРЕФЬЕВ,
Пензенская обл.,
село Сосновка, ЛТП № 1

«ПОКА МЫ ЕДИНЫ— МЫ НЕПОБЕДИМЫ!»

Здравствуй, «Смена»!

Прочитав твоё приглашение к дискуссии, сразу решил откликнуться. Предложенная тобой тема сложна, интересна и актуальна: «Обстоятельства и идея. Как они формируют личность? Как формируется сознание, мировоззрение?»

Сам я ленинградец. Поэтому с юных лет чувствовал близкое дыхание истории. Революция, свобода, подвиг — эти понятия имеют для меня не абстрактное, а вполне реальное значение. Одним из первых моих воспитателей был мой город. Я рано узнал, что означает слово «ленинградец» и что значит «быть ленинградцем». Мне, наверное, повезло: и в школе, и в институте меня окружали отличные ребята. Мы вместе учились жить. Помню первое свое сильное потрясение — фашистский переворот в Чили. Я тогда учился в пятом классе. Помню наши растерянность и недоумение: ведь это была уже не далекая история, а действительность. На наших глазах гнала революция, гибли тысячи людей. Вот тогда ко мне и пришла впервые мысль о причастности человека ко всему происходящему в мире. Казалось диким, что где-то на Земле гибнут люди, гибнут, не желая мириться со злом, которое называется «фашизм», а я ничем не могу им помочь.

Человек не может быть счастлив, живя лишь для своего спокойствия и благополучия. Такой человек рано или поздно замкнется в своем мешанском мире, где не будет места общей радости и общим проблемам. Именно к этому приводит подстраивание под внешние обстоятельства: зачем пытаться найти свой путь, вдруг он приведет к каким-нибудь неприятностям, чего доброго — еще и отвечать придется... А так, какой спрос? Как все, так и я. Гнусная философия.

Да, обстоятельства бывают и серьезными и трудными. Они не могут мешать личности проявиться, наоборот, они дают ей возможность раскрыться и закалиться в сложной обстановке. Помню, незадолго до окончания школы я здорово разбил на

тренировке в школе. Казалось, все, конец мечте о большом, полезном деле. Почти год пролежал прикованным к койке. Потом на костылях пришел в свой девятый класс. Было, конечно, нелегко. Особенно когда товарищи смотрели на меня с жалостью, как на инвалида. Но я хотел жить, жить полнокровной жизнью. И добился своего — через полгода бросил костыли, потом палку. Окончил десять классов. Поступил в институт. Мечта об участии в борьбе с диктатурой, с фашизмом не покидала меня. Мир кипел: победила революция в Никарагуа, шла война в Ливане, в Сальвадоре.

Летом 1982 года наш стройотряд выехал в Коми АССР. Я был комиссаром отряда. В нем собрались все наши единомышленники. Что это были за два месяца! Мы работали, проводили дни ударного труда, а деньги за работу перечисляли патриотам Сальвадора и Ливана. В ответ на агрессию Израиля против Ливана подготовили большую агитпрограмму «Набат», организовали сбор подписей под нашим посланием президенту Рейгану. И мы были бы вполне счастливы, если бы не осознавали, как этого все равно мало.

Летом прошлого года мы окончили институт. Сейчас служим лейтенантами в рядах Советской Армии. У нас хорошая возможность на практике изучить военное дело. Кроме того, мы защищаем свою Родину. А она нуждается в защите. И вся Земля тоже нуждается в защите. Время выбрало нас для благороднейшей задачи: спасти жизнь на Земле.

А как же наша мечта? Вот отслужим, решили мы, создадим молодежный отряд имени Че Гевары и будем работать в отпуски, а деньги перечислять в фонд патриотов Центральной Америки. Мы еще молоды и полны сил. Мы верим в нашу мечту, в нашу идею. И мы верны лозунгу, ставшему нам родным: «Пока мы едины — мы непобедимы!»

Константин НОВИКОВ,
лейтенант Советской Армии

О САМОВОСПИТАНИИ

Здравствуй, уважаемая редакция!

Прочитала дискуссию на тему «Как жить?» и решила написать. Скоро мне будет двадцать лет, я работаю. Интересно, что в последнее время я тоже провожу дискуссию на эту тему: спорю сама с собой, ищу ответы на вопросы: «Правильно ли я живу? В чем смысл жизни? Тверды ли мои убеждения или, как вы пишете, есть ли у меня идея? Способна ли я победить сложившиеся обстоятельства?»

Пожалуй, на первый взгляд я похожа на человека одномерного. Но душа моя стремится жить и живет более высокими идеями. Только у меня не хватает сил, чтобы и всю жизнь свою подчинить одной прекрасной идее.

отремонтированными двигателями. Да и качество их оставляло желать лучшего — число рекламаций доходило до 20 процентов, а ходимость двигателей не превышала 30—40 тысяч километров. Благодаря помощи исполкома Моссовета и совместным усилиям Главмосавтотранса и Главмосгортранса положение поправлено. В 1982 и 1983 годах обеспечено выполнение плана поставок, число рекламаций сократилось, возросла ходимость отремонтированных двигателей.

Внедрение бригадных форм организации и стимулирования труда водителей и ремонтных рабочих является одним из важнейших направлений в улучшении работы общественного транспорта.

Автор статьи М. Н. Номеровский сам является бригадиром маршрута, который одним из первых в городе перешел на работу по новому методу.

В 1983 году 155 автобусных маршрутов Главмосгортранса (или 40 процентов) работали по методу бригадного подряда.

На 1984 год поставлены задачи качественного совершенствования этой работы, поиска путей активного взаимодействия водителей, ремонтников, диспетчеров и других работников, обеспечивающих транспортный процесс, и на этой основе существенного улучшения обслуживания москвичей и гостей столицы.

М. Н. Номеровский справедливо дал низкую оценку качеству подготовки водителей автобусов в учебном произ-

водственно-техническом комбинате Главмосгортранса.

Вопрос о мерах по улучшению подготовки водителей рассматривался на заседаниях коллегии и методического совета Главмосгортранса. С руководящим и педагогическим коллективом учебного комбината проведено обсуждение практических замечаний, изложенных в статье журнала «Смена».

В 1983 году произведен ремонт здания учебного комбината. Приобретено оборудование для кабинетов по устройству автомобилей и проведению лабораторно-практических занятий.

Г. ГАЕВОЙ,
заместитель начальника
Главмосгортранса

«Сибирские навигации»

Здравствуй, уважаемая редакция! Я постоянный читатель вашего журнала. Внимательно слежу за рубрикой «Дисциплина труда». Очень заинтересовался, в частности, подборкой материалов о молодежи на транспорте: ведь я тоже транспортник — речник. Особенно близка мне по теме статья М. Филатова «Сибирские навигации». Вот я и решил, что просто не вправе не откликнуться на вашу публикацию.

После окончания казанского речного техникума я распределился на работу в Ленский бассейн, поселок Алексеевск Киренского района Иркутской области. Хочу поделиться наблюдениями о своей последней навигации (сейчас я служу в армии).

Нас, десятиречных молодых специалистов, на работу устроили быстро, поселили в так называемом общежитии, оборудованном в старой школе. Удобств никаких, даже тепла нет. Вначале все это казалось нам романтикой сибирской жизни — и то, что спали на раскладушках в пустом классе, и то, что старый шкаф, положенный набор, заменял нам стол. Первые трудности, связанные с обживанием нового места, воспринимались как должное. Но потом мы поняли, что молодому специалисту жить в поселке в межнавигационный период очень нелегко.

Если б только жилищная проблема стояла перед нами! А что делать, скажем, в свободный вечер? Пойти куда-нибудь, заняться чем-то. Отсюда — пьянки, драки... Почти во всех поселках речников нет нормальных условий для жизни, быта, досуга. Вот и бежит молодежь с флота...

Немаловажный вопрос — снабжение судовых экипажей. На Лене работает всего два плавамагзина, и ясно, что они не могут обеспечить потребность всех судов. Поэтому приходится делать незапланированные остановки в населенных пунктах для пополнения запасов, а это как минимум 3—4 часа простоя.

Хотя я и критикую часто себя и свою жизнь, порой очень резко, тем не менее я могу твердо сказать, что моя идея подчинена доброте, правде и справедливости.

Уже продолжительное время я веду наступление на дурного человека, который еще во мне сидит. Иногда мне это успешно удается, но часто я опускаю руки перед обстоятельствами или считаю неизбежным, что обстоятельства помешали мне завершить что-либо именно так, как я думала. Не хватает пока твердости, стойкости в своих принципах. Это меня ужасно раздражает в самой себе. По-моему, если человек о чем-то мечтает, то он должен идти к своей мечте сквозь бури, грозы и завалы из обстоятельств. Даже если он не достигнет своей мечты, то на пути к ней он все равно успеет сделать много хорошего и доброго.

Светлана БАБКИНА,
п. Солнечноподольск Ставропольского края

«ЧЕМ ЖЕ ЗАНЯТЬСЯ?»

Дорогая редакция!

Я часто думаю о том, что можем мы, молодежь 80-х, сделать, чтобы не притуплялись в нас чувства товарищества, горячности, энтузиазма, чтобы не угасала в нас взрывная сила тяги к преобразованию, к новому. Комсомольцы 20—30-х годов шли на штурм старого мира, строили новые города, создавали впервые социалистическое государство. А что можем мы? Если без нас построили социализм, если мы опоздали родиться — что же, теперь нам жить потребителями? Я еще в пятом классе (смешно?) мечтала уехать на БАМ. А теперь и это мне не удастся. Начали возводить ленинградскую дамбу — опять мне не успеть стать ее строителем. Вы бы знали, как я завидую героям романа В. Кетлинского «Мужество». Мне до слез обидно, что не я, а они стали первопроходцами. Почему же так несправедлива судьба? Старшие нам говорят: «Мы совершили революцию и защитили ее, создали материальную базу социализма, вам остается только учиться и жить на благо Родины!» А если я хочу испытать себя? Хочу сделать больше, быть полезнее? Так чем мне заняться? Совершенствовать свои познания в бухгалтерском деле или научиться печатать на машинке с закрытыми глазами? Не слишком ли все просто? Вот какие вопросы тревожат меня, да и не меня одну, уверена в этом.

С комсомольским приветом

Ольга СТЕПАНОВА, 16 лет,
Ленинград

ОТ РЕДАКЦИИ. Дискуссия наша, как видите, дорогие читатели, в самом разгаре. Ждем ваших писем!

А как обрабатываются суда в портах? Например, даже в таком высоко-механизированном порту, как Осетрово, бывают большие простои. Мы стоим, а в Якутии ждут не дождутся грузов... Эксплуатационникам надо бы получше согласовывать работу с железнодорожниками и обеспечивать более равномерную загрузку флота.

Вот из таких недостатков и складывается общее представление о флоте. Некоторые, поработав немного, уходят на берег, а те, что остаются, работают без интереса, без желания.

Кадры у нас готовят училища, техникумы и институты. И приходят туда порой молодые парни только затем, чтобы получить какой-нибудь диплом, — благо поступить в наши речные учебные заведения проще, конкурс поменьше. Бывает, студенты вообще не представляют себе профессии речника, а немного узнав ее, поработав, бегут от трудностей. Думаю, надо больше заниматься профориентацией, издавать книги о речном флоте, о работе судоводителя, о перспективах развития отрасли, чтобы вчерашние школьники знали, чему посвящают свою жизнь, поступая в речное учебное заведение. Больше надо хороших фильмов о работе на реке, о нашей будничной жизни. Вот тогда к нам, речникам, будут приходить парни, которым действительно нужен флот.

Юрий ПАШАГИН,
военнослужащий

С ИМЕНЕМ ПЕТРА I СВЯЗАНО СОЗДАНИЕ НА ОСТРОВЕ СОЛОМБАЛЕ «ГОСУДАРЕВОЙ ВЕРФИ», ПОЛОЖИВШЕЙ НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ СУДОСТРОЕНИЮ.

еще в грамоте Ивана Грозного от 4 марта 1563 года. Двинским воеводам предписывалось «...город делати... на-спех». Руси, становившейся Россией, государством, нужен был выход к морю.

В 1584 году Москва получила от царских воевод Нащокина и Волохова «отписку», что «город деревянный одним годом поставили». Представлял он собой мощную дерево-земляную крепость с двумя линиями обороны и был воздвигнут на мысе Пур-Наволоок. И не на пустом месте, а там, где уже стоял Михаило-Архангельский монастырь, давший впоследствии свое имя городу.

Имя не случайное. Библейский Михаил Архангел, предводитель небесного

праведного войска, издревле почитался на Руси как защитник земли Русской; в первом гербе Архангельска есть его изображение. Защитник Русского государства от вторжения иноземцев с Севера, Архангельский город (так назывался он в старину) расположение имел удобное и для развития порта и для обороны — на возвышении, в 45 километрах от впадения Двины в Белое море. Это позволяло крепостным орудиям держать реку, уходящую к морю, под прицельным огнем. А топкие болота служили хорошей защитой с востока.

Стратегические выгоды вполне окупали безрадостный пейзаж; город был окружен «...болотной тундрестюю... ни к выгону, ни к землепашеству непригодную землю; на которой хоть и есть мелкий сосновый лес, однако и на дрова не годится».

Охотников добровольно селиться в город не нашлось. И посему для несения службы в новой крепости из Москвы и Холмогор прислали двести стрельцов.

ПРИПИСАН К ПОЛЯРНОЙ АВИАЦИИ.

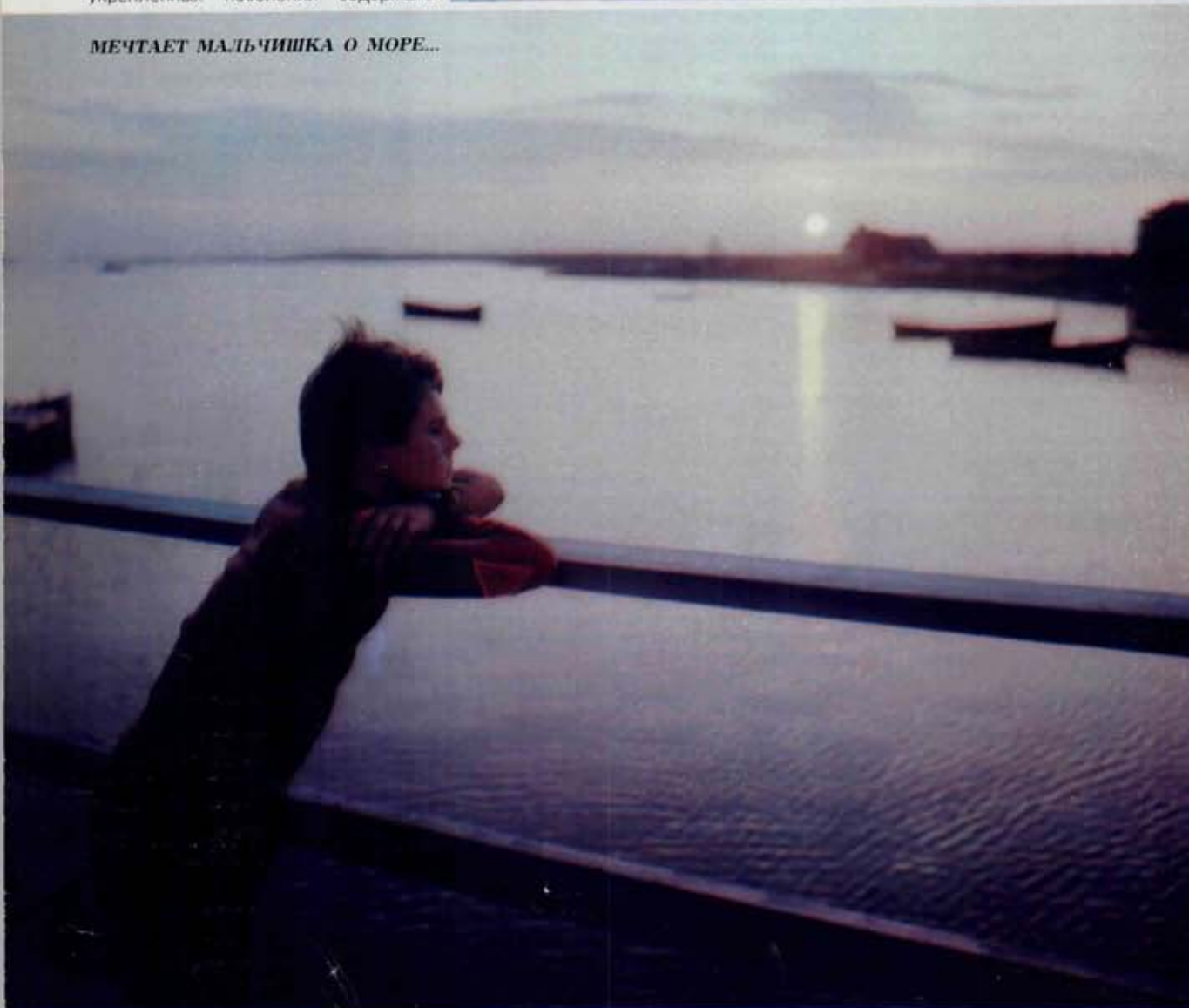

Первый морской порт России. Колыбель отечественного судостроения. Центр огромной территории европейского Севера — «всесоюзной лесопилки», что с давних пор и поныне является «валютным цехом» страны. Ворота Арктики. Все это о нем, об Архангельске.

Ему есть что рассказать о себе. Не только громкую славу международного торгового центра, но и обидное завенние захолустья знавал этот город, который вот уже четыреста лет стоит в устье Северной Двины, обратив свой взор к морю...

Первые сведения о постройке здесь укрепленных поселений содержатся

МЕЧТАЕТ МАЛЬЧИШКА О МОРЕ...

ЮНЫЙ ДРЕВНИЙ ГОРОД.

Отечество

**ПОМ
СТО!**

ПРОЙДУТ ГОДЫ, И ЭТИ КУРСАНТЫ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ВСПОМНЯТ ШКОЛУ АРХАНГЕЛЬСКОЙ МОРЕХОДКИ.

БУДНИ ТРЕТЬЕГО СЕМЕСТРА.

КРАСКИ МОЛОДОСТИ.

ЮРСКАЯ ПЛИЩА

Ираида ПОТЕХИНА

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Для обживания посада были насильно переселены еще около 130 крестьянских семей из окрестных деревень. Чтобы посадские (торговцы и ремесленники) не разбежались, им предоставили льготы — освободили на пять лет от налогов при условии, что за это время поселенец построит свой дом.

До возникновения нового города на двинской земле торг Москвы с иноземцами велся через Печенгу и Колу — путь долгий и трудный. Перенести же торг на Двину было делом заманчивым не только для самих двинян и для Москвы, но и для иноземцев.

Не было бы счастья, да несчастье помогло...

В 1553 году, за тридцать лет до основания города, в устье Северной Двины вошел один из уцелевших кораблей английской экспедиции Виллоби. Командир корабля Ченслер побывал в Москве у Ивана Грозного. Долго ли, коротко ли, но возвращался он уже с грамотой в руках, разрешавшей англичанам беспощинную торговлю в Холмогорах, по Двине, Мезени, Печоре. В свою очередь, и московским купцам Англия предоставляла льготы по торговле на Британских островах. Но вос-

пользоваться ими Россия, увы, не могла — у нее не было флота...

Быстро обосновавшись на одном из двинских островов, англичане построили свой поселок, причалы, склады. Однако их монополия продолжалась недолго. Очень скоро к Северной Двине стали стекаться не только «английские», но и «галанские, анбургские, шкоцкие, бременские, французские и дацкие» корабли. Для мелководного Холмогорского рейда, до постройки Архангельска, принимавшего многочисленных го-

ИДЕТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ РЕМОНТ.

Эри Луке Муньос принадлежит к так называемому «безмянному поколению» колумбийских поэтов, которое заявило о себе в 70-е годы. Пишет он без рифм, почти прозообразным, но свежим по ритмике стихом, который документирован фактами, названиями, датами и цифрами. Его стихи ироничны, а порой и саркастичны. Но главная их особенность — лиризм, в котором поэтическое «я» часто переходит в «мы» и потому приобретает социальную окраску. Эри Луке Муньос, стремясь быть истинно колумбийским поэтом, часто вспоминает в своих стихах историю своей страны, включает в них образы пышной, непохожей на европейскую природы Колумбии. Темы стихов, выражающих уважение к людям труда, защищающих всех угнетенных в мире капитала, органично слиты с его общественной деятельностью как члена Колумбийского совета мира.

Эри Луке МУНЬОС

Теория счастья

Узнать бы, о чем думает жаба,
когда на нее смотрят в упор,
и тарантул,

переплетенный с цветком?
Вот и лето.

Я забываю свое тело в реке
и отыскиваю его в зное,

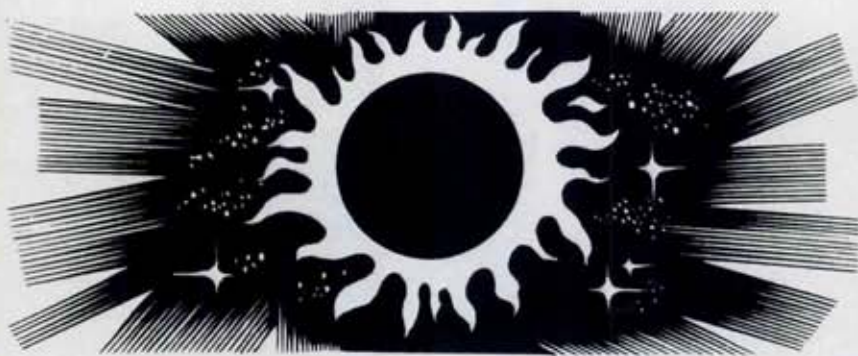
чтобы увидеть,
не прорастут ли из него гласные,
не сгорит ли под хворостом
вместе с пылающей заживо плотью
этот мир, управляемый болью?
Ствол расплылся в улыбке,
и два листа,

трогая друг друга в тине, лепят
теорию счастья. По тропам
возвращаются

выздоровливающие образы,
и в какой-то оливковый миг,
словно самое нежность,
ящерка позирует на свету.
И я вижу того,

кто спешит ко мне,
кто тащит на горбу лучи солнца,—
вижу труженика разума
и воина труда—
муравья, он спешит,
требуя у меня отчета.

И так как я уже владею росой,
я дарю ему это слово.

Битва

Сервантес, своей тенью
защити мою правую руку,
чтобы ни один солдат с аркебузом
не тронул ее.
Каждый день хмурые ливни
секут мою галерею,
тучи корсаров
берут ее на abordаж.
Помоги плыть в тумане
под охраной дивных рук,
твоей бледной Силены,
веди мою дерзкую левую.
Знаю: чернила твоей шпаги
не позволят смеркнуться красоте.

Затмение солнца, наблюдаемое в луже

И захотелось узнать,
не посветлеют ли
после затмения лужи в чащобе.
День кладет на череп черную тряпку,
и шар мироздания замирает,
словно бы вспомнив
теорию Птолемея.
В чертовых складах топи
мы склоняемся
над зеркалом непостижимого,
где видим наши расплывшиеся лица,
заглянув туда,
где воли пьют отраженья небес.
И там проплыл брат-солнце
под руку с сестрой-луной,
поглядел на нас из радужной воды!
Попугаи закатали глаза,
псы заворчали,
деревья набьчились,
заклохотали куры, но через миг
день сбежал из своего
небесного логова,
и у каждого прояснела
его личная ночь,
и свет снес на ветке яйцо.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

¹ Силена — жена Сервантеса.

Ирина ПАНОВА

Друзья надежными бывали,
враги — надежнее еще,
они без просьбы оставляли
повсюду мнение свое.
Пускай волны кривотолка
и роя сотни всяких ям,
враги верны порой настолько,
что не угнаться и друзьям.
Но завершится суд неправый,
и впереди уже ни зги.
Друзья потом сочтутся славой,
а подчеркнут ее враги.
Не оттого, что полновластны
о всех достоинствах судить,
а потому, что станет ясно,
как трудно было победить
привычки юных заблуждений,
мечты с реальностью разлад.
Чтоб отыскать следы волнений,
открою книгу наугад.

Вот прожита еще одна страница.
Но как себе такое разрешать?
Непроходима времени граница,
а я ее привыкла нарушать.
То возвращаться
к ясности весенней,
любившей вдохновение тревог,
то к осени входить без опасений
на листьями усыпанный порог.
Ну, а сегодня так тнуло в лето,
как будто я забыла что-то в нем
или просто не смогла
прочсть ответа,
написанного солнечным лучом?
Непонятое памятью согрею,
слова смогу
друг с другом подружить,
но так случится, если я сумею
все вспомнить,
будто заново прожить.

стей, такая нагрузка оказалась непосильной. России срочно нужен был на севере морской порт. Им и стал Архангельск — первое ее «окно» в Европу, а вскоре — представительный центр русской международной торговли на Белом море.

Всякому, кто впервые приезжает в Архангельск, знакомят с городом обычно рекомендуют начать с прогулки по набережной В. И. Ленина — парадной магистрали города, где, как говорится в одном из путеводителей, «запечатленившая в застройке связь времен и поколений оставит неизгладимое впечатление».

Мой «гид» Володя Ляпин, второй секретарь горкома комсомола, решает нарушить эту традицию:

— Набережная для праздников и гуляний. А я вам покажу, куда мы душой отдыхать ходим...

С нарядной и многолюдной, с зелеными оазисами газонов улицы Энгельса, что соединяет три главные площади города, мы сворачиваем вправо. Всего несколько шагов по мостовой, и я оказываюсь в другом мире и в другом времени. Воспоминание, еще не осознанное, шевельнулось в сердце и заставило его колотиться сильнее.

Высокая густая трава в палисадниках, деревянные, порой покосившиеся от времени дома с завалинками, лениво развалившиеся псы возле них... Здесь не слышно перезвона трамваев и свиста летящих троллейбусов. Сюда не доносится многоголосый шум. Даже звуки наших шагов приглушены побитыми временем дощатыми тротуарами.

Новгородский проспект... Смоленский

стих запах поленниц, напевный говорок людей возле домов, скрипучие крылечки — все здесь близкое, знакомое с детства. И я вспоминаю мой Архангельск...

До поры до времени я не говорю Володе (не стоит мешать «гиду») о том, что на этой земле, в Архангельской области, моя родина. О том, что четверть века назад Архангельск был первым увиденным мной городом...

Нет, не отпугивающим свою гостью-островитянку громадами зданий, ревом машин на дорогах и людской толчеей, а притягивающим к себе тем, что на каждом шагу здесь было все привычное, родное, «как у нас на Соловках»: неторопливые люди на улицах, их речь, в которой «ключики», «цветочки» да «озерочки» звучат целомудренно, нежно; дома с выходящими над крышами дымком и деревянные мостки... И при этом магическое, манящее своими, казалось, безграничными возможностями название всему этому — город... А магазины? Какие большие, замечательные! Сколько покупок можно в них сделать, будь у мамы денег побольше...

Мой спутник возвращает меня в день сегодняшней.

— Уходит старый Архангельск. Вот и на этом месте скоро будет современный широкий бульвар с многоэтажными домами по бокам. — Володя улыбается чуть грустно и иронизирует: — Не хуже, чем в других городах. А все-таки, как музейную реликвию, нужно бы оставить хоть одну деревянную улочку. Без деревянных домов Архангельск не Архангельск...

Комсомольский секретарь влюблен в

свой город и болеет за его судьбу. Узнав, что я собираюсь писать об Архангельске, Володя насветовал прочесть кучу литературы и выдал составленный им длинный список мест, где мне «обязательно надо побывать», и фамилии людей, с которыми «нельзя не познакомиться». Первым в этом списке стоит имя Ксении Петровны Гемп — старожилка Архангельска, женщины удивительной судьбы, щедро наделенной талантами ученого и писателя, просто сердечного, интересного и доброго человека. Впрочем, о ней рассказ отдельный.

А пока мы сворачиваем с Володей с экзотического Новгородского проспекта на старинную, бывшую в разное время Буяновской и Торговой, Поморскую улицу. Оживленная и многолюдная, она еще не так давно была своеобразным торговым центром города. Помнится, здесь располагались все самые крупные магазины и городской базар. Но современные магазины теперь на новых улицах. Старый, неряшливый базар и вовсе прекратил существование. На его месте красуется замечательный Дворец пионеров. А колхозный рынок «из стекла и бетона» получил прописку на улице Смольный Буян. С этой улицы когда-то начинался Архангельск.

И Смольный Буян (буян — древнерусское название пристани) и Поморская берут свое начало от Набережной и кончаются на слиянии с проспектом Обводный канал. Последний, параллельно набережной, как бы делит нынешний город пополам. А ведь я помню то время, когда Обводный канал был каналом, не проспектом, и за ним кон-

чался город. Начиналось болото — район так называемых «Мхов», печально знаменитых в истории гражданского войны. Здесь интервенты расстреливали Советскую власть в Архангельске. Обелиск «Жертвам интервенции 1918—1920 гг.» напоминает потомкам об этом времени...

Но вернемся на Поморскую. На этой улице, помнится, стояла единственная на весь областной центр гостиница. Да простит меня юбиляр за воспоминания, уникальная в своем роде по дисконфорту и «ненавязчивости сервиса». Оказывается, старушка «Северная Двина» все еще жива. Возле нее, как и прежде, толпится приезжий люд, хотя рядом великолепная новая многоэтажная гостиница «Юбилейная». Что делать, если город по-прежнему встречает своих гостей традиционно унылыми объявлениями (теперь уже в двух гостиницах): «свободных мест нет»? И что делать, если интерес людей к Северу возрастает с каждым годом?..

Недаром художники во все времена рисовали Архангельск со стороны реки. Набережная Владимира Ильича Ленина — самая красивая улица города. И самая древняя. Здесь начинался город. Начиналась его история.

Набережная может поведать о многом. О тех временах, когда любовались отсюда просторами Двины Михайло Ломоносов. Когда прохаживался по ней преобразователь России царь Петр. Теперь же она радостно отзывается на чеканные, легкие шаги комсомольского караула, направляющегося к Посту № 1, что у Вечного Огня, на площади Мира. Набережная — свидетельница от-

С той поры, как восходы лучатся
и рука знает смену погод,
выплаваются капельки счастья
из руды неизбежных невзгод.
Очень трудно такую расплавить,
но всегда не жалели труда,
чтобы светлую каплю добавить
и оставить другим навсегда.

Когда бессонница сверкнет
фантазией больной,
когда волнение захлестнет
горячею волной,
я буду мучиться виной,
в которой нет вины,
сто раз процеживать настой
из хрупкой тишины
и слушать, может, шорох звезд,
а может, звон в ушах
и относительностью мозг
устало утешать,
чтоб разобраться не спеша
в потерях и дарах.
А ночь и вправду хороша,
прозрачна, как в горах...

Куда сегодня мой маршрут?
В какое утро или вечер
смогу попасть на пять минут,
пока их след не обесцвечен?
Вчера бледней, сегодня ярче
он мне покажется опять,
но можно ль каждый раз иначе
одно и то же вспоминать?
Не то с собой не откровенна,
не то забывчива весьма...
Нет, если в прошлом перемена,
то изменилась я сама.

Помолчу. Тишины не нарушу.
Хорошо посидеть у костра.
Он сумеет продрогшую душу
тихой песней согреть до утра.

И смотреть я готова часами
на веселье танцы его.
Я под куполом неба, как в храме,
сотворила свое божество.

Что-то мне этой ночью не спится.
О какой-то неясной беде
закричала болотная птица —
побежали круги по воде.

Воображение — от сказки
подарок взрослому уму —
со многих тайн срывало маски
и проливало

свет во тьму.
Я, не давая полной воли
воображенью своему,
не отыщу причину боли,
не разгадаю, не пойму.
Хоть с ним,
скажу вам откровенно,
дружить легко
и нелегко,
зато живу одновременно
и здесь и в дальнем далеко.

Зачем пишу о том, кого не знаю?
Война в мои стихи вошла опять.
В тот самый миг,
с какого жизнь считаю,
упал солдат. Ему уже не встать.
Он завещал мне рошу за рекою
и синеву октябрьской высоты,
чтоб землю я увидела такую,
какую он любил. Свои мечты
доверил мне. Лица его не знаю,
но в День Победы,
солнечный всегда,
о нем я благодарно вспоминаю,
в огнях салюта есть его звезда...

Не суди об этом строго.
Славно, что ни говори,
взять фантазии немного
у проснувшейся зари.
Как взлетела, как погасла!
Краски ласково чисты.
Разгадав ее богатства,
сохнут в зависти холсты.
Дуновение мгновенья
опалило облака.
Эту близость откровенья
может чувствовать рука.

Так несравнимо
сердце ранимо,
что пожалеть бы
необходимо.
Можно, не пряча
искренность плача,
встретить удачу
и неудачу.
Можно до ночи
выдержать молча,
ей оставляя
все многоточия.
Кто как сумеет,
все несравнимо.
Сердце ранимо
непоправимо.

Туманною дымкой одета столица,
о солнечном лете вздохнула земля.
Своей наготы начиная стыдиться,
с рассвета шумят во дворе тополя.
Кого удивляют открытия почек?
Деревья оденутся клейкой листвою,
успев напоить всех,
кто этого хочет,
напитком весны —
тополиной смолой.

Мне ветер
знакомую песенку детства
принес и в открытое бросил окно.
А юность так близко,
что некуда деться
от мыслей, забытых,
казалось, давно.

Ловлю эти звуки,
а мне б отвернуться,
и верю течению без берегов...
Я знаю,
что скоро смогу окунуться
в пушистую
замять июньских снегов.

Рисунки Игоря ВАСИЛЬЕВА

правки от речных причалов полярных экспедиций и уходящих в арктическое плавание судов под руководством Чичагова и Розмыслова, Литке и Пахтусова, Русанова и Седова. Именно на Набережной находится основанное более двух веков назад мореходное училище, выпускники которого участвовали во всех походах в Арктику. Оно носит имя знаменитого помора — ледового капитана В. И. Воронина.

В Архангельске, деревянные кварталы которого часто страдали от пожаров, маловато архитектурных памятников старины, но те, что уцелели, вы найдете опять же на берегу Двины. Подворья Сурского и Соловецкого монастырей, церковь 1745 года постройки и уникальный памятник русского зодчества второй половины XVII века — Гостинный двор. Уцелела, правда, лишь часть его, к тому же утратившая в некоторых деталях первоначальный облик, но и в этом виде бесценная, как одно из немногих сохранившихся на территории страны сооружений подобного назначения.

Гуляя по Набережной, вы увидите прекрасные памятники. Это первое в России скульптурное изображение М. В. Ломоносова работы И. Мартоуса — творца памятника Минину и Пожарскому в Москве. И запечатленный в бронзе Петр I замечательного скульптора М. Антокольского.

С именем Петра в истории Архангельска и всего Беломорья связано немало событий. Это благодаря ему город на Северной Двине стал родиной отечественного судостроения. Это он подружил подпоры у первого построенного в

России торгового корабля. По достоинству ценил Петр I и искусство поморских мореплавателей. Не случайно именно на Севере набирали матросов для созданного позднее Балтийского флота. В Архангельске Петр I бывал трижды. Даты его пребывания: 1693, 1694, 1702 — высечены на гранитном постаменте памятника.

После первого его посещения на Соломбальском острове, что соединен ныне с Большим Архангельском бетонным мостом, была заложена «государева верфь» — первое в России казенное судостроительное предприятие. Около пятисот судов сошло с ее ступеней. Теперь на месте судовой верфи мощной, известной своей продукцией и за пределами страны завод «Красная кузница».

Стоя на набережной в центре города, можно разглядеть на противоположном берегу и еще два знаменитых в прошлом острова: Кег-остров и Моссев. Первый славился мастеровитостью своих обитателей, которые не только строили корабли вместе с соломбальцами, но умели лить колокола, «резали» веселые прялки, делали затейливые игрушки. Название второго острова местная легенда связывает с пребыванием на нем Петра I. Остров будто бы пригласился государю. Едва ступив на его берег, он воскликнул: «Мой сей остров» — и во все свои приезды, что подтверждено историей, останавливался здесь в небольшом «путевом дворце», который он предпочитал всем остальным жилищам в городе. Это и понятно, ведь остров находился ближе всего к дорогой его сердцу судовой верфи...

И еще об одном острове не могу не

упоминать. Он находится в Двинской губе, у самого выхода реки в море. Остров Мудьюг. В петровские времена здесь находились службы архангельского порта: застава для осмотра судов, дозорная башня, служившая одновременно маяком. А в летнее время тут жили лоцманы. Лоцманская служба на Северной Двине была организована первой в России, в 1613 году. Но знаменит Мудьюг не этим.

1918 год. 2 августа в архангельский порт входят корабли интервентов. Все заподозренные в сочувствии Советской власти брошены в тюрьмы Мудьюга и Йоканьги.

Тысячи борцов за власть Советов томилась в мудьюгском лагере смерти. Колючие заграждения, бараки, больница, и вода, вода кругом... По сей день на Мудьюге все оставлено в своей страшной нетронутости. И лишь возле обелиска в память жертвам интервенции — цветы...

Но вернемся с печального острова в город и отправимся в гости к Ксении Петровне Гемп, знакомство с которой уже обещано. Ей, «бестужевке», современнице легендарных исследователей Арктики Георгия Седова и Владимира Русанова, с которыми она была в дружеских отношениях, очевидце революции и гражданской войны на Севере, человеку, который своими ушами слышал вещее слово Марии Дмитриевны Кривополеновой, этой великой сказительницы с Пинеги, — одно из последних посвящений замечательного писателя-северянина Федора Абрамова.

Ксении Петровне без малого девяно-

сто лет, но на дверях ее маленькой квартирки на приколпленном листке бумаги «просьба к посетителям не беспокоить — работаю...».

Биолог и гидролог, почетный член Географического общества СССР, несравненный знаток Севера, она занята работой ученого и краеведа, общественника и лектора, писателя.

После окончания Мариинской гимназии в Архангельске, основанной, кстати, ее прадедом, а затем Бестужевских курсов в Петербурге Гемп вернулась в родной Архангельск. Первым местом работы стал институт народного образования, где Ксении Петровне предложили читать лекции по дарвинизму. Многие годы она возглавляла Архангельскую водородословную лабораторию. На пенсию ушла, не доработав нескольких месяцев до 80 лет.

Все Поморье, край, где, как говорят поморы, «на девятый день на десяту версту придешь», выходила вдоль и поперек эта женщина. Говорить с Ксенией Петровной для меня одновременно и удовольствие и труд — так обширны ее знания. Перед собой вижу то ученого-биолога, то географа и историка, то этнографа и фольклориста. А то помолчит Ксения Петровна минутку и начнет вдруг читать любимого Пушкина:

Не дай мне бог сойти с ума.

Нет, лучше посох и сума...

Гляжу, слушаю и диву даюсь: какая стареющая память, какой ясный ум, сколько энергии в этой седовласой маленькой женщине!.. А Ксения Петровна, словно не замечая моего удивления, сражает воспоминанием, как в возрасте семидесяти трех лет на испытании пер-

ПЕСНИ БЕЛОМОРЬЯ. ЭТИ ДЕВУШКИ—ВЫПУСКНИЦЫ СТУДИИ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СЕВЕРНОМ РУССКОМ НАРОДНОМ ХОРЕ.

вого на Белом море батискафа она опустилась в нем на глубину 56 метров.

Белое море К.П.Гемп «читает, как книгу». Ей известны все его ветра и подветрия, отмели и «кошки». Но самая большая любовь Ксении Петровны — поморы, люди Беломорья.

— Это народ особый,— говорит она.— Издревле на заболоченных берегах Студеного моря селились люди непокорные, уходившие от крепостной зависимости, рекрутчины, насильственного онемечивания. На протяжении многих веков их жизнь была постоянной борьбой с суровой природой, с морем, где романтики куда меньше, чем тяжелого труда и опасностей...

Много лет по крупицам собирала Ксения Петровна «поморские разговоры» и написала книгу. «Сказ о Беломорье» называется. «Две ночи не спал, читал Вашу рукопись,— писал ей позднее Федор Александрович Абрамов,— как удивительно молодо, свежо написано...» Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, «с большим наслаждением и пользой для себя» прочитавший рукопись, назвал книгу «явлением незаурядным». В ней создана «грандиозная картина поморской и крестьянской культуры Русского Севера»,— писал он.

На столе у Ксении Петровны готовая к отправке в Москву статья «Слово об Архангельске» для альманаха «Памятники Отечества», постоянным автором которого она является. Статья — подарок городу на 400-летие.

В огромном архиве Гемп хранятся бесценные фотографические свидетельства старого Архангельска. Более тысячи снимков.

— Я не вечна,— говорит Ксения Петровна,— и единственное мое желание, чтобы все, что я имею, чем дорожу в этой жизни, попало в добрые, заботливые руки...

Хочется верить, что так и будет. Низкий поклон вам, Ксения Петровна, за все, что вы сделали для Архангельска, для Севера, для людей...

ЗНАМЕНИТЫЕ СОЛОВКИ—ОДНА ИЗ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ЗЕМЛИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ.

Архангельск и лес. Эти два понятия давно уже неразделимы. В разные страны мира уходят лучшая в мире беломорская доска и ценный продукт деревообработки — целлюлоза. Ежегодно в общесоюзный баланс Архангельская область дает четверть всей целлюлозы и бумаги для глубокой печати, одну пятую общесоюзного производства картона.

В Архангельске «на лес» работают около двадцати предприятий, флот, научно-исследовательские институты, другие учреждения. Кадры для лесной индустрии готовит известный в стране Архангельский лесотехнический институт.

Потребность в древесине растет. Но... «лес рубят — щепки летят». В результате ежегодного «переруба» северного леса, когда его вырубается больше, чем восстанавливается, хвойные запасы могут истощиться, по подсчетам ученых, за

60—70 лет! Ученые предупреждают: форсировать рубку северного леса неразумно. Призывают к рациональному использованию дарованного нам богатства. Недопустимо, чтобы миллионы кубометров сучьев сжигались или втаптывались в трелевочные волокна. Недопустимы потери при сплаве. Недопустимо многое, что создает напряженный, как говорят специалисты, «лесосырьевой баланс», или попросту все, что угрожает жизни леса... Впрочем, я, кажется, отклонилась от основной темы? Но что делать, если мысль о судьбе леса не дает покоя, когда я хожу по цехам гигантского Соломбальского лесопильно-деревообрабатывающего комбината?

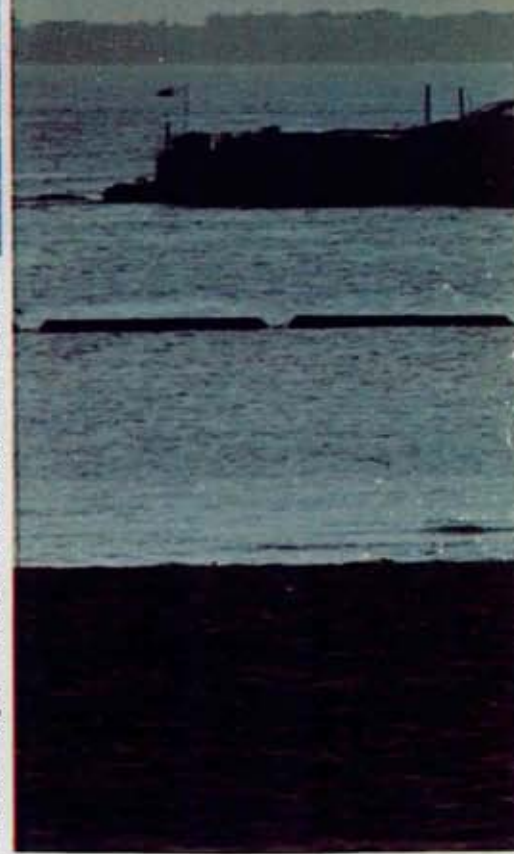
Без «лесной индустрии» трудно представить сегодняшний Архангельск. Но еще труднее представить его без моря.

Моря, которое вдохнуло в него жизнь. Часто бывая в этом городе, я не раз ловила себя на мысли, что по своему облику и характеру он производит впечатление приморского: громады океан-

ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ЗИМЫ ГОРОДСКОЙ ПЛЯЖ КАЖЕТСЯ ПИЦЦУНДОЙ.

СЕВЕРНАЯ ДВИНА—БЕЗМОЛВНАЯ СВИДЕТЕЛЬНИЦА ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКА.

ских кораблей у причалов и на рейде; иностранная речь на улицах; воздух, словно напоенный солеными запахами моря.

Архангельский морской порт. Ему, как и городу, скоро 400 лет. Сотни океанских и речных кораблей размещаются возле его самых длинных в Европе причалов. Чтобы добраться до самого отдаленного, погрузочно-разгрузочного района Бакарица, только на автобусе — около часа.

Комсомольский секретарь района Алена Шестак, энергичная, боевая, с веселыми серыми глазами русоволосая девушка, снабжает меня защитной каской и ведет по территории гудящего, скрежещущего, рычащего порта. Туда, где возвышаются над причалами океанские гиганты. Их ждет «голубая линия» — так архангельские мореходы окрестили открытую ими линию в Арктику и районы Крайнего Севера. На бортах теплоходов читаю: «Руза», «Капитан Бочек»... И вдруг «Петр Стрелков» — легендарное имя организатора восстания и массового побега заклю-

ченных из мурманского лагеря смерти, ожившее в названии лесовоза. Не в силах отказаться от соблазна побывать на судне, невольно огорчаю Алену, горящую желанием показать порт и «своих ребят» из комсомольско-молодежных бригад. «Грузам Арктики и Крайнего Севера — комсомольскую заботу» — под этим лозунгом трудится вся молодежь Бакарицы. Шестак не нахвалится работой своих комсомольско-молодежных коллективов. С удовольствием Алена сообщает, что в соревновании с мурманчанами архангельские портовики постоянно выходят победителями. В словах секретаря столько гордости за «свой порт», «своих ребят», «свой район», что невольно ощущаешь ее причастность ко всему, о чем она так горячо и убежденно говорит. И вместе с ней начинаешь верить в то, что нигде нет таких дружных и трудолюбивых парней, как здесь, в порту.

На борту «Петра Стрелкова» нас с Аленой встретил шустрый окрик вахтенного помощника, внимательно наблюдавшего, как мы поднимаемся по трапу:

— Почему посторонние на судне? — И, озорно стрельнув в Алену глазами, представился: — Виктор Ананьин, второй помощник капитана. Чем могу служить?..

Узнав о цели нашего визита, Виктор проводил нас к капитану.

Капитан корабля Сергей Сергеевич Ястребцев, бывший выпускник Архангельской мореходки, самый молодой капитан пароходства. Но уже пятнадцатый год он в море и уверяет, что только там, в родной стихии, чувствует себя юным и здоровым: «На берегу вечно какая-нибудь хворь привяжется...» Что ж, ко-

САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ВИД ТРАНСПОРТА.

рабль для моряка — родной дом. И не случайно столько любви и заботы вложено командой и, конечно, капитаном в благоустройство судна: хорошая библиотека, киноаппаратура, даже свой бассейн с сауной. Но, пожалуй, лучше всего об отношении комсомольско-молодежного экипажа к своему плавучему дому говорит тот факт, что уже более шести лет судно обходится без капитального ремонта. В условиях Севера это срок немалый. Ведь, помимо того, что «Петр Стрелков» ходит в дальние страны, он ежегодно совершает ледовые рейсы. И даже зимой, в 30—40-градусные морозы.

Вот и сейчас путь его лежит в Дудинку. Ждет моряков «голубая линия»...

От Бакарицы на буксире «Север» добираться до Красной пристани, что в самом центре Архангельска.

Дождь, весь день собиравшийся в тучах, гонимых северным ветром, наконец пролился. Снова засверкало солнце. В городе запахло березовым листом, свежескошенным в скверах клевером, стало чисто и светло. И мне подумалось: светло и чисто, как на душе, когда выпадает счастье общаться с хорошими людьми. Без них любой город, даже красивейший, покажется чужим и холодным. И еще подумалось: какой родной и теплый этот северный город Архангельск...

В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА, В МЕСТЕЧКЕ МАЛЫЕ КАРЕЛЫ, СОЗДАН МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА.

«БЕЛОМОРСКИЕ УЗОРЫ». ИЗДЕЛИЯ С ЭТОЙ МАРКОЙ ИЗВЕСТНЫ В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ.

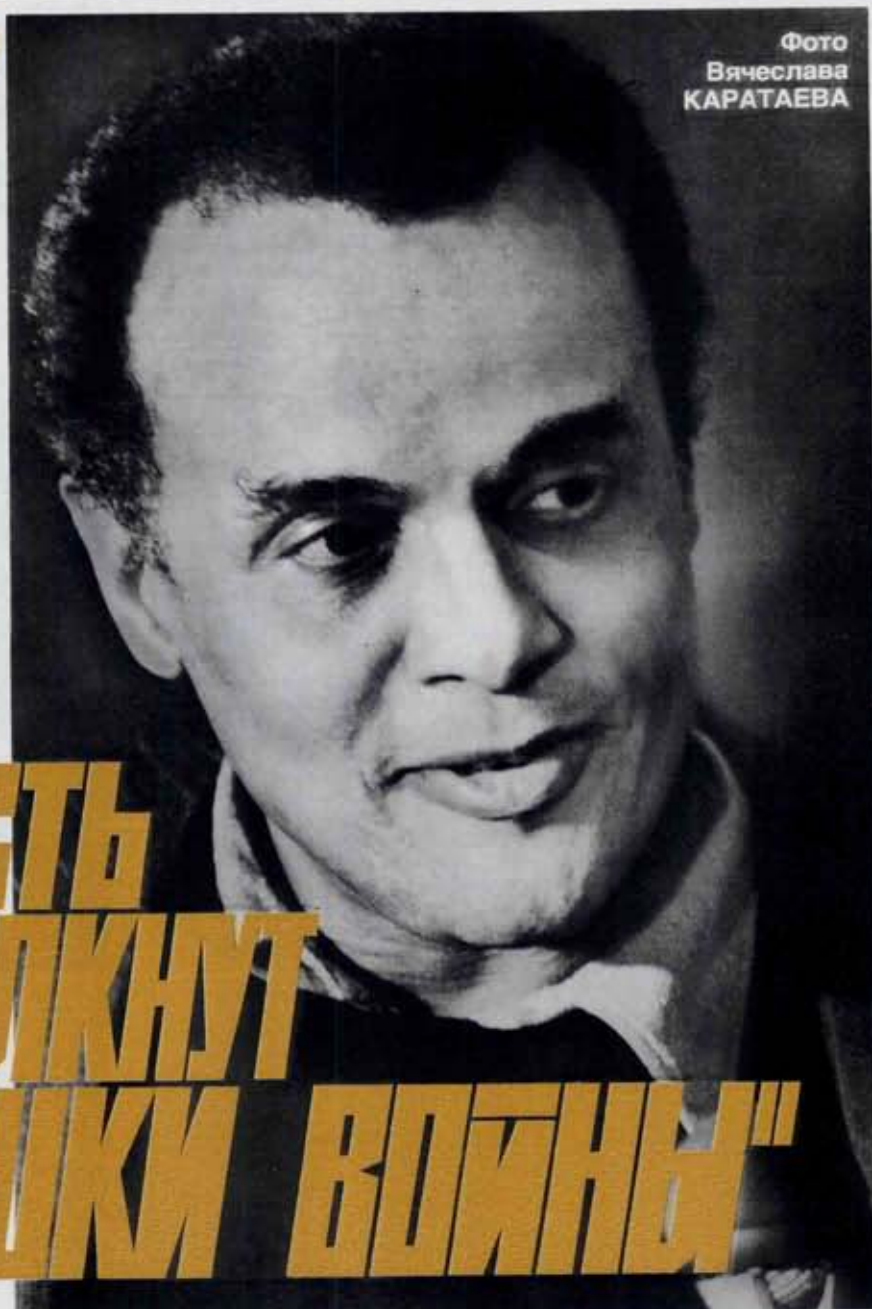

В НОВОМ МИКРОРАЙОНЕ.

Гарри
Белафонте:

"ПУСТЬ УМОЛКНУТ ПУШКИ ВОЙНЫ"

...Гамбург. Семьдесят тысяч человек на стадионе. Столько же, если не больше, на прилегающих к спортивной арене площадях и улицах крупнейшего порта Западной Германии. Уже несколько часов длится концерт, завершающий невиданную по масштабам акцию сторонников мира ФРГ. Люди остаются на местах, даже когда начинается проливной дождь. Все ожидают главного. И вот в лучах мощных прожекторов — советская певица Жанна Бичевская и американский певец Гарри Белафонте. Они поют вместе.

Когда о любви говорит влюбленный
И вторит ему морская волна,
Это и есть песня мира.
Если мы вместе ее запоем,
Пушки войны умолкнут навек,
Мир на земле наступит!

Весь стадион подхватывает последние строки... «Концерт в Гамбурге показал, на что мы способны. Нас поддерживает большинство», — скажет Гарри Белафонте полгода спустя в Москве. Он приехал в советскую столицу как президент международной организации «Деятели культуры и искусства за ядерное разоружение» (ПЭНД-интернейшнл). Эта организация создана по инициативе неутомимого и страстного продолжателя дела Поля Робсона и Пита Сигера, человека, олицетворяющего ныне совесть Америки. — Гарри Белафонте. Призыв Белафонте сплотиться в единый фронт, чтобы противостоять нависшей над планетой угрозе ядерной катастрофы, поддержали известные актеры и исполнители, деятели культуры США, европейских стран, в том числе Советского Союза.

— Авторитет артиста в мире необычайно высок, — говорит Гарри Белафонте. — К его сильному голосу прислушиваются миллионы, а это особая миссия — заставлять людей не оставаться безучастными и пассивными. Однажды мне пришлось давать интервью американскому телевидению. «Действительно ли вы верите, что люди искусства способны что-либо изменить в мире?» — задал воп-

рос репортер. Я напомнил ему несколько примеров из прошлого. Во время грязной войны империализма во Вьетнаме мы, американские артисты, выступили вместе против эскалации военных действий в Индокитае. До сих пор Америка помнит организованный прогрессивными деятелями культуры марш на Вашингтон, когда сотни тысяч человек пели песню Джона Леннона «Дайте миру шанс». Так почему же подобное не может повториться?

Мы несем людям правду. Ту правду, которую они не найдут в газетах и журналах, не услышат по радио и телевидению. Я артист, певец. Выступал и буду выступать перед теми, кто желает знать правду.

Контакты между нашими странами в области культуры сведены практически к нулю. Но я верю: советские и американские художники, действуя вместе, наведут мосты взаимопонимания. Разум в конце концов должен восторжествовать.

...Я прошу Гарри Белафонте рассказать немного о себе. Помнит ли он самый первый выход на сцену?

— Вообще-то у меня было два первых выхода. Сначала в качестве актера театрального и только потом — певца. Родился и вырос я в негритянском гетто Нью-Йорка — Гарлеме. После войны служил во флоте, а потом вместе с тысячами соотечественников оказался никому не нужным. Долго слонялся в поисках случайного заработка, с трудом сводил концы с концами. Однажды меня попросили потаскать ящики в овощной лавке, а вместо денег дали за работу билет в расположенный неподалеку театр. Играли в театре такие же, как я, безработные, так что мне оставалось только предложить свои услуги...

Пьесы мы писали сами, старались, чтобы они были доступны и понятны гарлемским беднякам. Ставили драмы из негритянской жизни, комедии с песнями и танцами. Они пользовались особым успехом, ибо человек, в каких бы условиях ни жил, всегда нуждается в музыке, веселье. В спектаклях я исполнял народные песни, в основном экзотические мелодии острова Калипсо, что в Карибском море.

Мои родители были родом оттуда, многому я научился у мамы.

На одном из спектаклей нашего театра «Драматик Уоркшип» присутствовал великий певец черной Америки Поль Робсон. В антракте он зашел за кулисы, крепко пожал мне руку и сказал: «Тебе, дружище, надо серьезно заняться пением». Сам предложил помощь, и ему я обязан началом своей исполнительской карьеры. Долгие годы нас с Полем связывали узы дружбы, он много рассказывал о поездке в Советский Союз. Как мне хотелось все эти годы снова приехать в Москву, ведь я однажды уже бывал в советской столице! Мечта, как видите, стала реальностью.

...Перечислить все, сделанное Гарри Белафонте в искусстве, не представляется возможным. Опыт работы в театре позволил ему плодотворно работать в кинематографе. Появиться на экране и произнести дежурный набор банальностей пытались многие эстрадные исполнители. Тонко и проникновенно высказать устами своего героя важное, по-человечески необходимое смог далеко не каждый. Даже став в американском кинобизнесе человеком уважаемым, Гарри преодолевал множество невероятных барьеров на пути к собственному «я». В одном из интервью он дал кинематографу США такую характеристику: «Для того, чтобы выразить в кино США свою собственную позицию, нужно пробиться через массивные бастионы тех, кто контролирует все пути к свободе творчества».

Руководствуясь своими политическими убеждениями, Гарри Белафонте отказывается от карьеры исполнителя эстрадных песенок-однодневок. «Даже если бы мне предложили миллион, я не стал бы петь строчки типа «любит-не любит». Не считаю необходимым жертвовать собственной совестью артиста в угоду музыкальному бизнесу».

— Это стало своеобразным девизом моего дальнейшего творчества, — продолжает рассказ Гарри Белафонте. — Не считаю себя пустым романтиком, занимаюсь политической и общественной деятельностью. В мире так много сложностей, несправедливости и насилия. Были убиты Мартин Лютер Кинг, братья Джон и Роберт Кеннеди, жертвой Америки стал Джон Леннон... Мы рискуем, и очень сильно рискуем, в этой стране, где у расистов развязаны руки, а богачи и политики не обращают ровным счетом никакого внимания на чаяния людей. Если сидеть сложа руки, победят те, кто толкает мир в ядерную пропасть. Мир нужно сохранить, но прежде надо завоевать сердца и симпатии простых людей.

Объединив усилия деятелей культуры двух крупнейших государств мира — СССР и США, можно добиться существенных перемен. У нас тоже в руках ключи к взаимопониманию и возобновлению диалога. В конце прошлого года состоялся теледиалог ученых СССР и США, проведенный через космический спутник связи. Авторитетные профессора и академики обменялись данными о возможных последствиях глобального ядерного конфликта. Планета в опасности — таково их мнение.

У нас с женой есть сын. Когда он родился, мы думали: вот он-то никогда больше не узнает, что такое война. Но грянули события в Корее, затем Вьетнаме... Мы сопережили ужасы Вьетнама, в меру наших возможностей внесли свой вклад в прекращение этого позора для Америки. Говорят, если долго участвовать в борьбе, можно растратить силы и устать. Уставать мы не имеем никакого права. Хочу подчеркнуть: сейчас у нас особое желание бороться за мир, во имя мира.

Вопрос, который чаще всего задают Гарри Белафонте журналисты, относится к его нынешней профессиональной деятельности артиста и певца. Он отвечает на него так:

— Моей самой известной песней до сих пор остается «Солнечный остров». В последние годы я не записываю пластинки. Почему? Да потому, что ни одна компания грамзаписи не станет заключать контракт с политическим певцом. Американский шоу-бизнес готов выпускать на рынок десятки, сотни миллионов разного рода записей. В сознание слушателя вдалбливается такое обилие музыки различных стилей и направлений, что неподготовленный человек теряется и в конце концов становится потребителем эрзаца. Тем, кто заправляет умами молодежи, это выгодно. Контракт фирмы с исполнителем мгновенно прерывается, едва он преступает рубеж «дозволенного». Действует жестокий, тотальный контроль, чтобы не допустить к слушателю песни с политическим содержанием.

Я снялся в нескольких фильмах. Но больше всего люблю путешествовать, знакомиться с культурой других народов. Свои знания передаю начинающим артистам из стран Африки и Латинской Америки. И, конечно, много пою со сцены. Разве это не счастье, видеть, как тысячи людей на концертах подхватывают твою песню?

Владимир КОВАЛЕВ

Письма наших читателей — своеобразный камертон, по которому мы выверяем работу нашего музыкального клуба. Почта обильна, разнообразна, щедро на мысли, эмоции, предложения. Нам пишут любители классики и любители эстрады, почитатели Баха и поклонники Аллы Пугачевой, пионеры, студенты, пенсионеры, самостоятельные музыканты и профессионалы.

В четвертом номере «Смены» за этот год в музыкальном клубе был опубликован диалог поэта Владимира Лазарева и критика Евгения Осетрова «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?». Многие любители песенного жанра приняли участие в обсуждении проблемы качества современной песни. Сегодня мы знакомим читателей клуба с некоторыми мнениями участников дискуссии.

Дискуссия продолжается. Ждем ваших писем!

Тюг аккомпанемент несхожих мнений

Алексей РЫБНИКОВ,
композитор

Часто встречается противопоставление русской народной песни и современной. Причем, народная песня в отличие от современной, зачастую ритмической, громкой, сильно воздействующей, большинству представляется как нечто спокойное, плавное, можно сказать, патриархальное. Мне кажется, так говорят о русской песне лишь люди, никогда ее не слышавшие. Или слышавшие, например, в Концертном зале имени Чайковского. А ведь там звучат, как правило, обработанные песни, а не те, подлиннее, которые действительно поет, а точнее — пел когда-то народ.

Я могу вспомнить свои экспедиции за русскими песнями. В деревню на какой-нибудь праздник собирается народ в избе и начинает петь песни, да с танцем, да с топотом... А когда начинают топотать с пересеком, когда специально топочут с тяжелыми ударами, то и пол и стены начинают так сотрясаться, так вибрировать, что пресловутой «бочке» — большому барабану — достаточно далеко до этого. И такие песни с танцами могут длиться сутками.

Поэтому говорить сейчас, что, мол, песню мы народную забыли, будет неверно. Критиковать современную песню за эмоциональный напор, за ритм, за громкость нельзя! Это просто смешно, да и непрофессионально... Если взять современную музыку, то и там немало лиричных мелодий, есть и спокойная музыка, и сводит ее лишь к одному грохоту не стоит. Думается, музыку нельзя ругать за громкость или за тишость. Давайте критиковать, но только

за бездарность и пошлость. То, что современную песню нужно развивать и направлять, очевидно. Но административные, грубые методы недопустимы. Работа с творчеством, особенно с творчеством музыкальным, должна быть ювелирной. Здесь требуются участие в поиске, помощь, поддержка. И, думается, тогда желаемый результат будет достигнут.

Помочь можно по-разному. Возможности для этого есть. Так, думается, стоило бы создать несколько коллективов, может, даже несколько десятков, способных поднимать качество музыки, песни, исполнения на высокий уровень. То есть можно показать образцы хорошей музыки. За дело это благородное могли бы взяться люди профессионально образованные, обладающие высоким вкусом. Среди них, конечно, должны быть и редакторы, и директора, и композиторы, и певцы. Они могли бы показать несостоятельность «средних образцов», сделать что-то высокое, новое, интересное...

Сейчас стало модно возмущаться песнями, делающимися специально для ресторанов... Но ведь всегда были и «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?», и слащавые романсы, и пр. С этим всегда боролись. Но ведь музыка, песни должны быть разными. Представьте себе, что вы в ресторане: ужинаете, разговариваете, танцуете... Играть там Чайковского, Баха не только неуместно, но выглядит надругательством. А ведь музыка там обязательно должна звучать. Вот поэтому-то и существует ресторанная музыка. Как есть и музыка похоронная. Как есть

и танцевальная... Другое дело — слетые стихи. Правда, это больше относится к музыкальной поэзии. Там уже могут быть требования и к рифме и к глубине содержания...

Конечно, есть немало бездарно сделанных песен и среди тех, что несут, точнее, должны нести какой-то смысл. Но что из этого? Какое необыкновенное событие — кто-то написал бездарную песню! Вот когда кто-то написал талантливую песню — это повод для разговора. А бездарную? Ну не давайте же в эфир, и все дела, мало ли кто что напишет. А осуждать бездарность можно бесконечно, и все безрезультатно. Специально напоминать о том, что бездарность — это плохо, не стоит. Плохо другое: бездарность легко опознаваема, но она все же живет и процветает...

Сейчас развился жанр пародии. Пародии и литературной и музыкальной. По-моему, это прекрасный способ борьбы. Причем способ борьбы убедительный. После пародии не требуется доказывать, что та или иная вещь плоха.

Часто приходится слышать критику в адрес песен, мелодий, способных охватить сразу миллионы умов, мелодий, воспринимаемых многими. Им приклеивается ярлык «шлягер», и это стало быть плохо. А разве нужно писать музыку для избранных? Если она воспринимается всеми, то это плохо?

Меня всегда удивляет, когда произносят слово «шлягер» так, будто это что-то неприличное. Заблуждение, когда людей, работающих в легких жанрах, считают чуть ли не творцами второсортного искусства. Это выпад против естественного течения творчества и жизненных потребностей. Сейчас все становится массовым. Благодаря средствам информации любое слово, любая идея мгновенно подхватываются сотнями, тысячами... К искусству тоже предъявляются современные требования. И может, ему даже стоит отступить немного со своих высот, охватить всех, а потом уже вместе со всеми подняться к тем же высотам, но уже с миллиардами зрителей, слушателей, поклонников?

Особого внимания требуют не композиторы даже, но прежде всего музыкальные коллективы, ребята, играющие в них. Главное, чтобы было видно серьезное и постоянное внимание к песне, к современной музыке. Почему бы для начала не устроить фестиваль, прекрасно организовать его, хорошо провести? Дать возможность на этом фестивале современной музыке выступить всем желающим. Привлечь критиков, отобрать лучших исполнителей. Сделать фестивали ежегодными. Эта форма общения с музыкой, думаю, плодотворна.

Чем больше линий развития музыки будет у нас, тем лучше, тем богаче станет наша культура. Пусть будут хоры, ансамбли, самостоятельные певцы и композиторы. Кто-то может обращаться к фольклору. Но у каждого должна быть своя индивидуальность. Совсем как в природе. Ведь цветы должны быть разными. И все им должно быть место под солнцем. Нельзя создать какой-то гибрид, скажем, из гвоздики, тюльпана, нарцисса, жасмина — один универсальный цветок, годный на любой вкус и любой случай. Цветов должно быть много. Они и замечательны тем, что все разные и можно выбрать тот, который тебе по вкусу. Поэтому я против единого пути, против поисков универсального средства, как сделать некую образцовую, теоретически абстрактную песню. Она так и останется теоретически абстрактной. Правда жизни только в многообразии путей. Чем больше их, тем больше шансов, что это будет живучая и полнокровная система, которая способна рождать в разных областях яркие песни, яркие произведения.

Сейчас мы с главным режиссером театра имени Ленинского комсомола начали работать над спектаклем по Хлебникову. Мы думаем показать, что такое русская песня, русская пляска. Пляска без барабанов, без джаза, но с русским пересеком, который дает тот же накал, что и рок-музыка. Хотим и труппу Ленкома научить петь так, как поют в народе. На сцене не будет установки (может, только симфонические ударные), а роль «рока» выполнит топот.

Что же касается утверждений, будто в народе поют только старые песни, а современные лишь изредка можно услышать, да и то на свадьбе или ином торжестве, то это не совсем верно. Поют-то их действительно нечасто. Но вот причина здесь не в том, что современные песни стали хуже, чем их предшественницы. Дело, видимо, прежде всего в очень широком распространении магнитофонов, радиоприемников, телевизоров, пластинок.

Кстати говоря, раньше и пели-то больше. Пели и потому, что песни были хорошие, и потому, что было скучно, а того же радио и телевидения не было. Что оставалось делать, как не петь самим? А сейчас изменились формы самостоятельного массового музицирования. Ведь они, эти формы, тоже гибкие. Время диктует свои условия, и они меняются. Хорошо это или плохо — второй вопрос. Однако с рождением нового старого всегда отмирает. И с этим, как с движением истории, как с движением времени, поделаться ничем нельзя.

✧ Слово читателю ✧ Слово читателю ✧ Слово читателю ✧ Слово читателю ✧

Помочь песне

Гражданственность нашей массовой песни — вот что главное! Даже лирический жанр имеет глубокую гражданскую основу: «Подмосковные вечера», к примеру, — это не только песня настроения. Мне кажется, именно гражданская тема способна как-то помочь нашей массовой песне снова стать на ноги, завоевать утраченные позиции. А подхватят или не подхватят песню — зависит от нас, профессионалов. Песня по-прежнему способна зажечь людей, объединить в общем порыве. Я видел это не раз на манифестациях, концертах, посвященных 40-летию освобождения Ленинграда от блокады. Много раз видел, как поднимался зал и пел «День Победы», «Пока не поздно». Думается, вернуть в песню мелодию и смысл вполне в наших силах.

Виктор ПЛЕШАК,
композитор, лауреат премии Ленинградского комсомола

Я думаю, что умную, добрую статью о классической, народной музыке прочтет каждый с удовольствием и пользой. А эти так называ-

емые диалоги ничего после прочтения, кроме досады, не оставляют. Что может дать разговор, где современную эстрадную музыку ругают, как говорится, скопом, без имен авторов, исполнителей и пр.

В. САЙКИН, Ленинград

Найти признание

Да, много сейчас в эстрадной песне пустого, бездарного, надуманного. Намного больше, чем хотелось бы. Но разве это черта исключительно современной песни? Неужели так уж идеально обстояли дела в период создания «Катюши» или «Соловьев»? Нет, песня не деградирует, песня живет, выливаясь во все новые и новые формы. Но, по-видимому, авторы дискуссии не желают замечать этого, они склонны видеть лишь отрицательные стороны современной эстрадной песни. В любом музыкальном жанре, будь то песня, оперетта или романс, есть и свое «дно», то есть, попросту говоря, галтура, и своя классика. Этот-то момент и обходят очень старательно авторы статьи, с головой идя в прославле-

ние фольклора. Они начисто забывают, что искусство должно идти вперед, ни на миг не останавливаясь в своем развитии. И все новое, истинно талантливое, в какой бы форме оно ни проявлялось, непременно находит признание настоящего любителя музыки.

Ругать все скопом легко, труднее отделить истинное искусство от дешевой подделки, значительно труднее воспитать слушателя, научить его самого чувствовать, понимать талантливое произведение.

Музыкальный критик работает на огромную аудиторию, и нам хотелось бы слышать не просто «это — хорошо, а это — плохо», а подробный, объективный разбор всех тонкостей современной песни.

Н. НИКОЛАЕНКО,
Днепропетровск

Сейчас возросла моральная и психическая нагрузка на человека, и она требует разрядки, поэтому и возникли быстрые и темпераментные ритмы. «Катюша», дотя, несомненно, хорошая песня, но она все-таки песня прошлых лет...

А. ВОЛКОВ, Таллин

Ритмические песни — часть нашей жизни, они не должны рассматриваться сами по себе. Странно было бы на день рождения пригласить гостей танцевать под музыку Чайковского.

П. КАУЧУКОВСКИЙ, Туансе

Складывается такое впечатление, что Е. Осетров и В. Лазарев страдают ностальгией по прошлому: все, что было в «ит» время, — прекрасно, все теперешнее — «музыкаподобная чепуха». Так?

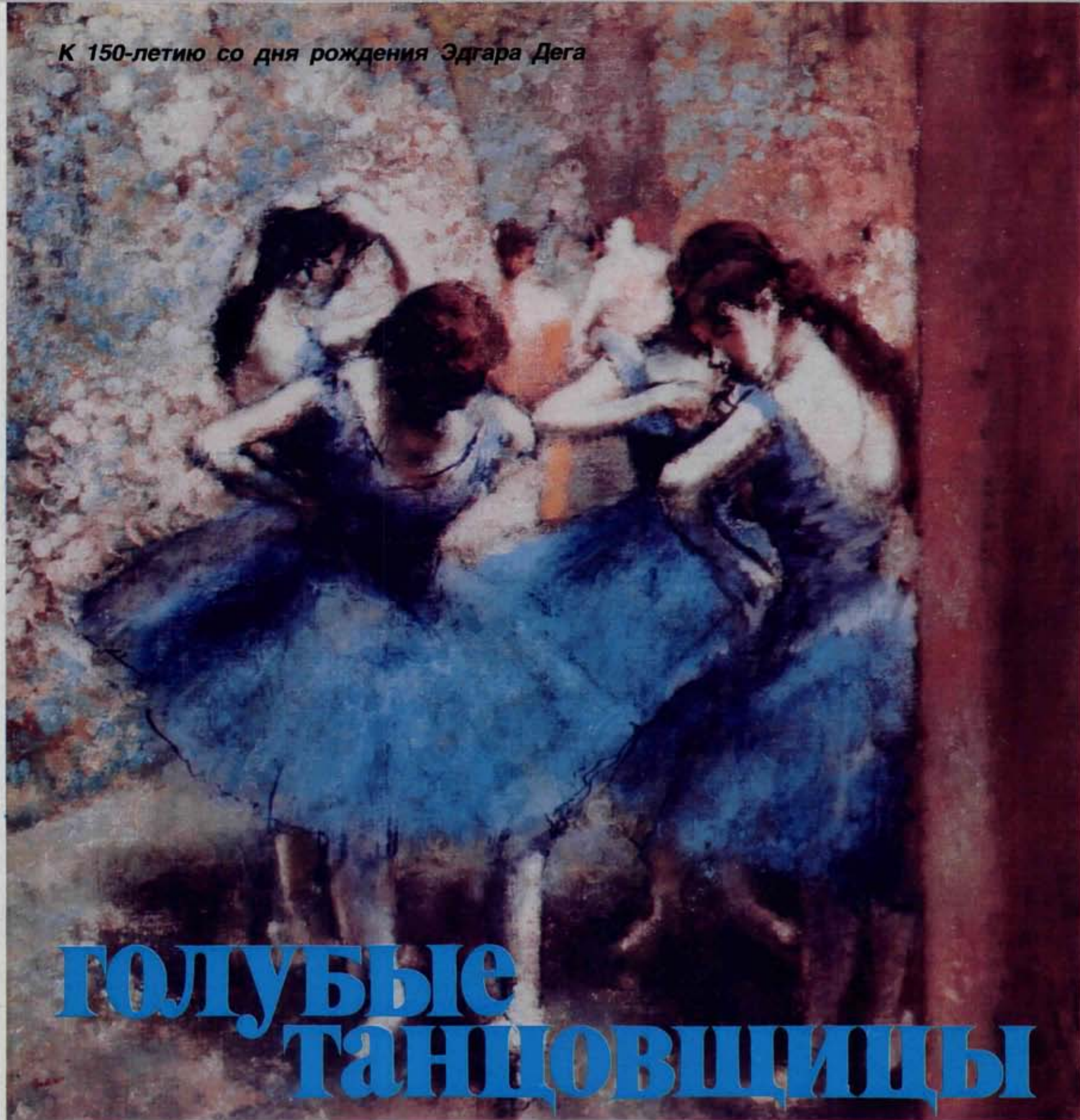
Н. АЛЕКСЕЕВ, студент, Свердловск

Читали мы статью с мужем по-разному: муж — в больнице, я — дома. Но реакция у нас с ним одинаковая: авторы статьи «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?» во многом правы.

Галина МАРТЫНОВА, г. Куйбышев

Я благодарна тем композиторам, которые сочиняют музыку в очень современных ритмах и интонациях, но тесно связанную с традициями своего края, народа.

Наталья МЕЗЕНЦЕВА, Ташкент

голубые танцовщицы

Напомним, исполняется 150 лет со дня рождения Дега. Напомним, Илер Жермен Эдгар Дега жил долго, до самого 1917 года. Художник Эдгар Дега остается с нами, потому что многое в его наследии сегодня воспринимается живо, завязывается взаимодействие, взаимочувствие. Мир его картин, исполненных движения, движется и во времени, в нашем.

И все-таки кое-что мы уже воспринимаем не как личное достояние и открытие художника, а как отражение им очевидного для нас. В действительности было-то иначе. сначала понадобилось разглядеть в самой натуре и в восприимчивых способностях человека то, что после и поныне почитаем мы не свойством Дега, а принадлежностью всеобщей. Не ради полноты биографической справки напоминаю о долгой его жизни, а для того хотя бы, чтоб указать, что становление кино происходило в зрелые годы художника, и мог он на склоне лет догадываться о новом приложении его оптических и творческих находок. А мог и не догадываться, ибо младенческой была тогда изобразительная культура кинематографа да и далее наращивалась не без робости. Сам же Дега особенные изобразительные возможности кадра почувствовал и показал еще в середине прошлого века.

Сегодня не только кино, но и телевидение уже

выучилось глядеть на мир и человека, не стесняя себя любовными ракурсами, ощущая неотрывную, содержательную связь меж попавшим в кадр и прилежащим извне к его рамкам. Какое ж то было некогда открытие! Картина предполагала строгое расположение частей и деталей, гладь гармонии, фронтальную устроенность и всевидимость. Пожалуй, надо было дожить до лощеного и холощеного академизма, чтоб набраться смелости пересмотреть самый принцип, который являл себя и в величайших творениях веков. Являл... но ведь человеку надобны приращения своему эстетическому опыту. И бытие подгоняло. Чувствуя динамику дня, влитость фигуры и поступка в совокупное кипение и движение, хотелось и остановленное мгновение насытить признаками этой текучести. Вот что отыскал Дега и показал нам.

Логично любил он изображать будни балета и конного спорта, где само уловление подвижности события словно противостоит станковой картине. Композиция Дега будто нарочно вырезывает фрагмент, заставляя догадываться, что же происходит по сторонам, и таким способом живописуемому событию сообщается подвижность. Впрочем, и во внешне статичных портретных композициях удавалось ему передать неотрывность персонажей от близлежащей

и вообще породившей их среды. Характерно, что увлекаясь в поздний период своего творчества скульптурой малых форм, то есть расширяя поиски способов передачи движения людей в пространстве, художник избегал заглаженных поверхностей, чтоб не сгладить эту самую динамику. И закономерно, что любимой техникой живописца была пастель, наиболее, пожалуй, послушная поимке быстротекущих впечатлений; может, есть смысл добавить, что не материал, не снасть делают искусство, техника — лишь подспорье личности.

Нет, личность Дега не отмечена чертами титаническими, неверно будет ставить его высоко над коллегами-соотечественниками — французскими импрессионистами, но в стороне нужно: у тех при всей подвижности световоздушного мира композиция оставалась традиционной, он же придал ей новый смысл, согласный жизни, помогающий нам видеть ее и в итоге понимать с большей широтой, эстетически мыслить с большей диалектичностью. А потом это вошло в привычку искусств и зрителей, уж не очень-то вспоминая о зачинателе. А стоит вспомнить и отдать ему справедливость.

Святослав КОТЕНКО

ПОЕДИНОК

Что может удержать мальчика в спортивной школе? Тепло человеческих связей. Деликатность, бескомпромиссность в вопросах чести. Когда дети не хотят идти в спорт, они этого объяснить не могут, но бессознательно отвергают деятельность, лишенную поэтичности. А поэзия неразрывна с честью. Я бы привел, как бы это ни звучало неожиданно, слова Альфреда де Виньи из его прославленной книги «Неволя и величие солдата»: «Какое-то неизъяснимое жизненное начало присуще этой странной, гордой добродетели, которая стойко держится, невзирая на все наши пороки, и даже как-то сообразуется с ними, развиваясь за счет их усиления. Тогда как все остальные добродетели, казалось, нисходят с небес, чтобы поддержать и возвысить нас, эта добродетель исходит как будто от нас самих и стремится в небо. Эта добродетель исключительно человеческая, словно порожденная самой землей, не сулящая небесного венца после смерти; добродетель эта неотделима от жизни... это суровая религия, не знающая ни символов, ни образов, ни догм, ни обрядов,—откуда же у людей возникает ощущение ее неотъемлемого могущества? Неодолимая стойкость духа поддерживается в борьбе против всех и против самого себя при мысли, что он хранит в груди некое неприкосновенное «святое святых», нечто вроде второго сердца... Отсюда к человеку приходят внутренние утешения, тем более высокие, что ему неведомы ни подлинный источник их, ни смысл; отсюда —внезапные прозрения, открывающие перед ним суть истинного, прекрасного, справедливого; отсюда — луч света, освещающий ему путь... Это убеждение... зовется честью».

Каждый час нашей жизни экзаменует нас на верность этой становой добродетели.

К сожалению, недостаток места не позволяет писать больше о наших поединках, дуэлях и «русском бое» как душе единоборства. Но беглый итог надо б подвести. Пушкин не придумал сцену в «Выстреле», когда под дулом пистолета офицер беспечно выплевывал косточки от черешен. Он описал свое поведение в одной из дуэлей на юге. Но почему не выстрелил в него Сильвио? Пушкин не все сказал, а там осталось за строкой много интересного из психологии боя. Мы разбирали часто с ребятами «Выстрел», как и праведный удар купца Калашникова. Помните, как побледнел Кирибеевич, узнав соперника? Это не от робости, не таков опричник. Он знал, что моральная правота за соперником, а на Руси безнадежно драться с таким бойцом. Лермонтов точно уловил дух «русского боя» с его нравственным законом и прямым и честным обменом ударами. Есть еще одна тайна в Песне о купце Калашникове. Поведение опричника и особенно Грозного Ивана не русское, скорее ордынское. Купец за честный бой кончает плахой, покрестившись на «белый Кремль». И здесь поэт гениально уловил скверну ордынскую, извратившую совесть в верхах. Поведение царя не

могло быть таковым в домонгольской Руси, ведь первооснова поединка — равенство оружия и честность в приёмах — была соблюдена. Старики, подзуживая мальчишек в селах к кулачным боям «стенка на стенку», строго следили за правилами. «Лежачего не трогать», «ниже пояса не бить» и т. д. Русские кулачные бои были от избытка здоровья и частью народной гигиены, снимавшей накопившуюся за зимнюю тесноту и сидение агрессивность.

Все поединки на Руси и в Европе, как народные, так и рыцарские, имели первоосновой судебные поединки, когда люди свято верили, что «бог за правду».

Я вспомнил о них, чтобы углубить и оттенить поединки под нашим родным небом, которые шли с диаметрально иных жизненных позиций, где доминирует формула «или грудь в крестах, или голова в кустах», это поединки, где возлюбили таран, еще когда штабс-капитан Нестеров таранил немецкий самолет ценой жизни. Таран — чистой воды «русский бой». В наших воздушных боях не было иступленного фанатизма японских «камикадзе». Русский таран — это просветленная готовность к самопожертвованию, не слепой фана-

тизм, а ясная битва на запредельных возможностях, рожденных не ненавистью к врагу, а любовью к земле, что под его крыльями. Духом «русского боя» озвучена поговорка, рожденная в среде уральского добровольческого танкового корпуса: «Или сгорим — или провремся!»

И этот же бой — в решительном предпочтении пистолетов перед холодным оружием в дуэлях. Не случайно де Барант, француз, предпочел вначале шпаги. Лермонтов учтиво предоставил ему выбор, хотя, будь его воля, выбрал бы пистолеты. Это все тот же национальный неистребимый инстинкт к неподдельности поведения, органическое отстранение от любой манерности, «драться так драться». Эта искренность и честь сплетаются в единый узел в самом русском из всех воинских правил «хочу на вы идти», она отвечает суворовскому «делай на войне то, что другие считают невозможным».

Мне еще в обучении холодному оружию всегда доставляло особое удовольствие, когда я мог какое-нибудь крылатое выражение Суворова сделать правилом для поведения мальчика в бою. Они подходят к любому единобор-

ству. Одно дело кричать ему «атакуй!», другое дело внушать на уроках суворовскую волю к доблести как единственную творческую волю: «Опасности лучше идти навстречу, чем дожидаться ее на месте». Вот вам еще формула «русского боя» из заповеди адмирала Макарова: «Если вы встретите слабейшее судно — нападайте, если равное себе — нападайте, если сильнее себя — тоже нападайте».

Где источник этого чувства, что дает ему силы для «русского боя»? Это единство с родной землей. Альфред де Виньи не говорит о родине. Но природа нашего строя чувств неразрывна с землей. Приведем еще раз его слова, они нам помогут познать себя: «Честь — это совесть, но совесть болезненно чуткая. Это уважение к самому себе и к достоинству собственной жизни, доведенное до крайней степени чистоты и до величайшей страстности».

Спорт наш сегодня — это десятки видов и многомиллионная армия спортсменов. География спорта расширяется, а специализация, напротив, су-

Фото Виктора САККА

ПО ТРАДИЦИИ «ВИКТОРИЯ» ОТКРЫВАЕТ ПАРАД 9 МАЯ, В ДЕНЬ ПОБЕДЫ. И В ЭТОТ ЖЕ ДЕНЬ — ГЛАВНЫЙ ТУРНИР ГОДА — В ПАМЯТЬ О СИБИРЯКАХ, ПАВШИХ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ.

жаются. В безудержной погоне за результатами отдельные виды спорта, их подвиды все более замыкаются на самих себя, варятся в собственном соку. Объединяющим началом могла бы в этом случае стать глубоко нравственная теория спорта, чтобы избежать, по Марксу, «профессионального кретинизма».

На своем рабочем месте каждый из нас, рядовых тренеров-наставников, вгрызается день за днем в свою родную специфику. Порой нас охватывает беспокойство. Мы чувствуем тогда, что выработка кончается, пласт уходит, а следующего горизонта не видно. Однако по инерции выдаем продукцию — результат, уже сдобренный изрядной долей отсебятин. В фехтовании эти потуги называют «своизмами».

Научные работники в помощь нам дают справочники, методики, руководства и тактики — полезная прикладная продукция, спору нет. Только вся она нацелена на текущий момент, на сегодняшний день, а тебе надо заглянуть с учениками в их завтра.

Как утолить эту потребность в совокупности, где речь будет идти не о технологии нашего ремесла, а о его нравственных основах? Мы ждем книг не о том, что нас разобщает друг с другом, а о том, что нас объединяет и со своими коллегами и с теми, кто не имеет никакого отношения к спорту. Этим должна быть жизненная теория спорта, устремленная в будущее, учение о поединке, которое неразрывно с общей культурой и историческими корнями, с широким философским фоном. Изложенная умно и доходчиво, она могла бы стать для спортсменов настоящей книгой, нашей системой Станиславского. А что касается эпитета «безграничный», пусть он будет приложен к духовным возможностям личности.

В ранних сумерках, когда в окнах загораются первые огни, в центре Академгородка под Новосибирском среди берез вспыхивают живописными витражами мушкетерский клуб «Виктория». Освещенный изнутри, он и впрямь напоминает волшебный фонарь, забытый великаном в роце, он переливается, искрится и горит. За стеклом в снежно-белых костюмах скрецаивают клинки мушкетеры. Мигают цветные лампы флюксаторов, сверкают лезвия шпаг, и боевая пластика выпада сменяется дружеским рукопожатием.

Редкий прохожий, пробега мимо витрин, не замедлит шаг, не улыбнется, не подберется на миг внутренне. Должно быть, в каждом мужчине никогда не умирает мальчишка.

Мальчишки, нахохлившись, как воробьи, посинеют от холода, несмотря на стужу, часами топчутся перед стеклом.

Вот один из них решительно открыл заветную дверь с бронзовыми вензелями клуба. Последуем за этим юным искателем серебряных шпор, ибо в жизни его пробил рыцарский час. Он влетает в вестибюль, как заяц на опушку леса. Настороженно глядит вправо и влево по коридору. Вслушивается в голоса ребят из раздевалки и, уловив слова «атака — стрелой», «контрипост», «вольт», чувствует, как его рыцарские грезы становятся явью. Завидев первого попавшегося ему на глаза взрослого, он кидается к нему и выдает непослушным, замерзшим ртом: «Фехтоваться хоч!»

В этот день для самых младших викторианцев — четверо- и пятиклассников, еще не мушкетеров, — проводится турнир «Алмазные подвески» — единственная дань наша героям Дюма. Вы помните, как отважный гасконец, теряя по пути друзей, мчался в Лондон за алмазными подвесками?

По традиции в канун Нового года мальчишки встречаются друг с другом в

рапирных боях. Судит соревнования Коллегия капитанов. Взрослые не имеют права вмешиваться в действия судейской коллегии. Победитель получает в награду «алмазные подвески». Мальчик в фехтовальном костюме, еще не остывший от боя, уже держит подвески на бархатной подушке и окидывает взглядом зрителей. Два маленьких герольда-секунданта стоят за победителем, взяв оружие «под высь». Это «пажи» будущей «королевы». Зал затихает, неувливаемый ток пробегает по рядам девочек. В дверях толпятся взрослые, они взволнованы и молчаливы. Девочка, которой победитель преподнесет подвески, станет королевой бала. Мальчик счастлив: он оружием добился этого права, он чувствует себя настоящим мужчиной. Смущенная и сияющая «королева» занимает место на «троне». «Казначей» кладет к ее ногам сундучок с «золотом» — это двойные викторианские «луидоры», отчеканенные на латуни клубным оружием мастером. Гремит музыка. Начинается бал.

Танцы сменяют игры, эстафеты, викторины. Герольд выкрикивает вопросы: «Когда возникла Советская гвардия?», «В каком бою родился первый гвардейский экипаж в русском флоте?», «В каком году Лермонтов получил золотое оружие «За храбрость»?», «Кто знает наизусть балладу о дуэли Бержерака?», «Кто из советских фехтовальщиков стал первым олимпийским чемпионом?». Проигравший рапирные бои может теперь взять реванш в викторине. Победителя викторины «королева» одаривает «луидорами». Зажав в кулаке «деньги», пятиклассник несет к бару. Там он утешает себя лимонадом под снисходительным взглядом «бармена» — восьмиклассника в красной пиратской повязке.

Да, «Алмазные подвески» — веселый турнир. Это одновременно и школа подлинной галантности, ибо в уставе «Виктории» записано: «Мушкетер всегда уважает девочку, как бы это ему ни было трудно».

Однажды, незадолго до ответственных соревнований, мы проводили в клубе, как это полагается, учебный сбор. Неожиданно в зале появились два генерала. Это были боевые однополчане — француз генерал Пуйяд, командир знаменитой эскадрильи «Нормандия — Неман», и генерал Захаров, в чью военно-воздушную дивизию во время войны входила французская эскадрилья. Наши фехтовальщики немедленно построились и, взяв оружие «под высь», отсалютовали боевым летчиком.

Генерал Пуйяд, как и подобает истинному французскому, при виде шпаги преобразился. Для французских фехтование больше чем национальный вид спорта. Фехтование — это некое проявление национального духа, символ как бы французского характера, где можно проявить лучшие национальные черты — отвагу, остроумие и боевую галантность. Француз и сейчас можно на дорожке почти безошибочно отличить от других фехтовальщиков по склонности к виртуозному диалогу клинков.

Когда гость узнал, что «Виктория» — коллективный член общества «СССР — Франция», а один из учебных отрядов носит название «Нормандия — Неман», он растрогался и захотел сказать юношам несколько слов. Это нельзя было бы назвать речью, больше это напоминало отеческое напутствие старого солдата. В заключение он пожелал ребятам, чтобы им никогда в жизни не довелось драться другим оружием, кроме того, которое сейчас у них в руках.

Капитан мушкетерского круга вручил генералам дипломы почетных членов «Виктории» и памятные медали.

Генерал Пуйяд захотел увидеть викторианцев в действии. Мы вызвали на

дорожку лучшую пару наших шпажистов, а судить поставили преподавателя французского языка Юрия Мешанина.

Когда гости после традиционного чая ушли, все ребята единодушно признали, что Пуйяд — самый обаятельный иностранец, который когда-либо появлялся в стенах нашего клуба. Заметим, что к этому времени клуб попал на туристские карты Новосибирска. Поэтому ребята, неся эту столь же почетную, как и обременительную обязанность, считали себя если и не знатоками иностранцев, то уж, во всяком случае, людьми искушенными.

Тогда же кто-то из мушкетеров заявил: «А не кинуть ли нам перчатку французским школьникам? Неужто оплошаем? Вызовем своих ровесников, одну спортивную школу, чтобы шансы были равны, и посмотрим, кто кого!»

Все воодушевились, и предложения посыпались одно за другим. Во время обсуждения выяснилось, что Жорж Помпиду, тогдашний президент Франции, считается автором одной из лучших антологий французской поэзии, а один из наших лучших отрядов носил имя прославленного поэта Сирано де Бержерака. Кто-то тут же начал декламировать начало знаменитой «Баллады о дуэли»:

*Свой фетр снимая грациозно,
На землю плащ спускаю я,
Теперь же появляйся грозно,
О, шпага верная моя.*

«И я колю в конце посылки!» — подхватила Наташа Иванчева и добавила неожиданно: «Секундантом в нашей дуэли с французскими школьниками будет сам Помпиду, ведь мы выставляем цвет отряда «Бержерак».

«Кто за то, чтобы почетным членом «Виктории» избрал президента Французской Республики Жоржа Помпиду?» — говорит Андрей Дерягин, капитан викторианской роты мушкетеров. Круг капитанов проголосовал единогласно. Через день в Париж полетело письмо на имя Жоржа Помпиду, который, кстати, незадолго перед этим был в Академгородке. Письмо заканчивалось следующими словами:

«Глубокоуважаемый господин Президент, в память об Александре Дюма мы вызываем на дружескую дуэль у монастыря кармелиток команду французских школьников. Просим оказать нам честь и быть нашим секундантом в этом поединке».

Президент ответил немедленно. Он согласился быть секундантом и благодарил за оказанную честь. Письмо было выдержано в лучших традициях дуэльного кодекса. Ж. Помпиду писал далее, что он поручил министру по делам молодежи и спорта организовать эту встречу. Викторианцы были в восторге и подналегали на французский язык, тренировки шли с удвоенной нагрузкой. Бюро молодежного туризма при обкомкомсомола согласилось отправить делегацию «Виктории» по своим каналам.

Неожиданная смерть французского президента расстроила планы викторианцев. Мушкетеры искренне горевали. Другая формула встречи с французами казалась нам недостаточной после столь блистательного вызова. Так вошла в анналы клуба достопамятная история о несостоявшейся дуэли с соотечественниками д'Артаньяна.

Быть может, лучшее, чем сегодня гордятся люди, является плодом животного досуга предшествующих поколений. Мы за активное общение между людьми, за здоровый отдых, за плодотворную взаимообогащающую беседу, но вместе с тем порой видишь, что к отдыху относятся, как к дефицитному товару. Все спешат наперебой потратить досуг, а иные просто халатно его. С Запада пришел термин «индустрия досуга». Индустрия — это поток, по-

ток — это серия, а последняя тяготеет не к качественным, а к количественным показателям.

Но все ли, кто нынче организует досуг подростков, детей, делают это умело? По нашему непоколебимому убеждению, человек, собравший детей для какого-то дела, должен либо сам быть в нем специалистом, мастером, либо найти такого знатока, увлечь его, а самому взять на себя функции организатора. Иначе слишком часто подростки становятся жертвами людей просто случайных, если не хуже.

Сейчас стали очень модными молодежные дискотеки.

Были и мы как-то приглашены в дискотеку на завязежного диск-жокея из Таллина, модного проповедника нового досуга. Диск-жокей заменил нашего массовика-затейника на танцах. Всем обликом и раскованно-небрежными манерами «наездник» давал понять, что «западнее» его не бывает. Всех присутствующих мы знаем с первых классов. Это ребята из полдюжины соседних школ, где мы уже десять лет ведем набор в мушкетеры. Многие прошли через наш клуб. Большинство бы сейчас гонять до изнеможения мяч на пустующих площадках. Но их теперь тянет в раннюю злчность, в полумрак, тесноту. Насколько светливых взрослых заводил с ироничными улыбками то появляются, то исчезают в камерке радиорубки. Из подросткового законодателя те, кого мы называем у себя «домашние герои». В каждой спортивной школе есть ребята, которые выигрывают бои в родных стенах, но в чужих залах ходят с ватными ногами, всегда биты и в своих поражениях винят всех: судью, противника, тренера, климат, трибуны — только не себя. В дискотеке — не такой невинной, как кажется, в этом антипододе как бы нашего клуба — все почти призывники и все те, кто через десяток лет будет взрослыми отцами семейств. Перед началом диск-жокей показал слайды.

На экране появился волосатый молодой человек, на лице которого, как говорят, «не было разрушительных следов мысли», но с ранним познанием в излишествах, с кругами от наркотиков под глазами.

Жокей, вдруг придав акцент родной русской речи, взвизгнул. Я запамтовал иностранное имя героя его рассказа, но за суть ручаюсь и передаю почти слово в слово:

«Перед нами новая звезда рок-музыки! Он родился в трущобах, в бедной семье! Но взял в руки гитару и стал идиолом Европы! Сейчас на его счету миллионы долларов и замки в Англии! Когда он поет, молодежь бьет мебель от восторга и разносит вдребезги мюзикхоллы!»

Взглянул на подростка по соседству. Взгляд его блуждал. По выражению лица можно было предположить, что он сейчас говорит про себя: «Чем я хуже? Гитару — и миллион в кармане. Я же два года клячил у матери сто пятьдесят на джинсы. Разве это жизнь? Падануть бы сейчас вот по этой люстре».

У входа дружинники еле сдерживали возбужденную толпу безбилетных подростков. Слышны были крики, возня, кого-то оттащивали. А диск-жокей, закончив тем временное свое вступительное слово, выдержанное в том же стиле, уже включил магнитофон. Зал сорвался с места... Грустное это было зрелище. Коли дети летят на дискотеки, как мотыльки на огонь, так расскажите им: как встать, как сесть, как стан держать и т. д. Эх, да что там говорить, из дискотеки можно было бы сделать великолепную школу этики, манер, дисциплины, галантности. Из всего можно сделать путь или наверх, или вниз. Дискотека, на которой мне пришлось побывать (впрочем, может быть, мне

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рэндольфу Хобсону казалось, что он находится в боевой рубке корабля, который непрерывно обстреливает артиллерия противника. Скандал вокруг хищения документов из штаб-квартиры избирательного комитета президента Грейнза разворачивался с необыкновенной быстротой. В отличие от тогдашнего, никсоновского «Уотергейта», огонь сразу сосредоточился на руководстве Белого дома. Главными мишенями стали Генри Дуглас и Рэндольф Хобсон.

Один из сотрудников избирательного комитета нынешнего президента, в благодарность получивший sinecure — пост председателя Национального фонда искусств и гуманитарных наук, поспешил заявить, что очень хорошо помнит, как ему передали для работы «толстенную пачку бумаг с напечатанным через два интервала текстом». Это были документы Грейнза. Председатель фонда тут же добавил, что получил бумаги от Хобсона.

Председатель одной из подкомиссий палаты представителей Шэдди попросил двух высших должностных лиц администрации разъяснить, каким образом четыре года назад они получили материалы из досье тогдашнего президента Грейнза. Шэдди отметил, что, «возможно, произошло нарушение уголовного законодательства, поскольку могли иметь место кража или сокрытие кражи».

Хобсон знал, что Генри Дуглас уже подготовил письмо, адресованное конгрессмену Шэдди, в котором признал, что они действительно использовали некоторые материалы избирательного комитета Грейнза. Однако он категорически заявлял, что не знает, как их удалось добыть.

Письмо Дугласа ничего не могло изменить. Скандал разрастался. В Белом доме царил растерянность. Дуглас, который в обычное время железной рукой наводил порядок в хозяйстве президента, чувствовал, как под ним заколебалась почва. Мнения сотрудников аппарата Белого дома разделились. Одни считали, что надо занять глухую оборону и все отрицать. Другие возражали: подобная тактика чуть не довела Никсона до импичмента. Все ждали, что предпримет президент, но хозяин Белого дома пребывал в нерешительности.

Хобсон обратил внимание на то, что один Адриан Корт, помощник президента по вопросам национальной безопасности, не потерял хладнокровия. История с кражей документов его как будто не беспокоила. Конечно, рассудил Хобсон, персонально Корта это не касается. Бумаг он не видел, потому что во время прошлой предвыборной кампании еще продолжал работать в Гуверовском институте войны, революции и мира, — в президентскую команду он вошел после инаугурации. Однако история с бумагами ставила под угрозу переизбрание президента, и это не могло не заботить Корта. И все же Адриан Корт демонстрировал подлинное, непоказное спокойствие. Почему?

Когда профессор Чейз, старший сотрудник Совета национальной безопасности, вернулся вечером домой из Белого дома, его ожидала оставленная сыном записка: «Доктор Орвил Этвуд, прилетевший сегодня в Вашингтон, хотел бы побеседовать с тобой». Дальше следовал адрес.

Чейз снова завязал галстук и спустился в подземный гараж. Ехать ему было недалеко. Доктор Этвуд остановился в доме своего старинного друга, бывшего министра юстиции, вернувшегося к адвокатской практике — среди его клиентов были в основном калифорнийские корпорации из так называемой Силиконовой долины под Сан-Франциско, которую считают центром американской электронной промышленности.

Кроме самого Этвуда и хозяина дома, в гостиной, обставленной мебелью в стиле Людовика XIV, профессор застал заместителя директора ЦРУ Ральфа Хьюма, сенатора Артура Плиммера из комиссии по делам вооруженных сил и генерала Дэвида Шрайвера — своего бывшего сослуживца, ныне помощника министра обороны. Все они собрались здесь по приглашению доктора Этвуда. Встреча с ним должна была состояться еще неделю назад, но Этвуду пришлось совершить короткое путешествие в Европу.

Светловолосый, мускулистый Этвуд шагнул навстречу профессору. Чейз с завистью отметил, что Этвуд похудел. Помимо обязательного тенниса и

плаванья, он занимался альпинизмом, был завзятым горнолыжником.

Хозяин дома смешивал гостям коктейли. На отдельном столике были сервированы закуски. От еды Чейз благоразумно отказался — за годы работы в Белом доме он дополнительно распорол и удовлетворился двойным виски. Потом ему принесли кофе, сваренный по особому рецепту. Чейз добавил из серебряного молочника сливочку, трижды запустил ложечку в сахарницу. Этвуд ни к чему не притронулся. Убедившись, что все присутствующие готовы его слушать, он начал рассказывать о европейских впечатлениях, крайне неблагоприятных. Атлантическая солидарность отнюдь не была такой крепкой, какой ее хотели видеть здесь, в Вашингтоне. Новые американские ракеты отнюдь не радовали европейцев. Этвуда беспокоило не только европейское антивоенное движение, но и настроения американцев. Общественное мнение качнулось в пользу переговоров с русскими с целью замораживания ядерных вооружений. Белый дом добился своего: «першинги» и крылатые ракеты были установлены на европейской земле, но Этвуд раздраженно процитировал слова одного из американских дипломатов насчет «пирровой победы» Соединенных Штатов: политика Вашингтона вызвала волну возмущения в мире. Глядя прямо в глаза Чейзу, Этвуд спросил:

— Не кажется ли вам, профессор, что, вторя таким вот либералам и надеясь успокоить пацифистские группы, в государственном департаменте да и в Белом доме стали иной раз грешить «миролюбивой» лексикой?

Чейз развел руками:

— В год выборов любой президент волей-неволей должен продемонстрировать готовность к переговорам с русскими, иначе он лишится изрядного количества голосов. Так было всегда.

— Но еще никогда не было такого антивоенного движения, — резко прервал его Этвуд, — да и перед администрацией стоят более серьезные задачи, нежели рутинное увеличение ассигнований для Пентагона. Президент пришел в Белый дом с лозунгом коренного пересмотра американской военной политики, обещав вернуть стране утраченное превосходство над Советами. Неужели он не понимает, что отход от этой линии обернется поражением для него? Я уж не говорю о том, что в принципе правительство напрасно старается «успокоить» антивоенное движение. Это только повышает акции пацифистов.

Чейз был поражен страстностью, с которой обычно выдержанный, корректный Этвуд обрушился на президента.

Молчание нарушил Ральф Хьюм:

— Мы предпринимаем кое-какие усилия с целью убедить общественность в опасности пацифистских настроений. Последняя акция, мне кажется, была удачной.

Этвуд устремил благожелательный взгляд на заместителя директора ЦРУ.

— Все здравомыслящие американцы ценят ваши усилия. Но этого мало, слишком мало.

— Я с удовольствием и восхищением вспоминаю план «Стэнфорд». — Мощный голос сенатора Плиммера наполнил комнату. — Какая это была прекрасная мысль! И ведь удалось добиться стопроцентного эффекта. Неужели «Стэнфорд» неповторим?

Генерал Шрайвер устремил вопрошающий взгляд на Чейза, Чейз посмотрел на Этвуда. Тот кивнул.

Чейз обратился к Шрайверу:

— Я думаю, генерал, что мы уже можем поделиться с нашими друзьями некоторыми соображениями. Повинуясь привычке военного человека, Шрайвер подыграл.

— Речь идет пока что о предварительных наметках, которые, как нам кажется, могут лечь в основу широкомасштабных акций. Начать с того, что...

— Вежливый такой... Правда, себе на уме человек... Платил всегда аккуратно, хотя видно было, что

каждый доллар у него на счету. В комнате книг полно, газет. Грамотный человек...

Замшелый старичок (ему доверяли только хранение ключей от номеров, но именовалась его должность пышно — дежурный администратор мотеля, того самого, где пять с половиной месяцев жил Батлер, он же Филип Никольс) не мог ничего плохого сказать о своем постояльце. О тождестве Батлера и Никольса, которого обливала грязью вся пресса, он еще не подозревал.

Бутылка дешевого калифорнийского вина опустела лишь наполовину, но администратор уже проникся симпатией к неожиданному посетителю. Бертис Холл часто достигал подобного эффекта благодаря врожденному обаянию. Умение наладить контакт с людьми много значит в его профессии.

Ключи от комнат висели на деревянных крючках за спиной администратора. Десятидолларовая бумажка решила дело — ключ от комнаты Никольса-Батлера в мгновение ока исчез в кармане Холла.

Диван с потертой обивкой, журнальный столик, два стула, вертящееся кресло, платяной шкаф — обычная меблировка дешевых номеров. Первые полтора года после университета Холл работал в полиции. Обysкать небольшую комнату для него не составляло труда. Ничего интересного он не нашел: старые газеты, книги, минимум личных вещей.

Холл спустился вниз к администратору.

— Я знаю, кто вы, — заговорил администратор, — вы из полиции. Только ума не приложу, в чем провинился бедный Батлер, ей-богу, неплохой парень. И он недоверчиво покачал головой.

Бертис Холл продолжил разговор. Его интересовал один вопрос, и, к своему удивлению, он получил на него ответ. Последний месяц к Батлеру-Никольсу не раз наведывались двое, по словам администратора, «молодых ребят». «Ребят», как выяснилось, все же было лет по сорок. Холл кое-как уяснил для себя их приметы. Один постоянно носит кожаную куртку, у него усы, опускающиеся к углам губ, глаза почти совсем без ресниц. Второй — короткошей, мощная голова, нос перебит, как у бывшего боксера. Имена? Нет, имен он не знает. К Батлеру заходили часто, иногда выпивали рюмку-другую в баре.

Холл встал, больше ему здесь ничего не узнать. Администратор посмотрел на часы, сощурив глаза, чтобы разглядеть стрелки.

— Видно, он и сегодня не появится.

— Кто? — не понял Холл.

— Как кто? Батлер.

«Ах, да, — сообразил Холл, — он же еще не знает».

— Загрузил в свой фургон несколько чемоданов, еды взял побольше, — тихо бубнил администратор. — Я его спросил: «Вы нас покидаете?» А он ответил: «Может быть, уеду на некоторое время, а может быть, вернусь вечером». Не вернулся.

У себя в конторе Бертис Холл стал первым делом набирать номер Уэстлейка. Странный человек был этот Филип Никольс. Зачем он назвал в мотеле другую фамилию? Побаивался полиции? Да и вся его затея — плод большого ума...

— Соедините меня с номером 603, — попросил Холл гостиничную телефонистку.

— Минутку. — Затем явно растерянный голос: — Вы слушаете? Из номера 603 пожилого джентльмена увезли в больницу.

— Что с ним?

— Сердечный приступ. Мы вызвали «Скорую».

Записав адрес больницы, куда понал его клиент, Бертис Холл спрятал в сейф блокнот с пометками о деле Филипа Никольса, надел куртку и вышел на улицу. Вашингтон — небольшой город. Минут через пятнадцать он уже был в больнице и застал полицейского и судебно-медицинского эксперта, которые пришли, чтобы засвидетельствовать смерть Герберта Уэстлейка, 68 лет, последовавшую в результате острой сердечной недостаточности. Тело Уэстлейка уже было отправлено в морг. Он умер еще в пути, сказали Холлу.

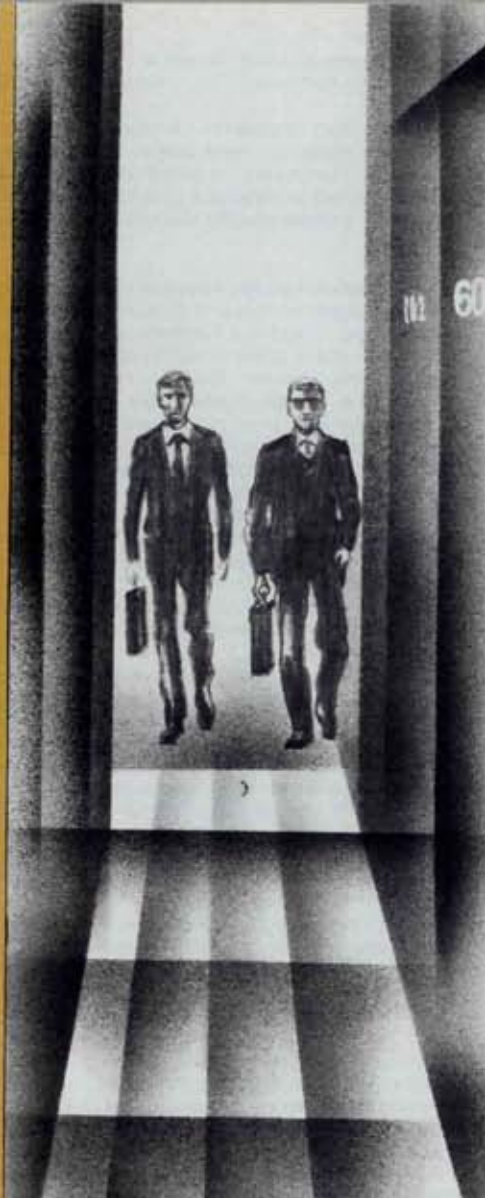
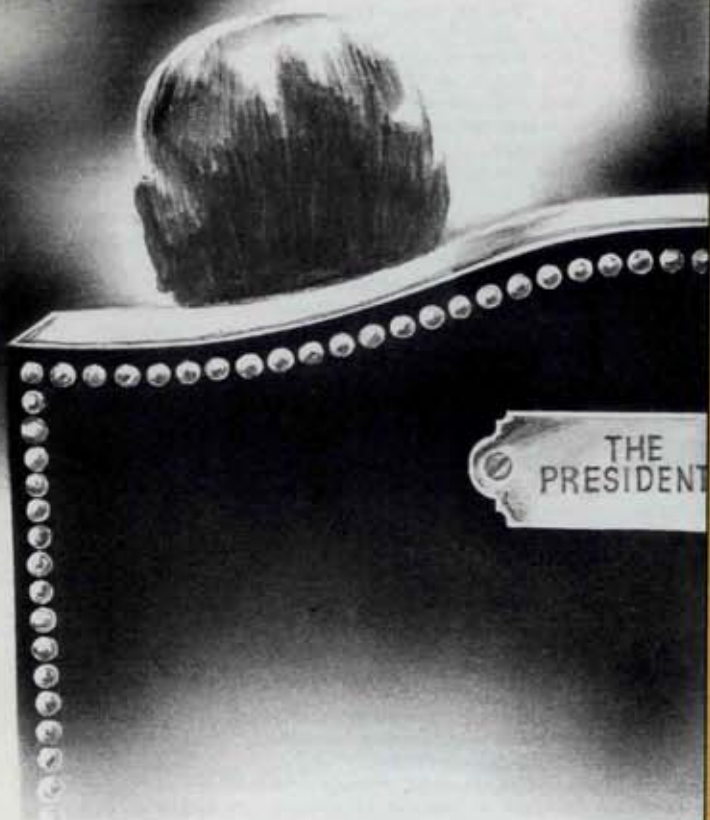

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

Холл почти рухнул на подставленный ему стул. Так внезапно его клиенты еще не умирали. Хотя странно-ничего тут нет. Сердечно-сосудистые заболевания — причина смертности номер один во всем мире. Уэстлейк и не производил впечатления здорового человека, к тому же возраст...

— Вы его адвокат? — безразлично осведомился полицейский. — Ну, тут никаких сомнений нет, если бы все так умирали, мы бы совсем без работы остались.

Холл все же настоял на том, чтобы ему показали тело Уэстлейка. Да, это был он — уже со следами прикоснувшейся к нему смерти.

По-настоящему Холл пришел в себя дома. Со смертью Уэстлейка все его хлопоты теряли смысл, но Уэстлейк заплатил ему авансом солидную сумму. Простая порядочность требует отработать деньги. Как все-таки странно, что Уэстлейк скончался скоропостижно...

В телефонной книжке Холл отыскал телефон одного опытного патологоанатома, которому полностью доверял, и попросил провести вскрытие тела Уэстлейка.

— Бертис, ты же знаешь, существует этика взаимоотношений между врачами. Я не работаю в этой больнице, и там будет возражать...

— Я настаиваю на этом как адвокат, — сказал Холл, — я заплачу тебе...

— Разумеется, но...

— Я добыю специальное разрешение для тебя. У меня действительно не должно быть никаких сомнений в том, что мой клиент покинул этот свет без посторонней помощи.

Ужинать Холл не стал и пошел в гостиную смотреть телевизор. Он успел как раз вовремя — к программе новостей.

Ведущий посвятил пятнадцать минут рассказу о новых деталях вашингтонского скандала. Советник президента Генри Дуглас, отвечая на вопросы подкомиссии палаты представителей под председательством конгрессмена Тэдди, сообщил, что документы Грайнза были переданы ему директором ЦРУ.

Глава ЦРУ поспешил тут же опровергнуть его слова: он ничего не может припомнить об этом; когда он был руководителем избирательной кампании нынешнего президента, через его руки проходило слишком много документов.

По сообщению агентства Ассошиэйтед пресс, высшие официальные лица администрации собрались, чтобы обсудить эту проблему. Президент сказал, что ему ничего не известно о похищении каких-то материалов. «Много шума из ничего», — заявил он. — Да и, откровенно говоря, я вообще не думаю, что какие-либо материалы Грайнза как таковые попадали нам в руки». Президент, однако, попросил министерство юстиции провести тщательную проверку инцидента.

Немедленно последовало заявление Белого дома о том, что документы Грайнза изъяты из архивов и передаются министерству юстиции, которому предстояло ответить на вопрос, использовались ли они его соперником. Пресс-секретарь Белого дома Хобсон пообещал со временем ознакомить с этими материалами печать. Он заявил, что во время предвыборных кампаний обе партии занимаются сбором подобной

информации. Такова обычная практика политической борьбы.

В конце передачи ведущий вернулся к истории Филипа Никольса.

— Федеральное бюро расследований, — сказал он, — обнаружило сегодня убежище этого шантажиста. Выяснилось, что шесть лет назад он был арестован за попытку незаконного ввоза наркотиков в страну. Сообщником, как полагают в столичном отделении ФБР, был его дальний родственник — Уэстлейк. В Вашингтоне Никольс проживал под чужой фамилией, поскольку, по-видимому, не оставил свой преступный бизнес. В его комнате в мотеле «Даунтаун» агенты ФБР обнаружили большой запас кокаина.

Холл вскочил с кресла. Утром, когда он осматривал комнату Филипа Никольса в мотеле, там не было наркотиков!

Вернувшись домой, профессор Чейз, несмотря на позднее время, не удержался и позвонил Адриану Карту. Помощник президента по национальной безопасности еще не спал и взял трубку.

— Я хотел только сообщить вам о беседе с Орвиллом.

— Да-да, — заинтересованно откликнулся Корт.

— Он одобрил нашу идею с некоторыми поправками в сторону большей интенсивности. У него на этот счет свои соображения, которые я вам завтра изложу.

Профессор Чейз справедливо остерегался откровенничать по телефону: в Вашингтоне никто не застрахован от подслушивания. ЦРУ и ФБР никогда не отказывались от заманчивой возможности узнать, о чем беседуют между собой видные вашингтонские чиновники. Даже спецсвязь Белого дома не давала полной гарантии — истории известны имена президентов, которые приказывали прослушивать телефоны своих сотрудников.

Ночь застала Холла в вашингтонском отделении ФБР. Известного адвоката Холла там знали, и агент ФБР позволил ему вместе с несколькими журналистами осмотреть находку, сделанную в номере Филипа Никольса в мотеле.

На столе лежало кокаина на добрых триста тысяч долларов. Холл с интересом разглядывал мешочки с белым порошком — такой упаковки он еще не видел, хотя не раз участвовал в судебных процессах, где в качестве вещественных доказательств фигурировали и героин и марихуана.

— Хорош борец за ядерное разоружение, — заметил агент ФБР, обращаясь к журналистам. — Готов держать пари, он просто надеялся получить выкуп, шантажируя всех нас, а денежки использовать для торговли наркотиками.

Пока журналисты фотографировали мешочки с порошком, Бертис Холл обратился к агенту:

— Где же он держал наркотик?

— Под кроватью, в ящике из-под виски, — весело ответил агент. — Мы как чувствовали, что найдем нечто подобное, сразу захватили с собой понятых.

Агент помахал перед носом Холла листками протоколов со множеством подписей.

Холлу не давала покоя одна догадка, но проверить ее было чрезвычайно трудно, да и, пожалуй, опасно. Репутация дорога адвокату не меньше, чем врачу. Потеряв ее, можно лишиться куска хлеба.

И все же соблазн был слишком велик. Холл отправился в гостиницу, в которой остановился, приехав в Вашингтон, Уэстлейк.

Был уже час ночи, но ключ от номера 603 оставался на месте. Это означало, что, как и предполагал Холл, номер еще не заселен. Он поднялся на шестой этаж. Бывший номер Уэстлейка находился в дальнем от лифта конце коридора. Холл медленно шел по мягкому ковру, устилавшему пол этого дорожного отеля, и размышлял. Сзади послышался голос. Холл не хотел, чтобы его здесь заметили. Рядом была дверь без номера — служебное помещение для персонала гостиницы. Почти без всякой надежды он взялся за ручку, дверь оказалась незапертой, и Холл скользнул в спасительную темноту.

Мимо него по коридору прошли два человека, у каждого в руке по небольшому чемоданчику. Холл высунул голову, чтобы увидеть, куда они идут.

Они остановились у номера 603. Один из них вытащил ключ. Они вошли в номер, захлопнув за собой дверь. Холл засек время. Ровно через восемь минут вышли. Теперь шли обратно по коридору, и Холл смог хорошо рассмотреть их. Раздался музыкальный сигнал вызываемого лифта, и все стихло. Холлу оставалось только ждать.

Потекли томительные минуты. Гостиница спала. Здесь останавливалась солидная публика, и поздние развлечения были у нее не в моде. Холл простоял в темной комнате сорок минут, и за это время ни один человек не прошел по коридору.

А потом все изменилось. Зазвучал перезвон сразу всех трех лифтов, и коридор наполнился звуками. Мимо его наблюдательного поста вихрем пронеслись человек десять. Вся группа остановилась у номера 603.

То, что происходило начиная с этой минуты, показало Бертису Холлу настоящей комедией — только он еще не до конца понимал, для кого она разыгрывается.

Беспорядочно щелкали фотоаппараты. С соблюдением всех предосторожностей была открыта дверь, с ручки предосторожно сняты отпечатки пальцев. С криками «Осторожно! Осторожно!» вся группа ввалилась в комнату. Теперь Холл ничего не мог видеть, зато хорошо все слышал. Процедура заняла немного времени — раздался звонкий голос: «Свидетелей сюда!», и Холл понял, что дело сделано. Он вышел из своего убежища и тоже пошел к номеру 603. Единственный оставшийся у двери полицейский принял его за опоздавшего журналиста и отступил в сторону, приглашая войти. Холлу было достаточно одного взгляда, чтобы все понять. Из коричневого чемодана Уэстлейка на стол выгружали кокаин — в той же самой пластиковой упаковке, которую Холл сегодня уже видел. Указывая на мешочки, агент ФБР что-то объяснял журналистам.

Холл вышел из комнаты, полицейский с удивлением покосился на него, но ничего не сказал.

У входа в гостиницу стояли машины ФБР и управления по борьбе с наркотиками. Возле одной из них курили двое. Холл сразу узнал их: сорок пять минут назад они побывали в номере Уэстлейка.

Все воскресенье советнику президента Генри Дугласу пришлось провести за работой. На понедельник была намечена пресс-конференция президента, логично было ожидать, что журналисты сосредоточатся на истории с кражей документов. В распоряжение газет попали все материалы, полученные в свое время руководителями предвыборной кампании нынешнего президента. Газеты поспешили сообщить, что, судя по документам, кражи происходили в течение нескольких месяцев и что бумаги конфиденциального характера поступали непосредственно из Белого дома, а не только из штаб-квартиры избирательного комитета Грейна.

Но понедельник начался другой неприятной историей.

Министр обороны пригласил группу близких Пентагону корреспондентов газет и телевидения на брифинг. Есть новые веские доказательства, заявил министр, что исходящая от Советского Союза военная угроза резко усилилась. Он, министр, глубоко доверяет приглашенным журналистам и поэтому распорядился, ознакомить их с разведывательными данными, вызвавшими глубокую тревогу Пентагона.

Затем корреспонденты перешли в конференц-зал, отведенный от кабинета министра холлом, где им было роздано «соглашение о нераспространении информации министерства обороны», в котором говорилось: журналистам станут известны «совершенно секретные сведения разведывательного характера, связанные с безопасностью США и принадлежащие правительству Соединенных Штатов», и они ни при каких условиях не должны сообщать эти сведения кому бы то ни было, в том числе своим главным редакторам. Кроме того, журналисты обязаны немедленно уведомлять министерство обороны, если кто-либо попытается получить от них эту информацию.

Представители печати наотрез отказались подписывать такое соглашение. Сотрудники министерства обороны были в замешательстве. Покинув конференц-зал минут на десять, они вернулись с предложением внести изменения в некоторые формулировки. Журналисты вновь отказались. После второго совещания пентагоновские работники сказали, что согласны на устное обещание придерживаться соглашения. Помощник министра обороны по политике в области международной безопасности генерал Шрайвер зачитал список присутствующих журналистов, обращаясь к каждому с вопросом, согласен ли он дать честное слово, что не станет распространять какую-либо информацию о брифинге. Все присутствовавшие журналисты ответили утвердительно.

Что именно рассказали журналистам в Пентагоне, осталось неизвестным широкой публике. Различные слухи поползли по редакционным кабинетам. Чаще всего повторялось имя бывшего начальника разведывательного управления министерства обороны (РУМО), который подготовил для консервативной организации «Мерит фаундейшн» объемистый доклад под названием «Высотный рубеж». Из доклада следовало, что Советский Союз добился огромных успехов в создании нового оружия, которое представляет неотразимую угрозу для Америки. Поговаривали, что администрация в растерянности, что в Пентагоне не знают, чем ответить на усиление «советской военной угрозы», и не хотят разглашать истинные масштабы наращивания Москвой боевой мощи, чтобы не подорвать предвыборные акции президента. Ведь он, президент, как сказал корреспондентам, аккредитованным при Белом доме, один высокопоставленный представитель администрации (без права ссылки на него), теперь делает акцент на разоружение и полон решимости добиться сокращения американских арсеналов.

Слухи эти немедленно распространились, и в дневных выпусках газет авторы комментариев потребовали от правительства быть честным со своими согражданами и не скрывать правду.

Сотрудники отдела связи с общественностью Белого дома бросились за помощью к Дугласу: что отвечать?

Дуглас был озадачен. Впервые администрацию укоряли в недостаточной заботе об укреплении военной мощи. Президент, за которым стараниями «либералов» прочно укрепилась репутация «ястреба», того гляди мог превратиться в «голубя». Что-то здесь было не так.

— Подумать только, каким негодяем оказался этот ненормальный, который угрожал взорвать памятник Вашингтону, — сказала Бертису Холлу его секретарша. — Сначала я даже немного сочувствовала ему. В самом деле, зачем тратить так много денег на ракеты? Но теперь я вижу, что ничего хорошего от этих людей ждать не приходится.

Холлу было достаточно утром просмотреть первые полосы газет, дабы удостовериться: со слов полиции пресса сообщила, что Николь и Уэстлейк замешаны в преступной торговле наркотиками. Нечего и удивляться, что этот Уэстлейк прилетел в Вашингтон, писали газеты, он надеялся выручить своего компаньона из беды.

Президент был в неплохой форме, это отметили все участники пресс-конференции. Улыбался он, как всегда, безмятежно.

Журналисты не стали церемониться.

— Господин президент, хотелось бы поговорить о материалах вашего предшественника Грейна, которые были получены теми, кто отвечал за организацию вашей кампании. Считаете ли вы в принципе возможным использование этих материалов?

— До того, как несколько дней назад об этом было сообщено в печати, я даже не знал, что кто-то из организаторов нашей предвыборной кампании имел такие материалы. Я никогда ничего подобного не видел.

— Не следовало ли немедленно отослать такие материалы владельцам? Или вы полагали, что стоило заглянуть в эти материалы, уж если они были получены?

— Я попросил министерство юстиции выяснить, когда и как они попали к нам и нет ли чего-нибудь предосудительного, незаконного в действиях нашего избирательного комитета. Но какую роль сыграли эти документы, если они даже не попали в мои руки? А я клянусь, что никогда их не видел. Годфри? Я вас слушаю.

— Господин президент, мне хотелось бы выяснить, как вы расцениваете историю с похищением материалов у вашего соперника. Что вы думаете по поводу этической стороны дела? Ваш пресс-секретарь сказал, что такие методы не новость в политической борьбе. Склонны вы прощать своим людям любые акции, если они способствуют успеху? Прощаете ли вы какие-то сомнительные поступки и действия во время предвыборной кампании, которой руководите?

— Нет, методы, о которых вы говорите, никогда не были характерны ни для одной избирательной кампании, в которой я участвовал, и я хочу повторить еще раз, пока вы все не заговорили о пропавших бумагах: я никогда ничего об этом не слышал. Совершенно естественно, что мне никогда не приходило в голову использовать подобные материалы в предвыборной кампании. Но я хочу, чтобы министерство юстиции высказало свое мнение. Я знаю, что многие вольно используют слово «украл», говоря, что кто-то что-то украл в Белом доме. По-моему, очень глупо так категорично утверждать, но нужно все выяснить. Сделал ли это какой-то недовольный сотрудник моего предшественника...

— Я хочу продолжить.

— Все хотят продолжать. (Смех.)

— Даже если использование материалов вашего соперника не было незаконным, как вы считаете, было ли оно этическим? И как вы относитесь к тому, что из всех участников вашей избирательной кампании именно директор ЦРУ оказался единственным человеком, который абсолютно ничего не помнит. А ведь он руководил всем. Он был руководителем вашего избирательного комитета.

— Поэтому-то он сразу и передал другим сотрудникам документы, как только они попали к нему. Я тоже иногда так поступаю с некоторыми бумагами (смех), я в них не заглядываю, но знаю, что их можно передать кому-то другому.

— А этическая сторона дела?

— Что?

— Этическая сторона дела, сэръ?

— Вопрос этики? Мне думается, что, сложившемуся мнению, предвыборная кампания всегда допускает двойные критерии. Это вызывает у меня сожаление. Я лично не верю, что к политической борьбе нужно применять двойные критерии. Нет, я считаю, что этика должна быть безупречной...

Поблескивая стеклами очков, директор ЦРУ говорил, что он не может понять, откуда к журналистам попали сведения о чертовых бумагах, которыми пользовались в ту избирательную кампанию.

— Это не люди Грейна, — категорически утверждал директор ЦРУ, — я сразу обратил внимание на то, что они не спешат воспользоваться этой историей. Они вроде бы тоже были удивлены. А теперь понимаю, что для них здесь мало приятного. Выходит, что в их лагере были проходимцы, которые служили двум хозяевам.

— Так кто же это? Один из наших? — предположил Дуглас.

Директор ЦРУ неопределенно пожал плечами.

— Сегодня перед пресс-конференцией меня вызывал президент. — Генри Дуглас посмотрел прямо в глаза своему собеседнику. — Он во что бы то ни стало хочет узнать, кто рассказал о похищении бумаг. Главная опасность: этот некто может поведать, что президент был в курсе нашей операции по получению бумаг. Тогда у него нет никаких шансов на выборах. Придется вам всерьез заняться связями тех журналистов, которые раскручивают эту историю.

— Иными словами, начать прослушивание их телефонов? — уточнил директор ЦРУ.

Он откинулся в кресле.

— Для этого мне нужно письменное распоряжение президента.

Дуглас покачал головой.

— С каких это пор вы стали таким законником?

— Поймите меня, Генри, — сказал директор ЦРУ, — сейчас я фактически парализован. Каждый мой неудачный шаг может обернуться ударом для администрации.

Попрошались они сухо.

Приехав в штаб-квартиру Центрального разведывательного управления в Лэнгли, директор вызвал своего заместителя.

— Послушайте, Ральф, — сказал он Хьюму, — есть срочное и важное поручение президента. Я хочу, чтобы вы докопались до сути этой истории с похищением документов у Грейна. Кто был источником информации — вот что интересует президента. Записывайте разговоры журналистов, должно же всплыть какое-нибудь имя.

Пока что Бертис Холл не знал, пригодится это ему или нет, но вчера на своем «бюике» он «проводил» одного из тех ребят, которые пронесли в гостиничный номер Уэстлейка наркотик, до дома и записал адрес. Сегодня он уже знал имя и фамилию — Энтони Диркс, место работы выяснить не удалось.

В отделе кадров ФБР ответили, что такой сотрудник у них не числится. Управление по борьбе с наркотиками — ответ отрицательный. Вашингтонская полиция — то же самое. Врут? Этого Холл не знал.

Он размышлял о том, что делать дальше. С одной стороны, было ясно — влезать в это дело резона нет: клиент мертв.

Холл не любил кустарщины. Разумнее всего было бы воспользоваться услугами одного из многочисленных частных детективных бюро, но в данном случае он вряд ли имел на это право. Как адвокат он понимал, что такая слежка была бы сочтена нарушением законности и могла бы стоить частному детективу лицензии. Слежку за Энтони Дирксом Холл никак не мог оправдать интересами своего клиента.

Телефонный звонок отвлек Холла.

— Послушай, Бертис, — адвокат узнал голос патологоанатома, которого попросил участвовать во вскрытии тела Уэстлейка, — я выполнил твою просьбу. Мой секретарь перешлет тебе счет за консультацию.

— Чем ты меня порадуешь? — устало спросил Холл.

— Официальная судебно-медицинская экспертиза ограничилась самым тривиальным диагнозом — инфаркт миокарда. Но у меня есть некоторые соображения. Знаешь ли ты, что такое общий адаптационный синдром?

Адвокат был вынужден признаться в невежестве.

— Понятие стресса тебе, разумеется, знакомо. — Патологоанатом был полон решимости растолковать сложную материю не разбирающемуся в серьезных науках юристу. — Стресс — это реакция организма на экстремальную ситуацию. При этом в организме активизируется деятельность гипоталамуса, гипофиза и надпочечников — они выбрасывают в кровь так называемые «аварийные гормоны», которые помогают организму справиться с болезнью.

Холл напряженно вслушивался.

— Однако в определенных ситуациях эта защитная реакция становится причиной смерти человека. Тебе это может показаться парадоксальным, но это так. Огромное количество выделяемого в кровь адреналина и норадреналина приводит к кислородному голоданию миокарда. В нем возникают очаговые некрозы, затем фибрилляция желудочков, и наступает смерть. Эндокринная система Уэстлейка была в плохом состоянии.

— Он был диабетиком, — сказал Холл.

— Дело не только в этом, — продолжал патологоанатом, — но в наши тонкости я тебя не стану посвящать, они все равно будут тебе непонятны. Мы совсем недавно занимаемся общим адаптационным стрессом, здесь много неизвестного, но я больше чем

уверен: смерть Узстлейка наступила после тяжелого нервного потрясения. Возможно, он узнал нечто такое, что произвело на него большое впечатление. Организм отреагировал стандартно — выработкой «аварийных гормонов», и сердце не выдержало. Других причин смерти я не вижу.

Патологоанатом распроцался с Холлом, оставив адвоката в состоянии еще большей неопределенности.

Бертис Холл просидел в кабинете до вечера, но так и не смог решить, что ему делать.

Мэтью Бродерик был действительно приятным парнем с густой шалкой темных волос, карими глазами и открытым лицом, что сыграло не последнюю роль в успехе фильма. Уступая настояниям жены, Фред согласился вечером пойти в кино, но теперь насколько не жалел о потраченном времени. Фильм «Военные игры» был одновременно захватывающим и убедительным.

Фильм вызвал много шума, поэтому жена и потащила Фреда в кинотеатр. Старшеклассник, его играл молодой актер Мэтью Бродерик, с помощью школьного компьютера подключается к компьютеру НОРАД — центру системы противовоздушной обороны Северной Америки и едва не провоцирует начало третьей мировой войны. Картину заранее начали рекламировать, но ее успех превзошел все ожидания продюсера: у кинотеатров стояли очереди. «Военные игры» имели настолько большой резонанс, что бригадный генерал Томас Брандт, заместитель начальника штаба НОРАД, выступил со специальным заявлением о том, что все показанное в фильме совершенно невозможно и что нечестно выдавать заведомую выдумку за правду. Его слова никого не убедили: Мэтью Бродерик был так достоверен...

— В газетах пишут, что русские могут вывести из строя нашу оборону, введя неправильную информацию в компьютеры, обслуживающие военных, — сказала жена Фреду, когда они возвращались домой.

Насчет этого Фред ничего не знал, но ему рассказывали, что ФБР уже давно научилось «заглядывать» в хранилища памяти любых компьютеров, если бюро нужна информация о каком-нибудь человеке. Агенты ФБР выуживали немало интересного из компьютеров системы социального страхования, куда заложены сведения о девяти из каждых десяти работающих американцев, о всех, кто получает пенсию и медицинскую помощь по программе «Медикэйр». Есть и другие источники информации. Служба внутренних доходов хранит в своих ЭВМ данные о восьмидесяти миллионах американцев, министерство сельского хозяйства — о миллионе с лишним фермеров, министерство транспорта — о четырех миллионах, лишенных водительских прав, министерство строительства — о пяти с половиной миллионах, получивших займы на строительство домов, министерство труда — о десяти миллионах, когда-либо получивших работу или профессиональное образование в соответствии с федеральной программой создания рабочих мест. В Пентагоне было досье на семь миллионов человек. Секретная служба хранила данные на сто пятьдесят тысяч человек. Две трети из них представляли потенциальную опасность для президента. Пятьдесят тысяч человек попали в эту категорию, потому что теорети-

чески могли иметь доступ к президенту — все государственные служащие, армия журналистов.

Уходя из дома, Фред пользовался услугами «электронного секретаря» — магнитофона, подключенного к телефону. Перемотав ленту, Фред услышал глухой голос Брунинга, который просил срочно с ним связаться. Поскольку жена уже улеглась, Фред вышел с телефоном в коридор. Брунинг был дома.

— Тут какой-то адвокат Холл очень интересуется историей с Никольсом, — сказал Брунинг. — Вас не было дома, поэтому позвонили мне.

— Это плохо. — У Фреда сразу испортилось настроение. — Завтра выясни...

— Меня просили передать, — прервал его Брунинг, — что медлить здесь не следует. Я позволил себе кое-что предпринять. Эмсли уже занялся этим вопросом, а я сейчас за вами заеду.

С одной стороны, в действиях Брунинга нельзя было увидеть ничего, выходящего за пределы его компетенции. С другой... Фреду не понравилось, что работать начали, не посоветовавшись с ним.

Собираясь домой, Рэндольф Хобсон подводил итоги трех дней. Президент собирался отдохнуть недельку в Калифорнии, но перед этим помощник президента по вопросам национальной безопасности Корт потребовал от Хобсона устроить четырехактное представление. Цель? Показать, что президент прочно держит в руках рычаги американской внешней политики. Это стоило им уик-энда, зато все прошло как по маслу.

Акт первый. Пятница, первая половина дня. Вице-президент и государственный секретарь, возвратившиеся соответственно из Западной Европы и Азии, делают заявления представителям средств массовой информации.

Акт второй. Суббота, полдень. Президент выступает с короткой речью и фотографируется с вице-президентом и государственным секретарем в Овальном кабинете. Затем втроем идут в зал Белого дома для брифингов и отвечают на вопросы журналистов.

Акт третий. Воскресенье. Вторая половина дня. Президент встречается с руководителями Международного валютного фонда. Фотографии передаются в прессу, чтобы читатели увидели их в понедельник утром.

Акт четвертый. Понедельник, первая половина дня. Вице-президент выступает по телевидению, чтобы рассказать о том уважении, которым пользуется политика президента США в мире. Его высказывания повторяются в вечерних газетах и в вечерних выпусках последних известий.

За исключением этой акции пресс-службе Белого дома нечем было особенно похвастаться. Опросы общественного мнения свидетельствовали о падении престижа президента. Процесс замедлила история с Филипом Никольсом. Но этот успех Хобсон не мог приписать себе, и на совещании аппарата Белого дома его служба подверглась резкой критике.

В половине девятого утра Бертис Холл припарковал машину недалеко от своей конторы. Секретарши, к удивлению Холла, не оказалось на месте. Он открыл дверь и вошел в кабинет. Он не успел сделать и двух шагов, как притаившиеся там люди схватили его за руки. Один из них предъявил удостоверение

сотрудника управления по борьбе с наркотиками. Когда Холл опомнился, на его руках уже защелкнули новенькие наручники.

— Какого черта! — возмутился адвокат.

Вместо ответа человек, представившийся ему сотрудником управления по борьбе с наркотиками, распахнул один из встроенных в стену шкафов, где у Холла было что-то вроде архива, и вытащил оттуда большой бумажный пакет. На пакете был типографским образом напечатан адрес конторы Холла — он заказал сотни таких пакетов в соседнем магазине писчебумажных принадлежностей.

Быстрым движением человек вытряхнул на письменный стол Холла несколько мешочков в целлофановой упаковке.

Такую упаковку Бертис Холл видел дважды: в вашингтонском отделении ФБР и в номере покойного Узстлейка. Знакома ему была не только упаковка. Он хорошо знал, что там внутри.

Белый порошок. Химическая формула $C_{17}H_{21}O_4$. Девриат эритроксилона кока. Известен под следующими названиями: «кок», «снежок», «поношка», «веселуха», «листок», «хлопья», «холодок», «пудра счастья», «нюхательный леденец», «перуанец», «леди», «белая девушка». Или, попросту говоря, кокаин. Растительный алкалоид, получаемый из листьев кокаинового куста, который растет на восточных склонах Анд. Доступность: в США повсеместно. Стоимость: 2200 долларов за унцию, в пять раз дороже золота.

Уинтерсу нравились такие отели — не слишком дорогие, но с кабельным телевидением. Всем видам кинематографического искусства он предпочитал порно и вестерны. Обычные телепрограммы не всегда соответствовали его вкусам. Зато кабельное телевидение, которым оснащались все большее число американских отелей, никогда не подводило Уинтерса. На телевизоре в номере лежал перечень фильмов, которые отель предлагал своим постояльцам: почти одна порнография.

Уинтерс выбрал одну из новых лент, позвонил гостиничному оператору и включил телевизор. Свободный канал ожил, по экрану побежали титры. Уинтерс развернул телевизор экраном к кровати, не раздеваясь, улегся. У него было много времени. Вечером к нему должна была прийти Джози с пленками. Она боялась оставлять их у себя — не ровен час найдет кто-нибудь из постоянных гостей.

Когда неделю назад Джози в первый раз прокрутила ему на видеомагнитофоне отснятые ею пленки, Уинтерс ни о чем таком не подумал. Он просто получил удовольствие, разглядывая, как известные всей стране люди участвуют в одной из самых грязных вечеринок, которые он когда-либо видел. С Джози они были близки лет десять, познакомились еще в Сан-Франциско, где оба родились. Уинтерс давно ошивался в Вашингтоне, но дела у него шли неблестяще. Встретив старую знакомую, он на радостях перехватил у нее пару сот долларов, которые все же вернул, чтобы буквально через день вновь занять их. Как ни странно, Джози (ее полное имя Джозефина было слишком длинным и не подходило к его обладательнице) обрадовалась, встретив Уинтерса.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

Составил А. ФЛЯНТИКОВ,
г. Апостоново
Днепропетровской области

По горизонтали:

5. Задвижка на окне, двери.
7. Верхняя часть составной мачты.
12. Одно из морей, омывающих СССР.
13. Высшее совершенство.
15. Производственный коллектив.
17. Один из бессмертных персонажей «Илиады» Гомера.
20. Активный фермент, содержащийся в плодах дынного дерева.
22. Прибор для определения блеска звезд.
23. Третья по величине река в Европе.
24. Буква латинского алфавита.
25. Фигурист-дебютант, ставший чемпионом СССР.
26. Столица автономной республики.
27. Японское трехстрочное стихотворение.
29. Желтый цветок.
30. Перевод корреспонденции по новому местожительству.
33. Белорусский вокально-инструментальный ансамбль.
34. Американский космонавт.
35. Часть здания, выступающая за основную линию фасада.
37. Птица, поедающая пчел.
38. Игра с шаром.
39. Южноамериканский ударный музыкальный инструмент.
42. Игра, в которой, переставляя буквы в слове, образуют новое слово.

По вертикали:

1. Часть русской прялки.
2. Храбрость, ловкость.
3. Метод, прием в работе.
4. Единица счисления времени.
6. Советский гроссмейстер.
8. Отдел физики, связанный с теплотой.
9. Кабардинский просветитель, автор первой национальной азбуки.
10. Наука о распространении звуковых волн в воде.
11. Вечернее атмосферное явление.
14. Лесной кустарник с плодами в виде сережек.
16. Украшение мелодии в вокальной музыке.
18. Город на севере Мозамбика.
19. Русское название Плейд, звездного скопления.
20. Известная советская фигуристка.
21. Деталь ружья, автомата.
28. Курорт в Латвии.
31. Персонаж оперы И. Дзержинского «Тихий Дон».
32. Блюдо из мясного или рыбного фарша.
35. Вокальное произведение.
36. Узкая полоска ткани для оторочки или украшения одежды.
40. Спортивная игра.
41. Один из самых распространенных минералов.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

1. Беседа.
4. Крымов.
10. Ударение.
11. Трубадур.
14. «Орас».
15. Символизм.
16. Финн.
19. Лицей.
20. Точка.
21. «Булат».
24. «Лыгов».
25. Повесть.
27. Гименей.
28. Глава.
32. Рифма.
33. Итака.
34. Флора.
39. Лель.
40. Драматург.
41. Звук.
44. Гуманизм.
45. Юмореска.
46. Янтарь.
47. Сатира.

По вертикали:

1. Блудов.
2. Сказание.
3. Доев.
5. «Рабы».
6. Мадригал.
7. Верона.
8. Лирик.
9. Фраза.
12. Автор.
13. Блокнот.
17. Жельдирие.
18. Руствавели.
22. Хорей.
23. Шелли.
26. Септима.
29. «Дипломат».
30. Скэтч.
31. Травести.
35. Элегия.
36. Проза.
37. Гримм.
38. Октава.
42. «Анар».
43. Арба.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Итоги первого тура

В первом туре нынешнего конкурса приняли участие сотни читателей, причем, что особенно радует, много школьников. Письма, как всегда, пришли со всех концов нашей страны. На этот раз с домашним заданием успешно справились несколько сотен читателей, верно ответивших на двенадцать и больше вопросов. При этом меньше всего читателей, как это ни странно, правильно ответили на самый простой — пятнадцатый вопрос. С ним практически не справился никто из постоянных участников Конкурса эрудитов. А ведь ответ на вопрос можно найти даже в школьных учебниках. Известен факт: некоторые ученые сфотографировали по пять и даже шесть тысяч снежинок и не встретили среди них и двух одинаковых.

Итак, жюри определило победителей первого тура. Лучшей работой признана объемистая рукопись В. и Т. Сергеевых из Воронежа. В ней четырнадцать абсолютно правильных и очень подробных ответов на вопросы. При этом Т. Сергеева написала, что ее очень заинтересовал второй вопрос и она прочитала о Н. П. Дубинине все книги и статьи, какие удалось найти. Мало того, у нее появилось новое увлечение — биология. Супруги **Сергеевы** награждены трехтомником С. Есенина.

Жюри присудило трехтомник поэта также **З. Косенко** из Артемовска Донецкой области, **О. Нагаевой** из Междуреченска Кемеровской области, **А. и И. Старовойтовым** из Верхней Пышмы Свердловской области и **А. Тункель** из Уфы.

Книгой «Верное сердце» награждены **И. Афанасьева** из Уфы, **В. Бахарев** из Златоуста Челябинской области, **В. Денисенко** из поселка Пальмира Черкасской области, **А. Дудник** из Днепропетровска, **Ю. Зотова** из Омска, **Е. Королева** из Севастополя, **Г. Мясников** из Киева, **Л. Суркова** из села Санники Хабаровского края, **А. Чадов** из города Андропов Ярославской области и девятиклассница из Одессы **И. Шибайкина**.

Все названные призы удостоены, кроме того, почетного диплома «Смены». Дипломами отмечены также домашние задания читателей **В. Абинжковой** из Волжска Марийской АССР, **И. Булаво** из Витебска. Она пишет: «Вопросы привлекают, и ответы часто оказываются очень интересными, иногда и неожиданными. Да и сам поиск интересен. Например, в поиске ответа на пятый вопрос я узнала, что в России были и кожаные деньги. Банкноты из ананасных листьев — такой вариант предложили в Танзании». Дипломами отмечены **Г. Деев** из Северодвинска Архангельской области, **В. Деметьев** из Новосибирска, **С. Журиба** из села Подгорное Львовской области, **В. Киселев** из Свердловска, **С. Лолопуло** из г. Калинина, **П. Романов** из Ростова-на-Дону, **С. Соколов** из Москвы, **З. и Т. Тарановы** из поселка Свесса Сумской области, девятиклассник **М. Трифонов** из Омска, **Л. Хомякова** из Томска, **Е. Чарун** из Донецка, **О. Швецова** из Нововятска Кировской области и супруги **В. и В. Шистко** из Ворошиловграда.

Дополнительно жюри решило наградить почетным дипломом самую юную участницу первого тура — десятилетнюю **Лену Кочеткову** из Риги (например, на пятый вопрос она ответила так: «Деньги печатали на шелке в Средней Азии, то есть там, где производили шелк». Очень логично) и самого пожилого участника — 84-летнего **Владимира Арсентьевича Муравлянского** из Бийска Алтайского края («Судьба давно свела меня с вами, и вы, не давая уснуть любознательности, как лучший врач, поддерживаете мое здоровье»). Владимир Арсентьевич ответил на тринадцать вопросов первого тура.

Поздравляем победителей и благодарим всех участников первого тура.

По многочисленным просьбам читателей приводим некоторые источники вопросов: альманахи «Прометей-7» и «Куранты» (Мос. рабочий, 1983); Н. Наволочкин. Дело о полтора миллионах. Хаба-

ровск, 1982; Н. Черкашин. Городских дел мастера. М., Молодая гвардия, 1982; Я. Голованов. Дорога на космодром. Деггиз, 1982; И. Гармаш. Занимательная автоматика. Киев, 1982; Ф. Рудольф. Джомолунгма и ее дети. М., Радуга, 1983; М. Аджиев. Сибирь: XX век. М., Мысль, 1983; Панорама искусств-1983; газета «Книжное обозрение» № 43 за 1982-й и № 4 за 1983 год; журнал «Наука и жизнь» № 10 за 1983 год.

А теперь приводим ответы на вопросы первого тура Конкурса эрудитов:

1. Как известно, Карл Маркс хорошо знал русский язык и мог свободно читать на нем. В его библиотеке было много книг на русском языке. На титульном листе одной из них, «Из огня да в полях!», стоят данные: Сочинение Вас. Маркова; С.-Петербург, 1876. Где на самом деле была издана эта книга и кто ее настоящий автор? К чему она призывала?

— Книга была отпечатана в январе 1876 года в Лондоне. Ее автор — революционер-народник **С. М. Степняк-Кравчинский**. Книга призывала народ к восстанию против помещиков, хозяев и царя.

2. Два мальчика бежали из детского дома и 1 мая 1919 года оказались на демонстрации на Красной площади. Сохранился снимок этого дня: В. И. Ленин в открытом автомобиле повернул голову к этим улыбающимся двум мальчикам, один из которых впоследствии стал академиком. Через 47 лет в Кремле ему, выдающемуся ученому, была вручена медаль лауреата Ленинской премии. Он писал стихи, и одно его четверостишие приведено в «Сказке о Митьке и Маше, о Веселом трубочисте и мастере Золотые руки». Назовите ученого и автора сказки.

— Ученый-генетик **Н. П. Дубинин** и **В. А. Каверин**.

3. В столице социалистического государства стоит памятник: всадник, скачущий к восходящему солнцу. Памятник посвящен выдающемуся национальному деятелю, который в 1921 году беседовал с В. И. Лениным. На постаменте-скале старинной вязью высечен завет. Прочитайте завет и назовите его автора.

— Памятник посвящен руководителю народной революции в Монголии, основателю МНРП **Дамдины Сухэ-Батору**. Его завет, высеченный на камне, гласит: «Если мы, весь наш народ, объединимся в едином стремлении, в единой воле, то нет ничего в мире, чего бы мы не добились, не будет ничего, чего бы мы не знали, чего бы мы не умели».

4. Когда поступила в обращение первая советская почтовая марка? Кто был ее автором?

— Первая советская почтовая марка согласно распоряжению народного комиссара почт и телеграфов **В. Н. Подбельского** поступила в обращение 7 ноября 1918 года. Ее автором был латвийский художник **Рихард Заринш**.

5. Где и когда в нашей стране уже при Советской власти деньги печатали на шелке?

— В начале 20-х годов в Хорезмской народной советской республике после свержения хивинского хана **Сейда-Абдуллы**.

6. Московское уличное освещение началось 252 года назад по петровскому указу. Что предписывал этот указ вообще и домовладельцам в частности? Что горело в уличных фонарях?

— Петровским указом предписывалось поставить вдоль улиц «на столбах фонари один от другого на 10 сажень все в одну меру линейно». Домовладельцы должны были выставлять в окнах по две-три зажженных свечи так, чтобы их свет освещал тротуар. В уличных фонарях горело конопляное масло.

7. Через 15 лет после того как советская космическая станция «Луна-3» вышла на орбиту спутника Селены и начала фотографировать ее обратную сторону, старший научный сотрудник Днепропетровского исторического музея **В. Пименов**, просмат-

ривая в библиотеке отдельные номера газеты «Московские губернские ведомости» за 1848 год, наткнулся на хроникальную заметку, в которой упоминалось поселение Байконур. В связи с чем?

— В заметке говорилось о решении властей «мещанина **Никифора Никитина** за крамольные речи о полете на Луну сослать в поселение Байконур».

8. О мастерстве этого музыканта ходили легенды. Иезуиты, травившие его, говорили, что он продал душу дьяволу, откуда будто и бесовское очарование его игры. Музыкант выступал только для широкой публики. Когда английский король предложил ему выступить перед ним за большое вознаграждение, артист с достоинством отказался. «Его величество, — сказал он, — может услышать меня за значительно меньшую сумму, если посетит концерт в театре». О ком идет речь? Сколько фуг он написал без помощи инструмента?

— О великом **Никколо Паганини**. Он написал без помощи инструмента 24 фуги.

9. В одном индийском музее выставлена горошина диаметром 17 миллиметров. Неизвестный мастер сделал ее полой. Внутри горошины — 40 слоников. Уральский умелец, узнав об этом, сделал из органического стекла коробочку и внутрь ее поместил шарик, равный «индийской горошине». Назовите умельца. Что он поместил внутри шарика?

— Умелец **А. М. Сысолятин**. Внутри шарика он поместил еще одну коробочку, а в ней — столик с шахматами. Фигурки их очень маленькие. Например, высота пешки всего 0,6 миллиметра.

10. Первыми Джомолунгму (Эверест) 29 мая 1953 года покорили новозеландец **Эдмунд Хиллари** и шерп **Тенцинг Норгей**. А когда на вершину земли поднялась первая женщина? Назовите ее. Какое и когда принято официальное название Джомолунгмы в Непале? Что оно значит в переводе?

— 16 мая 1975 года 35-летняя японка **Юнко Табей**. В Непале в 1965 году принято официальное название — **Сагарматха**, что значит «Небесная вершина».

11. Назовите самое старое на земле озеро. Сколько ему лет и во сколько раз оно старше следующего за ним по возрасту озера?

— Озеро **Байкал**, которому, как выяснили ученые, 20—25 миллионов лет. Предполагают, что оно в тысячу раз старше следующего за ним по возрасту озера.

12. Когда и кем была составлена первая в мире программа для вычислительной машины?

— **Адой Лавлейс**, дочерью **Джорджа Байрона**. В июле 1843 года она составила программу для вычисления чисел **Бернулли**.

13. В 1825 году в Париже был издан сборник пьес «Театр **Клары Гасуль**». Теперь все знают, что это была мистификация, и пьесы написал **Проспер Мериме**. Но часть тиража издания украшал портрет выдуманной испанской комедиантки. Кто на самом деле был изображен на портрете и кто его автор?

— Портрет был нарисован другом **Проспера Мериме** художником **Этьеном Делеклюзом** с самого писателя, который облачился в платье испанки, накинул мантилью и надел на шею ожерелье.

14. Больше всего спутников у Сатурна. Ученые предполагают, что их 21. Но достоверно открыты 17. Назовите их.

— **Атлас**, **Гиперион**, **Диона**, **Калипсо**, **Мимас**, **Рея**, **Телесто**, **Тетия**, **Титан**, **Феба**, **Энцелад**, **Эпитемий**, **Янус** и **Япет**. Трех спутникам названия еще не даны.

15. На землю падает неисчислимое количество снежинок. Сколько разновидностей их, хоть чем-то отличающихся друг от друга, известно?

— Несмотря на то что на землю падают мириады снежинок, изящных и хрупких, среди них никому еще не удалось найти две одинаковые. Тут природа если и повторяется, то, видимо, редко.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.05.84. Подписано к печати 18.05.84. А 09581. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 1464. Заказ № 2747. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Снова вокруг света

Английский мореплаватель Эрик Петерс поставил мировой рекорд в одиночном плавании вокруг света на самом маленьком плавательном средстве — лодке длиной в 1,8 метра. Сейчас он собирается в новое кругосветное путешествие: через Атлантику и Панамский канал в Тихий и Индийский океаны, затем вокруг Африки и снова в Лондон. На этот раз его судном будет небольшой парусник, корпус которого выполнен из стеклопластика. Эту «ладью» Петерс назвал «Тони-ко» — по имени своих детей Тони и Николаса.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

СПАСЕНИЕ для ДЕРЕВЬЕВ?

Если использование соли для посыпки дорог против гололеда не уменьшит радикальным образом, утверждают западногерманские дендрологи, к 2000 году погибнут все деревья в городах. Чтобы воспрепятствовать этому, в Гамбургском университете разработали специальный метод, основанный на замене слоя почвы вокруг деревьев. На место утраченной почвы вводится смесь, содержащая карбонат кальция и оксид магния. Таким способом в Гамбурге «вылечили» несколько тысяч деревьев.

«ГЕО», ФРГ

ЛУВР и ПИРАМИДА

После длительных дебатов в Париже одобрен план реконструкции Лувра с целью значительно расширить выставочные площади знаменитого французского музея. Специалисты давно уже констатировали: Лувру стало тесно. У входа всегда толпятся в ожидании своей очереди жаждущие побывать в его залах. При этом три четверти сокровищ Лувра хранятся в запасах. С необходимостью расширить музей были согласны все, нарекания лишь вызывал проект строительства перед дворцом огромной стеклянной пирамиды. Эта пирамида (высотой 19 метров и длиной основания 30 метров) должна стать центральным входом в музей. Под этим сооружением на глубине нескольких метров намечено построить подземные галереи, в которых будут развернуты новые экспозиции картин и скульптур; там же расположатся несколько кинозалов, библиотека и другие помещения. В целом проект предусматривает увеличение общей площади выставочных залов на 200 тысяч квадратных метров.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

РАСТЕНИЕ, ВЫРОСШЕЕ ИЗ ГЛАЗА

Восьмилетний Джулиан Фабрициус из Кейптауна начал жаловаться на ухудшение зрения. Врач осмотрел мальчика и с изумлением обнаружил, что в глазу его... какое-то растение! Вероятно, туда попало зернышко и проросло. Малышу была сделана операция, и инородное тело удалено. Специалисты считают, что это уникальный случай, не встречающийся в мировой практике. Зрение мальчика после операции полностью восстановилось.

«ПОЛИТИКИН ЗАБАВНИК»,
ЮГОСЛАВИЯ

Дрессировка рыб?

Японские исследователи всерьез подумывают об экономическом использовании условных рефлексов рыб. Уже проведена серия успешных опытов с мальками. Ученые полагают, что в результате «обучения» мальки запомнят определенные звуковые сигналы и станут реагировать на них и в зрелом возрасте: под звуки «волшебной флейты» будут сами заходить в расставленные в море сети.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

Сигарета за 500 долларов

«Благодарим за то, что вы не курите!» — такие надписи появились в залах ожидания международного аэропорта в Сингапуре. Подобные надписи можно встретить и в кино и в автобусах, однако звучат они более категорично: «Курить запрещено — штраф 500 долларов» (сингапурских). Уже год в Сингапуре ведется антитабачная кампания. Проходит она в несколько этапов. Сначала отказались от рекламы изделий табачной промышленности, затем запретили курение в общественных местах. Нельзя курить служащему в присутствии посетителя, врачу в присутствии пациента. Подготавливается закон, предписывающий на каждой коробке сигарет помещать информацию о вреде курения. Все эти меры приняты в первую очередь для противодействия распространяющемуся раку легких: каждая пятая смерть вызвана сейчас именно этой болезнью.

«КОНТИНЕНТЫ», ПОЛЬША

СЛИШКОМ ДОРОГАЯ МОНЕТА...

В дирекции атомной электростанции в американском городе Индиан-Поинт, неподалеку от Нью-Йорка, хранится, возможно, самая дорогая монета в мире, хотя номинальная ее стоимость всего 25 центов. Она была найдена в 360-тонном ядерном реакторе, который вывела из строя на семь месяцев. Повторный ввод в действие установки обошелся в восемь миллионов долларов. Так и не было установлено, как монета попала в реактор...

«ТАЙМ», США

«РОБИН ГУД» ОТ ЖИВОПИСИ

Неизвестный преступник похитил из собрания богатого токийского промышленника бесценное полотно Ренуара. Через несколько дней похититель направил нескольким газетам письмо: «Я постоянно посещаю токийские музеи, но ни в одном из них нет картины Ренуара. Именно поэтому я украл эту картину и готов выдать ее только в том случае, если владелец публично объявит о своем намерении подарить ее какому-либо токийскому музею. Если владелец это условие не выполнит, он свою картину никогда больше не увидит!»

Промышленник объявил через газеты, что принимает условие и подарит картину Ренуара Токийской галерее. На следующий день преступник позвонил по телефону и предложил заглянуть в тележку мороженщика, стоящую перед домом промышленника. Там и было обнаружено украденное полотно, заботливо завернутое и неповрежденное. Сейчас оно висит в Токийской галерее и привлекает внимание всех посетителей не только мастерством исполнения, но и своей «детективной» историей.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В ЗАЩИТУ ДЕЛЬФИНОВ И ПИНГВИНОВ

Миллионы пингвинов, обитающих на побережье Патагонии, избавлены от неминуемого истребления. Под давлением общественности правительство Аргентины приняло решение окончательно прекратить деятельность японской фирмы «Хиноде Пингуинс», которая забивала ежегодно 50 тысяч пингвинов с целью промышленного использования их перьев. Национальные организации по защите флоры и фауны ведут активную борьбу за полное запрещение лова нескольких редких видов дельфинов. По мнению аргентинских ученых, эти дельфины не выносят длительной транспортировки и весьма трудно привыкают к условиям жизни в дельфинариях Европы и Америки. Перемещение из родной стихии практически означает для них гибель.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

Аэробика? Да!

Одним из главных «изобретателей» этого увлечения является известная киноактриса Джейн Фонда. Впрочем, нужно сказать, что созданная ею программа гимнастики под ритмы современной музыки (с элементами балета, культурыстики и упражнений по системе йогов) сразу же трансформировалась в большое число вариаций, более простых по исполнению. Чем привлекательна аэробика? Тем, что гимнастике сопутствуют элементы танца, а это делает упражнения разнообразнее, подвижнее. Обязательное условие — упражнения должны делаться на свежем воздухе или при свежем воздухе. О том, как быстро распространяется аэробика, можно судить по такому факту: в Париже уже существуют 150 салонов аэробики и 3000 курсов по обучению этой программе.

«МЛАДА ФРОНТА»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

За 80 дней — через Гренландию

Необычное путешествие совершили три жителя Южного Тироля. За 80 дней они пересекли всю Гренландию без собак в санях, без использования радио, без наблюдения с самолетов. Смелые путешественники были снабжены лишь лыжами и коньками собственного изготовления. Тем не менее они прошли более 1300 километров.

«ИНФОРМАЦИЯ
БУКУРЕШТЮЛУЙ», РУМЫНИЯ

ЗА
АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ
СОЛИДАРНОСТЬ,
МИР
И ДРУЖБУ!

Москва, год 1985-й, XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов... Тысячи юношей и девушек с пяти континентов съедутся на праздник, который пройдет под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Добрая встреча гостей — предмет нашей общей заботы. Поэтому советская молодежь решила провести Всесоюзный субботник, перечислив заработанные средства в фестивальную копилку.

Фонд фестиваля. Фонд трудовых подарков советской молодежи слету юности планеты.

В ходе субботника вдвое перекрыли дневное задание по добыче топлива горнорабочие бригады Григория Тадака из очистного забоя шахты имени 50-летия СССР производственного объединения

ЧТО ТАКОЕ ФОНД ФЕСТИВАЛЯ

Для всех, кто желает успеха всемирной встрече молодежи, кто хочет внести свой конкретный вклад в общее дело, сообщаем, что в Управлении по кассовому исполнению Госбюджета СССР правления Госбанка СССР открыт счет № 700140 в фонд XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

«Краснодонуголь». Тридцать шесть молодых слесарей-ремонтников первого московского автобусного парка во главе с группкомсоргом Владимиром Евдокимовым перечислили в фонд фестиваля свой дневной заработок. Комсомольцы «Уралмаша» отработают по пять сверхплановых смен в счет XII Всемирного.

Фонд фестиваля — фонд дружбы и взаимопонимания.

Свою лепту вносят в него студенческие строительные отряды и трудовые объединения школьников. Молодые деятели искусств, лауреаты премии Ленинского комсомола, лучшие ансамбли и исполнители примут участие в концертах-митингах «Здравствуй, фестиваль!», средства от которых также поступят в общую копилку...